



Агата Лель

Останемся врагами

<https://litres.ru/74463679>

Аннотация

– Ты же понимаешь, что бывает, когда девушка ночью соглашается поехать домой к мужчине? – тихо произносит он, сканируя меня таким взглядом, от которого против воли ощущаешь себя обнаженной. – Предполагаю, – облизываю вдруг пересохшие губы. – Но ведь у нас с тобой не тот случай, верно? – С чего ты решила? – Ну, однажды ты меня уже послал... Он ухмыляется и откидывается на спинку кресла. Долго смотрит на темный прямоугольник окна, а потом лениво возвращает внимание мне: – Зря ты согласилась поехать со мной, Лер, – и от его голоса мурашки по коже. – Зря. ~~~ Их встреча была случайной... как ей казалось. А он знал, что это не совсем так. И продолжал игру. Девушка, что любит только его, и мужчина, который не любит никого. Кто из них победит в итоге?

#сложные отношения

НОВИНКА «БОСИКОМ ПО ОСКОЛКАМ» ➡#

Содержание

ЧАСТЬ 1. Глава 1 «Останемся врагами»	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	52
Глава 8	60
Глава 9	71
Глава 10	80
Глава 11	85
Глава 12	92
Глава 13	100
Глава 14	111
Глава 15	116
Глава 16	124
Глава 17	134
Глава 18	139
Глава 19	144
Глава 20	150
Глава 21	159
Глава 22	165
Глава 23	174

Глава 24	182
Глава 25	188
Глава 26	198
Глава 27	205
Глава 28	217
Глава 29	227
ЧАСТЬ 2. Глава 30 «Мой любимый враг»	233
Конец ознакомительного фрагмента.	236

ЧАСТЬ 1. Глава 1

«Останемся врагами»

«– Снова уходишь?

– Пора. Я ещё не выгулял своих демонов»

#

– Повторяю – предоставьте ваше водительское удостоверение.

Усталый ДПСник, положив ладонь на ребро опущенного почти до основания стекла, заглядывает в салон.

Вот черт! И надо было так облажаться?! Даже из города толком выехать не успела и уже нарушила скоростной режим.

Разве не должны были стоять дорожные камеры, которые просто фиксируют нарушение, а потом по месту прописки приходит штраф? К чему здесь, в глуши, среди посадок, затесался этот мужик в форме?

– Я забыла права дома, – тяну очаровательную улыбку.

– Страховка?

– Эмм... сейчас, – открываю "бардачок" и судорожно ковыряюсь среди разнообразного мусора.

Как выглядит эта клятая страховка, Господи.

– Сейчас... секунду. Здесь такой срach.

– Выйдите из машины, – произносит он и отходит на шаг

от двери.

Никогда еще я не попадала в подобную ситуацию. Раньше все было просто – Герман показывал какую-то корочку и нас отпускали, вдобавок еще желали хорошей дороги. А что делать теперь?

Как-то я видела в кино, что водитель просто давил на газ и смывался от полиции.

Интересно, у меня так получится?

– Выходите.

Вздыхнув, открываю дверь и выбираюсь на улицу. Умопомрачительно пахнет хвоей, полевыми цветами, травой. Голова кружится от обилия чистейшего озона. А говорят еще наш коттеджный поселок "зеленый".

Может, и "зеленый", да видимо не тот вкладывают смысл.

– Я правда просто забыла права, – вздыхаю. – Честное слово.

– Какие-то другие документы? Паспорт?

Ну уж нет. Отдать паспорт, где написана вся моя подноготная? Имя, прописка и, главное, фамилия... Он быстро смекнет, что к чему, свяжется с моим отцом и...

Нет! Домой я не вернусь. Ни за что.

– Паспорт я тоже забыла, – скулы сводит от тотального напряжения. Кажется, так неистово я еще никогда не улыбалась.

– Не рановато ли для проблем с памятью? – произносит он и снова нагло заглядывает в салон, оценивая сиденья из свет-

лой качественной кожи, брендовую дорожную сумку на заднем кресле, дорогой телефон. Затем, сделав несколько шагов назад, смотрит на номер машины. Достает свой выдавшей формы смартфон. – Если сейчас так, то что будет потом, лет через двадцать? Молодая еще.

Он собирается пробить номер. Определенно! А Мерседес записан, конечно, на отца.

Даже представлять не хочу, в каком он будет бешенстве. Но больше страшит даже не это, а то, что рано или поздно он вернется к начатому вчера вечером разговору. Это его предложение... Никогда. Ни за что. Только через мой труп.

А может... взятка?

Все и всегда дают взятки. И все всегда эти взятки берут. Отец всегда так говорит.

Тянусь к карману, где спрятана платиновая карта и пара пятитысячных купюр.

И сколько дать?

Одну?

Две?

– Даже не думай, – произносит мужик, не отрывая взгляд от экрана своего телефона. – Ты же знаешь, что попытка откупиться от должностного лица уголовно наказуема?

– Ну, мы никому не скажем, да? Я уж точно, не в моих интересах, – изображаю жестом "рот на замок". – Я действительно просто забыла права. И не пила. Давайте сюда эту свою трубку, я дуну.

Нужно смываться. Хотя бы просто попробовать!

Громко заявить о протесте и с позором сдаться? Поджав хвост вернуться домой? Да меня мои же подписчики с дерьмом сожрут. Для них я крутая, бесстрашная и безбашенная. Что на самом деле совсем не так... Я не очень-то уверенная в себе, где-то трусливая и порой слишком завишу от чужого мнения. Но это интернет. Идиотский мир с идиотским законами. Вращаясь в том кругу, в котором кручусь я, иначе просто нельзя. Никакой жертвенности, никакого самобичевания и даже намека на чувство вины.

Особенно учитывая историю моей семьи.

Пять лет назад репутация Стоцких была знатно подмочена, отцу пришлось подключить все свои связи "наверху", чтобы быстро замять разгорающийся скандал.

Откупиться. Примерить нужную мину. Стойко переболеть.

Мне было тринадцать, я училась за границей, поэтому все прошло как-то фоном, мимо меня. Но именно после того случая отец забрал меня домой, в Россию, чтобы я была под его присмотром. С тех пор жизнь круто изменилась. Не то чтобы наступил тотальный контроль, скорее, как говорит папа – некие "ограничения", чтобы "история не повторилась".

Это не может не напрягать, я вроде бы свободна – но не чувствую настоящей свободы. Хотелось поскорее закончить чертову школу и снова перебраться в штаты, поступить там в какой-нибудь престижный университет. И вот здравствуйте,

вместе заграницы папе взбрела в голову абсолютная дичь!

Да, конечно, то, что тогда случилось не могло не наложить на него отпечаток, и даже его страхи понятны, но я тоже живой человек и имею свое мнение. Я должна что-то сделать! Доказать, что не бесполезный росток на плодородной почве, удобряемой папочкиными связями и благосостоянием.

Доказать в первую очередь *себе!*

Поэтому должна сделать все, чтобы довести свой план до конца.

А план прост – я убежала из дома.

Просто прыгнула в машину и, даже не имея водительского удостоверения, уехала. И возвращаться обратно из-за какого-то придорожного мента...

– Подождите! Я, кажется, вспомнила, где лежат права. Сейчас, секунду, – не слушая, что он там бубнит, ныряю обратно в салон.

В ушах шумит адреналин. Руки трясутся. Мне так страшно, что пересыхает в горле и голова совершенно перестает соображать. Лишь голые инстинкты.

Поворот ключа, педаль в пол... и машина, стремительно набирая обороты, мчится прочь от наверняка обалдевшего полицейя.

Я сделала это, мать твою! Взяла и сделала!

Истериčno хохочу, бросая то и дело взгляд в зеркало на лобовом. Глаза от шока на пол лица, а позади... никого. Неужто оторвалась?

Как же жаль, что не засняла это. Эпичный получился бы контент.

На сиденье жужжит телефон. Отец.

Неужели уже доложили?#

Я не идиотка и понимаю, что идея побега полная чушь – он меня найдет. И довольно быстро. Да и плевать. Я снова убегу. А потом опять!

Запрячь меня в стойло как породистую кобылицу у него не получится. Предложить такое... Да как только язык повернулся.

Ликуя, что все получается так легко, врубаю радио на полную громкость, раскрываю на всю окно, запуская в салон свежий летний ветер. А потом, словно в самом паршивом кино, на дорогу выскакивает он...

Глава 2

– Вот черт! Че-о-о-рт!

Какой-то зверь. То ли собака, то ли лисица выбегает из леса прямо на дорогу и, застыв посреди серой бездушной ленты, смотрит прямо в лицо своей неминуемой гибели.

По инерции резко жму на тормоз и одновременно выкручиваю руль влево. Меня заносит – автомобиль кренится... а потом плавно, словно масло на свежепожаренном тосте, сползает в кювет.

– Мамочки! Боже мой! Мамочки!

Радуюсь, что осталась жива, судорожно расстегиваю ремень безопасности и резво, словно автомобиль вот-вот взорвется, проворно выбираюсь из машины. Все так же, причитая, цепляясь за траву и то и дело поскальзываясь, выползаю на обочину.

Сердце стучит словно ненормальное, вдоль позвоночника струится ледяной пот.

А если бы навстречу кто-то ехал?#

Или это была бы не прыткая лисица, а неповоротливый лось?

А если вообще – человек?

Музыка продолжает орать, и здесь, в окружающей тишине и полном умиротворении, она кажется особенно оглушающей. Какой-то инородно-зловещей.

Делаю два осторожных шага обратно к краю кювета и, вытянув шею, смотрю на авто. Глубоко провалилось, с дороги даже крышу почти не видно, без спецтехники не достать. И где прикажете брать эту долбаную спецтехнику в этой-то глуши?

Господи, ну почему-у-у?

Почему я такая безнадежная? Я даже из дома убежать нормально не могу!

А особенно бесит, что первая мысль, что посетила мою бестолковую голову – это позвонить отцу. Отец всегда знает, что предпринять и на каждый жизненный случай у него припасена соломка, на которую можно безопасно упасть.

Но не в этот раз. Ни за что! Я лучше пойду отсюда пешком, но не обращусь к нему за помощью.

Но чтобы идти куда пешком, надо понимать, куда идти конкретно.

Осматриваюсь по сторонам – ни одного указателя, только растущие вдоль дороги стеной деревья и диск заходящего солнца, который, лизнув острые макушки елей, прячется, сделав мне ручкой.

В голову сразу же лезут всякие страшилки из пересмотренных триллеров: одна, на обочине, в лесу и скоро наступит ночь...

Нужно срочно позвонить Лике! Пусть приезжает и спасает боевую подругу. А для этого как минимум нужен телефон. Делать нечего – проклиная растущие колючки, неук-

люже спускаюсь обратно в кювет. Шаг, другой, третий... и вдруг левую лодыжку обжигает словно огнем.

Меня кто-то укусил?

Змея?!

Вскрикнув, в панике вынырываю из зарослей и с прыткостью молодой антилопы запрыгиваю в салон. Осматриваю ногу – никакого укуса нет, только место чешется безумно и какие-то странные мелкие волдыри...

Это какая-то аллергия? Я что, умру теперь от отека Квинке?!

Представляю, как через неделю найдут мое брненное обглоданное лесными обитателями тело и понимаю, что не готова пока так бездарно умирать. Только не здесь и не сейчас.

– Где ты, чертов телефон! – наклоняюсь и ищу под сиденьем гаджет. Спустя несколько минут тщетных поисков – потная, злая и напуганная – все-таки нахожу. Вырубаю раздражающую сейчас музыку и ввожу пароль. – Лика, умоляю, будь дома!

Но...

– Нет сети? Ты серьезно? Эй! – истерично тычу на все подряд кнопки.

Ни сети, ни, конечно, интернета...

А ведь я даже не сказала никому куда именно еду. Пока свяжут концы с концами, я уже отброшу коньки здесь от удущья. Которого, кстати, пока нет.

Снова придиричиво осматриваю ногу – несколько десятков

крошечных волдырей, но кроме зуда в общем-то больше ничего. *Поканичего!*

Может, выйти на дорогу и будет ловить там?

Э, нет, больше в эти ядовитые заросли я ни за что не полезу!

Проявив все имеющиеся возможности ловкости и приличной растяжки, выбираюсь из открытой двери напрямиком на капот. На ощупь достаю из заднего кармана телефон.

Сети нет.

Балансируя на трясущихся коленях, вытягиваю руку с мобильным, но связь по-прежнему отсутствует.

А может, забраться на крышу?

Снова пихаю мобильный в карман шорт и, раздраженно смахнув со лба влагу, ложусь плашмя на лобовое. Зацепиться на крыше не за что (почему я не взяла джип!), влажное от стресса и жары тело липнет к пыльному стеклу.

Представлять, как все это выглядит со стороны, я даже не хочу. Если бы кто-то из моих подписчиков увидел, как я беспомощно протираю грудью авто... Это позорище.

Не думала, что скажу это, но какое все-таки счастье, что здесь никого нет.

– Тебе помочь?

Вздрагиваю от неожиданности и резко оборачиваюсь в сторону дороги. На краю стоит парень и, опустив ладони в карманы черных джинсов, смотрит на меня сверху вниз.

На меня, которая лежит в позе звезды на лобовом.

Позор невероятной силы накрывает словно не щадящее ничто живое смертоносное цунами.

Ну почему я не умерла от асфиксии минутой ранее!

– Спасибо, но нет.

– Уверена?#

– Да, более чем. Спасибо.

– Ну ладно, – он безразлично дергает обтянутым белой футболкой плечом, разворачивается и уходит.

Он уходит?

Уходит, бросив меня здесь?!

Серьезно?

– Стой! Подожди! – униженно кричу ему вслед, и парень возвращается обратно. Вернее, сначала возвращается его тень, а потом показывается он сам.

Я неуклюже сползаю обратно на капот и стряхиваю пыль с груди, на которую он как раз сейчас смотрит.

– Я тут... случайно слегка свалилась в кювет.

– Я вижу. Но тебе же не нужна помощь, сама сказала.

– Вообще-то, нужна.

Господи, какой неопиcуемый позор. Надеюсь, он не под-писан на мою страницу.

– На дорогу выбежала лисица, я вильнула, ну и...

– Бывает.

Насмешливый взгляд заставляет чувствовать себя еще более униженной.

Парень высокий, симпатичный и крепкий, стопроцентно

мой типаж, и от этого шкала позора достигает просто предельных высот.

– Ну так ты мне поможешь слезть отсюда? – расписываюсь в собственном бессилии. – Я бы сама, но там... Осторожно, там кто-то кусается! – запоздало предупреждаю чужака, который, сминая траву кроссовками сорок шестого размера, словно ледакол Арктика бесстрашно спускается ко мне в кювет.

– Кто кусается?

Вблизи его лицо кажется еще красивее. "Породистые" черты, хорошая кожа, послушные волосы и невероятно притягательные темные глаза...

Обычно я чувствую себя уверенно в кругу красивых парней, но обычно я не сижу грязная, жалкая и вспотевшая в кювете, с уродливыми волдырями на ноге.

– Не знаю, кто-то. Вот, – и, почесывая место укуса, демонстрирую многострадальную лодыжку.

Он опускает взгляд и хмурится, от чего брови приобретают сексуальный излом.

Вы скажете, что брови не бывают сексуальными. Черта-с два. Его – именно такие.

– Почему у тебя такое лицо? – сразу же забываю о бровях. – Все плохо, да?

– Похоже на то. Укус этого растения смертельно опасен.

– Растения? Так это не змея?

– Нет. Хуже.

Несколько секунд он смотрит на меня так серьезно, что я даже готова разрыдаться, а потом его губы растягиваются в улыбке, обнажая невозможно идеальные зубы.

– Да брось, это просто крапива. Расслабься уже.

И пока мой мозг обрабатывает новую информацию, он протягивает руки и снимает меня с капота. А потом закидывает на плечо и, словно добычу, выносит из кювета на обочину.

Глава 3

Помимо того, что он высокий, красивый и умеет располагать улыбаясь, от него еще вкусно пахнет. И как любая нормальная женщина я не могу этого не отметить.

До обидного быстро опустив меня на землю, незнакомец хмуро оценивает степень причиненного ущерба автомобилю.

– Мда, так просто обычным седаном его отсюда не вытащить. Нужна техника потяжелее. Ты пробовала звонить?

– Да, но здесь нет сети.

– Можем доехать до ближайшей заправки и позвонить оттуда.

– А где ближайшая заправка?

– Не знаю. Я сам здесь впервые. Ехал по делам, смотрю – на капоте звезда.

– Это не смешно!

Зло отворачиваюсь от наглеца и продолжаю приводить одежду в порядок.

– Сам же сказал – бывает.

– Кинь ключи, я закрою твою машину, – раздается насмешливое за спиной. – А потом поедем.

– Они остались внутри. В замке зажигания.

Он спускается снова, а я лихорадочно размышляю, можно ли ему доверять. Ехать куда-то с совершенно незнако-

мым парнем... – перевожу взгляд на припаркованную чуть поодаль у обочины тачку. Не дешевая, но и не люкс. В моем кругу на таких не ездят.

Я не знаю его, но и здесь оставаться еще глупее. Кто даст гарантию, что следующий "помощник" точно не окажется маньяком?

К тому же реально быстро темнеет.

Перед тем, как уехать, я написала длинный пост, в котором поделилась своими далекоидущими планами. Написала специально, чтобы его прочитал отец. Чтобы понял, что не нужно ставить меня перед фактом, выдвигая поистине дикие условия!

Думая о том, что он или его шестерки уже прочитали мой опус, представляя его реакцию, испытываю кровожадное удовлетворение.

Мой отец не плохой, нет, и я знаю, что он меня любит. А после событий пятилетней давности особенно, но то, к чему он хочет меня подтолкнуть... Абсурд! Чистой воды идиотизм. Нет, нет и еще раз...

– Сумку прихватить твою? – доносится из низины.

– Да, пожалуйста.

Приглаживаю рукой волосы и несколько раз несильно бью ладонями по щекам, дабы придать лицу свежего румянца. Жаль, что под рукой нет зеркала.

– Хорошая тачка, – появляется на обочине мой спаситель.

– Твоя?

– Отца. Одна из.

– Папина дочурка, значит? – криво ухмыляется он и передает мне мою сумку.

Я не считаю, что быть обеспеченным стыдно, скорее, отец всю жизнь внушал мне, что наоборот.

Что если у мужчины нет четкой цели, если к тридцати годам он ничего не добился, то уже и не добьется.

Что неумение зарабатывать деньги – это говорит о посредственных умственных способностях человека и с такими людьми мне не по пути.

Я привыкла так считать, все мое окружение такое, но рядом с этим парнем почему-то испытываю... что-то похожее на неловкость, за то, что я действительно "папина дочурка".

И это злит. Какого черта он, совершенно меня не зная, намеренно или нет внушает мне чувство вины за то, на что я не могу повлиять?

– Ну не на рухляди же ездить, – включаю стерву и намеренно перевожу красноречивый взгляд на его пыльный кроссовер.

Он в очередной раз ухмыляется, и так, словно знал, что я отвечу именно это и в подобном тоне. И как будто бы даже удовлетворен, что не ошибся.

– Я закрыл твою машину, можем ехать, – бросает он и, словно забыв, что я вообще-то тоже здесь, вальяжно переходит дорогу.

А я медлю. Ведь я на самом деле ни черта его не знаю.

Может, он психопат. Маньяк. Извращенец. С самого детства мне внушали ни при каких условиях не садиться в машину к незнакомцам. А именно это я сейчас собираюсь сделать.

– Ну, ты идешь? – не оборачиваясь спрашивает он, забираясь в салон.

Прилежно посмотрев направо и налево, наискосок преодолеваю пустынную дорогу.

Все равно хуже уже вряд ли будет.

Не дожидаясь, пока я пристегнусь, незнакомец резко трогается и довольно лихо набирает скоростные обороты.

Вообще, он ведет себя... ну примерно как ведут себя парни из моего круга – слишком борзо, резко, самоуверенно. Что немного странно, вряд ли его фамилия украшает список Форбс. А ведет себя так, словно именно он его возглавляет.

– Не боишься? – спрашивает, повернув голову на меня.

Темные волосы треплет ветер, и я в очередной раз убеждаюсь, что он просто преступно хорош собой. И определенно старше меня.

– Кого боюсь? Тебя?

– Ну да.

– А надо?

– Ну, ты в моей машине, и я могу увезти тебя черт знает куда, – и опускает взгляд на мои голые колени. – И сделать черт знает что.

– Да плевать, вези, – кладу локоть на ребро открытого окна. – Потом мой отец сделает из тебя фарш, подумаешь.

Он смеется, запрокинув голову, и я тоже давяю нервную улыбку.

Моя "крутость" явно напускная, и я боюсь. Но он этого не узнает.

– Как тебя зовут, бесстрашная?

– Лера. А тебя?

– Матвей.#

– Где ты работаешь?

– Да так... в одной инвестиционной компании.

– Правда? Мой отец инвестор. Может, ты его знаешь?

– Это вряд ли. У нас совсем небольшая фирма.

– А сколько тебе лет?

Он снова поворачивает на меня голову и уголок губ пренебрежительно ползет вверх.

– Да уж побольше, чем тебе.

– Не хочешь отвечать? Да пожалуйста, – обиженно дергаю плечом и, показательно отвернувшись, оживляю свой телефон. Может, хоть здесь интернет появился.

Наверное, там уже не меньше тысячи лайков. Представляю, какой фурор произвел мой последний пост.

Интернет появился. Как и связь. Тут же приходит штук пять неотвеченных от Лики и столько же от отца.

Игнорируя его истерику, открываю соцсеть и... я не отправила пост. Он так и висит набранным, но не ушедшим в киберпространство. Может, что-то там зависло в тот момент,

может, промазала мимо кнопки, но факт остается фактом.

Сначала думаю отправить прямо сейчас, а потом...

Если я исчезну для него вообще бесследно, непонятно куда, эффект явно будет круче. Да, это жестко, может быть даже жестоко, но как он собирался обойтись со мной? Разве не точно так же?

Может быть в этом случае он поймет, что мои угрозы не были пустым звуком и идея заставить меня плясать под его идиотскую дудку была провальной. Не работает это, пройденный этап!

Как же все хорошо все-таки обернулось.

Довольная, нажимаю удалить отложенный пост и чувством выполненного долга прячу телефон обратно в карман.

– Чему улыбаешься? – спрашивает Матвей.

– Да так. Представила лицо своего папочки, когда он узнает, что я сделала.

– И что же ты сделала?

– Убежала из дома.

– Да ладно. Прямо так взяла и убежала?

– Да! Прямо вот так! – даже задевает. Неужели и он, абсолютно меня не зная, считает, что я тепличный цветок? – Я правда ушла из дома! Вон, – киваю назад, – мои вещи.

– И никто не знает, где ты?

– Ни одна живая душа! – и прямо-таки распирает от гордости.

Он снова смотрит на меня и кажется, что с гораздо бóльшим интересом. Каким-то... азартом, что ли.

– Там есть заправка, – отводит от меня изучающий взгляд и резко сворачивает куда-то направо. – Оттуда и позвоним.

Глава 4

Вытянув скрещенные ноги из открытой двери салона авто, жую резиновую шаурму, купленную в круглосуточном киоске возле заправки.

Матвей, неторопливо расхаживая туда и обратно вдоль дороги, вызывает по телефону техпомощь, периодически бросая на меня косые взгляды.

Объективно – он очень хорош собой. Холеный, загорелый, самоуверенный. Посади такого в Феррари – обычный мажор из моего круга.

Мне не слишком нравится, что я смотрю на всех сквозь призму благосостояния, но как говорит мой отец – это впитано с молоком матери. Я не видела другой жизни и не знаю ее. Для меня вот это все – и есть обычная жизнь.

Могло бы у нас что-то выйти, встретиться мы в каком-нибудь ночном клубе? Определенно, да. Но увы, такие как он вряд ли ходят по клубам, которые посещаю я. Что, может, не так уж и плохо. Парни из моего круга, не смотря на свой лоск, поголовно форменные кретины.

А этот Матвей... он другой. Раскованный, не связанный никакими "положено". И это не может не притягивать.

– И как оно? – засовывая телефон в карман, возвращается ко мне. Хороший телефон кстати, такой же, как и мой.

– Гадость редкостная, – сминая упаковку и пуляю мимо урны. – Несварение обеспечено.

Он усмехается и, забрав свой сверток к капота, вгрызается в лаваш с острой начинкой. Признаться, с таким же "аппетитом", как и я.

– И что тебе там сказали? – киваю на его карман.

– Не раньше, чем через пару-тройку часов. Но зная их – минимум семь.

– Фигово. И что мне теперь делать? Без машины я как без ног.

– Может, все-таки наберешь своему отцу?

– Спятил? Я же из дома убежала!

– Кстати, ты так и не сказала, почему.

– А вот это тебя не касается.

Да о таком даже говорить стыдно. В нашем веке, в правовом обществе и эти бредовые идеи... Даже если учесть, что он просто беспокоится о моем будущем... Нет!

– Можешь переждать в какой-нибудь гостинице, – рвано, по-мужски небрежно, вытирает рот салфеткой, а затем бросает ее вместе с остатками шаурмы в ту же урну. Правда, в отличие от меня, прямо в яблочко. – Дальше по трассе наверняка полно придорожных мотелей.

– Если я только попробую куда-то заселиться, отец тут же меня вычислит. У меня его кредитка.

– Ну, я могу оплатить номер, – показательно безразлично дергает плечом. – Меня же он не ищет.

Перевожу на него настороженный взгляд.

– С чего это вдруг такая невиданная щедрость?

– А в вашем кругу не принято делать что-то просто так?

Кстати, если не хочешь, чтобы он тебя вычислил – выключи телефон, – и добавляет. – Геолокация.

– Точно!

Наверняка я уже спалилась, но попытка не пытка. Вырубаю телефон и прячу на дно сумки.

Идея ехать в какую-то придорожную гостиницу меня, мягко говоря, прельщает не очень. Продумывая свой побег я не учитывала, что придется лазить в крапиве, есть непонятно что и спать непонятно где.

А если совсем честно, побег я вообще не продумывала. Это было спонтанное решение. Назло отцу.

И я должна довести дело до конца.

– Ну, поехали тогда искать мотель, – затягиваю ноги обратно в салон и захлопываю за собой дверь.

Ближайший более-менее приличный придорожный мотель оказался аж в часе езды от заправки, и за это время некачественная шаурма сделала свое грязное дело. Ощущая дикую боль в желудке, судорожно дышу в раскрытое окно.

– Они клялись, что все свежее.

– Тебя развели.

– Уверена, что не хочешь вернуться домой?

Зло оборачиваюсь на Матвея. Если бы он не был таким красавчиком и моими "колесами", давно бы послала его куда

подальше.

– Да, я уверена, что не хочу вернуться домой. Че-о-орт, – зажимаю рукой рот. – Остановись прямо тут. Срочно!

Не доезжая до гостиницы, он лихо тормозит у обочины, я буквально на ходу выкатываюсь на улицу и меня выворачивает съеденным прямо на пыльную, пожухлую от палящего солнца траву.

Если бы мне не было так хреново, я бы обязательно посокрушалась, какой же позор делать это в двух метрах от симпатичного парня. Но мне так плохо, что все равно.

Впрочем, то, что стемнело, играет мне на руку. Это не отметить я не могу.

– Как ты там? – спрашивает он за спиной.

– Да обалденно, как видишь, – вытираю рукой рот и оборачиваюсь на красавца. Он стоит прислонившись задом к капоту своего авто и смотрит на меня с неподдельной долей сочувствия.

Я чувствую себя страшной, грязной и глубоко несчастной. Хочется плюнуть на все и действительно вернуться домой. Принять горячую ванну, лечь в свою уютную постель. Может, отец просто пошутил?... Да даже если и нет... сейчас его предложение уже не кажется мне настолько отвратительным, как состояние.

– Может, стоит поехать в больницу?

– Не надо, обойдусь активированным углем. Есть здесь где-нибудь поблизости аптека?

– Понятия не имею, но можно поискать. Вот, держи, – и протягивает мне спасительную бутылку воды.

– А ты как? Мы же ели одно и то же.

– Я нормально.

– Наверное, твоя начинка была сделала из живой кошки. В отличие от моей.

Горло саднит. Осушаю поллитровую бутылку почти целиком и на трясущихся ногах добираюсь до машины. Без сил падаю обратно на переднее сиденье.

Нельзя возвращаться. Нет. Вернуться – признать свое позорное поражение. Тогда отец точно будет знать, что мной можно манипулировать и диктовать условия, как жить. Он уже пытался провернуть это когда-то, правда, не со мной, и ничего хорошего из этого не вышло.

Само собой он отыщет меня и вернет домой, но я обязана вернуться победителем.

– Ну так что? Разворачиваемся обратно? – спрашивает Матвей, опускаясь на сиденье рядом. Мне кажется или в его взгляде мелькает вызов?

– Нет, – захлопываю дверь, – мы идем заселяться в этот сраный мотель.

Глава 5

Таких убогих гостиниц я не встречала никогда в своей жизни. Дешевая обшивка на стенах, облупленные диванчики из кожзама, да даже лимоны в вазе на стойке ресепшна ненастоящие! Думать о том, что там творится в номере я вообще не хочу.

Поэтому не думаю. Сижу вся такая жалкая на одном из покоцанных диванов, удерживая в руках пустую бутылку.

Девушка у стойки о чем-то тихо переговаривается с Матвеем, бросая на меня быстрые и явно осуждающие взгляды.

Она что, решила, что я и он...

Что мы приехали сюда трахаться?

Мысль шокирует и доводит до бешенства. Она точно так решила, по лицу все видно! Любовники, которым больше негде, заехали во вшивый придорожный мотель.

– Ваш номер двенадцать, на втором этаже, – и протягивает ему красную пластмасску.

– Не "ваш", а "мой". Только мой! Я заселяюсь одна! – зло подскакиваю с места и выдергиваю из ее рук ключ. – Он для меня номер снял. Спасибо за помощь.

И направляюсь к лестнице, потому что лифта здесь просто нет.

Я устала. Я раздражена. Я выставила себя жалкой идиот-

кой в глазах парня, внешность которого легко составит конкуренцию Тому Харди.

Не было в моей жизни еще такого и сейчас вселенная словно кричит – это все не твое, Лера! Сворачивай уже свое неудавшееся приключение. Но ослиная упертость не позволяет дать заднюю.

#####

Номер оказывается как я и предполагала – тоже убогим. Но сейчас мне настолько хреново, что я быстро принимаю душ, чищу зубы прихваченной из дома щеткой и, стараясь не думать, сколько человеческих тел спало на этих простынях до меня, ложусь на удивление удобную двуспальную кровать. Натягиваю тонкое одеяло до подбородка.

Я убежала даже не попрощавшись. И не спросив его номер телефона.

И тут же думаю – а зачем он тебе?

Ты реально позвонила бы ему позже?

И вдруг понимаю, что совсем не исключено.

Он классный, красивый, в меру наглый, не лишен здоровой самооценки. Все как я люблю. И он не мажор, что добавляет в копилку его плюсов еще одно жирное "за".

Лица считает, что я дура, раз хочу связать свою жизнь с кем-то не из своего круга. Не в плане с нищим слесарем, но точно не мажористым сыном одного из папиных друзей. Не выношу этих напыщенных индюков с ног до головы упакованных в бренды.

Да, я сама ношу их, но не понтуюсь этим на каждом углу. Если только в своем блоге, но там у меня тщательно созданный имидж "крутой и циничной суки", от которого так пищат подписчицы и который позволяет зарабатывать неплохие деньги.

Как-то, в момент малодушной честности, я допустила глупость и написала там, что хотела бы познакомиться с "просто парнем". Нормальным, без вот этого всего. Лица меня высмеяла, и на следующей день я позорно переобулась, написав, что это была репетиция первоапрельской шутки. Долго потом чувствовала себя гадко, от того, что пошла у нее на поводу.

И вот, пожалуйста – "просто парень", все как заказывала вселенной, и убежала, даже не узнав его фамилию...

Ну не дура ли?

Раздраженно поворачиваюсь на другой бок. Вытаскиваю из-под щеки тощую подушку и кладу на голову, мечтая задавить неуверенность, страх и тупость.

А потом слышу стук в дверь...

Резко убираю подушку и прислушиваюсь.

Так и есть. Стучат.

– Кто там? Я сплю.

– Это я.

Матвей?

Он вернулся?

Неуклюже выпутываюсь из одеяла и иду к двери. Потом

вспоминаю, что из "одежды" на мне только нижнее белье. Причем в прямом смысле только нижняя его часть. Возвращаясь, хватаю со спинки стула полотенце и кручу вокруг себя, соображая что-то похожее на парео.

– Привет... А ты чего тут? – убираю за уши пока еще влажные пряди.

– Так уголь же, – и протягивает полиэтиленовый пакет, в котором лежит одинокий блистер с черными таблетками.

– Ты нашел аптеку?

– Ну конечно. Это же я отравил тебя той шаурмой, уехать совесть не позволила. А еще я решил, что переночую здесь. С тобой.

– Не поняла...

Но он уже отодвигает меня от двери и бесцеремонно заходит в номер.

– Уже ночь, устал как черт. Да и за тобой присмотреть, мало ли, – кидает на стол пакет.

– Подожди-ка, хочешь сказать, что собрался переночевать здесь? То есть в моем номере?

– Не собрался, а сказал, – и, заведя руки за спину, рывком стягивает футболку, обнажая идеальный пресс.

Он слишком хорош, так не бывает.

Четко вылепленные кубики – определенно долгая и изнурительная работа над своим телом. Спортивные парни – моя слабость. Я начинаю паниковать.

– Где тут душ? – и тычет пальцем на единственную дверь

кроме входной. – Там?

Стоп, я на это не подписывалась.

Да, ранее я пожалела, что даже не попрощалась, не спросила его номер телефона и все такое, но ночевать вместе...

– Матвей, я благодарна тебе за помощь, но вынуждена попросить тебя уйти.

– Это еще почему?

– Потому что... потому что мы мало знакомы друг с другом! Вернее, практически не знакомы совсем.

– Я же не переспать тебе со мной предлагаю, не паникуй, – и окидывает меня взглядом с головы до ног. Кажется, только сейчас он замечает, что на мне практически ничего нет.

Ощущаю, как алеют щеки. И как предатель-взгляд сам по себе концентрируется на идеальной V из косых мышц прессы, убегающих за ремень его джинсов.

И он это, конечно, видит. Господи, какой позор.

– Да, душ там, – отворачиваюсь к окну, словно пустующая трасса по ту сторону стекла нечто невероятно занимательное.

Плескается он катастрофически быстро – пара минут, и уже заходит в комнату, пропитывая свое немаленькое тело крошечным полотенцем для рук.

– А где нормальное полотенце?

– Оно на мне.

– Мда, сервис, – швырнув кусок махровой ткани на спинку стула, плюхается на кровать, заняв при этом добрую ее

половину.

Я не просто в шоке – я в ужасе.

Стыдно признаться, но никогда в жизни я не делила свою постель с парнем. Понимаю, что звучит как маловероятный бред, ведь мне уже восемнадцать, я не страшная и не пуританка, но да, я девственница, и это одна из самых моих страшных тайн. Даже лучшая подруга Лика не знает. Я наплела ей еще год назад, что переспала с полузащитником из популярной футбольной команды на летних каникулах в Сан-Тропе. "Просто ничего не обязывающий секс... О, да, он был горяч..." и прочий делающий меня более крутой и взрослой бред.

Я на самом деле познакомилась тогда с полузащитником, но когда поцелуи стали заходить слишком далеко, трусливо сбежала, крикнув напоследок, что мне еще нет восемнадцати, на случай, чтобы он не вздумал меня искать.

Я не лелею свою девственность и не возвожу данный факт на пьедестал. Это скорее минус, чем плюс в наше время, особенно в кругу, котором я вращаюсь. Но все-таки этот факт остается фактом – у меня никогда никого не было. И больше всего я сейчас боюсь, что Матвей легко считает это по моему лицу.

– Я выключу свет? Люблю спать в полной темноте.

– Может, ты все-таки снимешь другой номер? Так просто... удобнее. Здесь даже второго полотенца нет.

– Если ты переживаешь, что я буду тебя домогаться – мо-

жешь выдохнуть, я не беру женщин силой, — и не дожидаясь моего одобрения, щелкает кнопкой ночника.

Глава 6

Номер погружается в темноту, но не крошечную – в окно с равной периодичностью бьет то красный, то синий свет от неоновой вывески напротив, на которой красуется простенькое название мотеля.

Я стою словно выкопанная, по-прежнему боясь даже пошевелиться. Стою, наверное, слишком долго.

Когда комнату в очередной раз озаряет синим, Матвей приподнимает голову с подушки:

- Так и будешь там торчать?
- Да я не устала в общем-то... В окно смотрю вот.
- Ложись. Я же сказал – не трону.
- Да не боюсь я этого, с чего ты вообще взял, что это меня хоть сколько-нибудь тревожит? Я просто... просто не сплю с незнакомыми парнями!

– То есть никакого спонтанного секса с незнакомцем? Как скучно, – и, закинув правую руку за голову, с интересом включается в беседу.

– Когда я сказала "сплю", я имела в виду сон, – решив, что препираясь, я выдам себя однозначно, все-таки набираюсь храбрости и подхожу к кровати. Отогнув край одеяла, ложусь, очень надеясь, что бешеное биение своего сердца слышу только я. – И к твоему сведению, я не скучная, у меня была куча спонтанного секса. Такого, что тебе и не снилось.

Он хрипло усмехается. И кажется, что недоверчиво.

Черт, не нужно было добавлять последнее, да? Я что, выдала себя? Перебор?

– По своему опыту скажу, что обычно девушки твоего возраста не спешат делиться с парнями реальным количеством половых партнеров. Девять из десяти обязательно преуменьшат.

– А десятая?

– А у десятой вообще никого не было, но она об этом промолчит.

– И зачем ей это?

– Мало ли. Может, думает, что совокупляться с кем попало это по-взрослому и круто.

Чувствую, как щеки снова заливает жаром.

– Пф, чушь какая-то. Детский сад.

Долго вожусь, пытаюсь чем-то заполнить нервозность: с десяток раз взбиваю подушку, подтягиваю простынь, накидываю одеяло, тяну еще выше. Поправляю сползающее с груди полотенце.

– Ты всегда такая беспокойная? – не выдерживает он.

– Я не беспокойная! – психую. – Просто здесь очень жарко.

– Может, стоит тогда скинуть одеяло? Кажется, ты не очень поверила моим словам.

– Это каким?

– Что я не стану тебя трогать, – и сладко зевнув: – Даже

не проси.

— А с чего это вдруг такая категоричность? — честно? Даже задевает. Поворачиваю на него голову и ловлю на своем лице темный взгляд. — Я что, такая страшная?

— Нет.

— А что тогда?

— Ну, ты же дала понять, что не хочешь этого.

— А если бы дала понять обратное?

— Тогда бы уже стонала подо мной.

Что? Он вот так просто, словно рассуждая о погоде, сказал "стонала подо мной"? Именно эти слова?

Нет, до этого я все-таки не краснела. Краснею я сейчас — сокрушающе мощно. То, *какон* это сказал... оно и возмутило до глубины души и всколыхнуло там что-то такое... То, что я с такой напускной легкостью обсуждаю с Ликой, но никогда не испытывала на деле.

Если у меня никогда не было секса, это не значит, что я никогда о нем не думала. Думала, и пару раз даже едва не рискнула, но всегда что-то останавливало. Может быть отсутствие чувств к парню или настоящей химии между нами.

Я понятия не имею, что такое — эта самая пресловутая химия, но лежа сейчас рядом с ним на одной кровати, ощущая тепло его тела, слушая в темноте его чуть хриплый голос...

— И чего ты притихла?

— Спать хочу. Спокойной ночи.

Поворачиваюсь на бок и, закусив губу, стараюсь дышать

как можно тише. И изо всех выбросить из головы неожиданные, слишком острые и определенно опасные мысли.

#####

Просыпаюсь я рано утром, и не от того, что в номер проник серый рассвет, не из-за раздражающей красно-синей вывески, способной свести с ума любого. Просыпаюсь я от осознания, что сплю не одна.

Я позволила себе заснуть без задних ног рядом с незнакомым парнем, просто поверив его обещанию, что он меня не тронет. И ведь не тронул же.

Надо же, какой благородный!

У меня нет проблем с самооценкой и я точно знаю, что не уродина. У меня симпатичное лицо, хорошая фигура и практически нет видимых изъянов. То есть вот эта история "что же он во мне нашел" не про меня.

Я знаю, что нравлюсь парням и получала массу предложений "весело" провести время. Да даже взять моего бывшего парня: если бы я хоть раз позволила разделить с собой постель, он бы непременно воспользовался ситуацией. А этот... просто взял и уснул!

Да, помню, что именно об этом я и просила, но все равно по-женски немного обидно. Даже не попытался склеить...

То ли он настолько порядочный, то ли... просто болван.

– А, ты уже не спишь, – Матвей выглядывает из ванной с одноразовой гостиничной зубной щеткой во рту. Он по-прежнему без футболки и вид его торса утром поражает во-

ображение не меньше, чем ночью.

Сколько же часов он убивает в спортзале?

– Не сплю.

– Я разбудил?

– Типа того, – ворчу, отворачиваясь к окну.

Представляю, какой у меня видок: растрепанная, без макияжа, в съехавшем на груди мятом полотенце.

Впрочем, если я настолько для него непривлекательна, пусть любитесь. Плевать.

– Ты долго там еще будешь возиться? – открываю сумку и достаю косметичку.

– Ты всегда такая не в духе по утрам?

– Нет, только когда компания неподобающая.

– Понятно, по утрам тебя лучше не трогать.

– Это наше первое и последнее совместное утро, не обольщайся, – толкнув его плечом, закрываюсь в ванной, даже не дав возможности положить щетку.

Там долго вожусь, приводя себя в порядок. Мою голову, к счастью, прихваченным из дома бессульфатным шампунем, а вот фен забыла, поэтому сушу свою копну гостиничным, который еле пашет. Потом тщательно наношу макияж, переодеваюсь в короткие шорты и топ.

И все эти манипуляции сопровождает единственная мысль – я, молодая и красивая, ему неинтересна. А он, как назло, заинтересовал меня. И бесит это просто неимоверно!

Да что он о себе вообще возомнил?

И почему меня, собственно, это так задевает?

Нужно включать Леру-суку. Ту Леру, на блог которой подписан почти миллион человек.

Она раскована, уверена в себе. Она красотка, и точно не впадет в уныние из-за того, что какой-то пусть симпатичный, но недостойный лузер не воспринял ее как женщину. Да пошел он!

Выхожу из ванной я в полной уверенности, что произведу фурор – стройные загорелые ноги подчеркивает белый цвет шорт, а топик открывает плоский живот. Длинные волосы льются по плечам, макияж с эффектом отсутствия макияжа делает кожу еще более сияющей... но он даже не смотрит. Вернее, бросает мимолетный взгляд, оглядывает с ног до головы... а потом продолжает копаться в телефоне.

– Твоя машина успешно эвакуирована и ожидает на штраф-стоянке. Дай номер, скину адрес.

– Круто.

– В вашему кругу это означает "спасибо за то, что впрягся и выполнил за меня всю грязную работу?"

Я молчу. Не хочу благодарить! Хотя и благодарна.

Я действительно никогда не в жизни не занималась чем-то подобным и понятия не имею, как это делается. Он взял на себя весь гемор, хотя я и не просила. И лекарство привез. Что тоже не обязан был делать...

И то, что не тронул, тоже ведь характеризует его как настоящего мужчину, а не дикаря с низменными инстинкта-

ми...

Разве ты не этого хотела?

Не такого парня-мечту описывала как-то в своем блоге?

Так, не смей снова таять. Все. Ему на тебя наплевать, это очевидно. Так что тебе на него наплевать тоже.

– Какие дальнейшие планы? – не дождавшись благодарности спрашивает Матвей.

– Пока не решила, – ставлю на кровать свою дорожную сумку с известным на весь мир логотипом и складываю вещи. – Но домой точно не поеду.

– Ты так и не рассказала, кстати, почему сбежала.

– Это не слишком интересно.

– Плохие отношения с отцом?

– Почему? Нормальные. Он меня любит. Что, в общем-то, не помешало ему тронуться умом.

– Да что он сделал такого?

– Тебя не касается, – рывком застегиваю молнию.

Меня нервирует эта стремная гостиница. Нервирует отсутствие нормального завтрака. Нервирует он, с его холеной внешностью мужчины на миллион и его полное равнодушие к моей персоне.

Я расстроена и до глубины души задета.

И еще я ужасно хочу домой... но ни за что не поеду.

Телефон по-прежнему отключен и, судя по тому, что никто до сих пор не ломится в мой номер, отец пока не вычислил где я. Что неудивительно. Машину я оставила на дороге,

отключила телефон, пересела в тачку Матвея и окончательно затерялась.

Разумеется, отыщет рано или поздно, но нервы я ему все-таки помотаю. И нет, мне ничуть не стыдно.

– Не хочешь позавтракать? – отвлекает от размышлений мой вообще-никакой-секси-спаситель-да-пошел-он.

Оборачиваюсь. Свеж, бодр, и раздражающе брутален.

– Снова шаурма? Из кого на этот раз? Дохлых обезьян?

– Ты так говоришь, будто я сделал это специально. Заметь, я ел то же самое.

– Видимо, твой желудок привык переваривать всякую дрянь.

– Ну извини, омарами не питаюсь, как некоторые мажорки.

– Это я мажорка? – сначала закипаю, а потом думаю: пусть. Я же сама веду себя так, значит, роль суки мне удастся. – Впрочем, тебе виднее.

Вешаю на плечо сумку и открываю дверь.

Матвей выходит следом и шагает за спиной, и если бы я была ему хоть чуточку интересна, я бы переставляла ноги более грациозно. Но раз ему все равно...

– Предлагаю все-таки где-нибудь перекусить. Можно найти нормальное кафе.

– Нормальное? Здесь? Это вряд ли.

– Ну, как хочешь.

Предоставив честь отдать ключ на ресепшне ему, выхожу

из душного помещения в полуденный зной. Жара стоит просто нещадная, кажется, воздух повис плотным покрывалом и даже не думает двигаться.

Напротив, на стоянке, стоят две громадные фуры, и два не менее громадных пузатых мужика что-то эмоционально перетирают, размахивая руками. Увидев меня, оба как по команде замолкают.

Вот шкурным интересом от этих несет буквально за версту. Липкие цепкие взгляды, притворные ухмылки на давно небритых загорелых дочерна лицах.

– Девушка, вам помочь, может?

Я бы в жизни не заговорила с такими даже под страхом смертной казни, но сейчас слышу за спиной шуршание шагов Матвея, поэтому рисую в ответ показушно добродушную улыбку.

– Вы же сейчас уезжаете?#####

– Ну да.

– Не подбросите меня... по прямой. Я потом скажу, где посадить.

– Конечно, без проблем, – толстяк помоложе швыряет окурки в траву и проворно шурует прямым ко мне. – Дайте вашу сумку, негоже таким молоденьким и красивым девушкам тяжести носить.

– Спасибо огромное, вы очень меня выручите. Мою машину эвакуировали, совершенно не на чем добраться до нужного места.

– Ты хоть чуть-чуть думаешь, что творишь? – вцепившись в мой локоть, шипит на ухо Матвей. – И куда ты собралась с ним ехать?

– Не знаю, еще не решила.

– А он знает, поверь мне. Потом вышвырнет где-то по пути со словами "сама-дура-виновата". Без трусов.

– Какие-то проблемы? – оборачивается водитель фуры.

– Никаких, – отвечает Матвей и, преодолев за несколько шагов разделяющее их расстояние, молча забирает из его рук мою сумку. Потом так же молча разворачивается и идет обратно ко мне.

– Э! Я не понял! Это че за херня? – возмущается водила.

– Она со мной, – отмахивается Матвей и снова цепляет мой локоть. – Пошли.

– Куда?

– В мою машину.

– И куда мы поедем?

– Завтракать.

– Вообще-то ты не имеешь никакого права решать за меня, что мне делать, – ворчу, но тем не менее семеню следом.

– Ты мне никто.

– Потом спасибо еще скажешь, когда дойдет, что едва не сделала.

Вообще, мысленно я уже говорю, но признаваться в этом не собираюсь.

Опускаюсь в раскаленный салон, открываю на всю окно,

дабы хоть чуть-чуть разогнать духоту. И улыбаюсь.

– И что это тебя так развеселило? – хмурится Матвей.

– Да так, ничего.

"Она со мной". Он же так, кажется, сказал?

Кошусь на своего фактурного попутчика и ловлю его недовольный ответный взгляд.

Кажется, кто-то злится. И почему-то именно этот факт неожиданно поднимает настроение. Впервые за это утро.

#####

В придорожном кафе, куда мы заехали по пути, не слишком цивилизно, но по крайней мере название этой сети на слуху. Может, повезет и даже не отравят.

Занимаю один из многочисленных свободных столиков у окна, опустив сумку на соседний пустующий стул.

Отмечаю, что скучающая прежде кассирша живо реагирует на яркую внешность моего попутчика и испытываю что-то похожее на гордость – потому что он вроде как со мной, и толику раздражения, потому что обычно таким образом реагируют на меня!

– Что тебе взять?

– Что-нибудь не мясное. Греческий салат, белые французские гренки и кофе по-римски. Который Гильермо. Если это название тебе хоть о чем-то говорит.

– С лимонным соком и ломтиком лайма?

– Угу.

– Это тебе не фешенебельный Le Jules Verne, крошка.

Возьму, что есть, – и уходит, оставив меня и мой приоткрывшийся рот в восторженном недоумении.

Откуда он знает про этот эксклюзивный ресторан на втором уровне Эйфелевой башни и кто его научил такому потрясающему французскому произношению?

Он же... ну, не из клана мажоров. Просто парень, только на зависть симпатичный. Лика любит подчеркивать, что у таких обычно за плечами максимум какой-нибудь законченный с горем пополам провинциальный институт.

И тут идеальное музыкальное Le Ju-les Ver-ne, от чего предплечья даже покрылись мурашками безнадёжного эстетства.

Через несколько минут он приносит слегка заветренный небрежно порубленный салат с отдельным пакетиком майонеза, нарезанный ломтиками черный хлеб и кофе, судя по запаху – второсортный эспрессо.

Я так голодна, что искренне рада и этому, но вовремя вспоминаю, что включила стерву.

– Это не гренки. И Греческий не заправляют майонезом.

– Она наверняка где-то там, – садится напротив и кивает куда-то в сторону кассирши. Снимает с подноса какой-то суп, по виду напоминающий классический борщ.

– Кто – она?

– Книга жалоб и предложений. И раз ты не хочешь... – тянет руки к моей еде, но я реагирую молниеносно – поддвигаю к себе тарелку, словно мама-сойка спасая под кры-

лом своих едва вылипившихся птенцов.

– Так и быть, съем сама!

То ли я так сильно голодна, то ли готовят здесь и впрямь нормально, но салат оказывается на удивление вкусным. Я так увлекаюсь поглощением обильно сдобренных майонезом овощей, что не сразу замечаю насмешливый взгляд Матвея.

– Что? – спрашиваю, с набитым ртом.

– Кто-то же недавно фукал.

– Так выбора нет, сам сказал, – кривлюсь, хаотично вытирая рот бумажной салфеткой. – Сойдет.

Он усмехается и продолжает черпать ложкой свой суп. На который я смотрю с небольшой завистью, потому что не наелась. Но все равно немного подобрела, от чего даже испытываю небольшой стыд за свое показушно капризное поведение.

Мои заморочки не его головная боль, в конце концов.

И здесь я не Лера из популярного блога. Я просто Лера. Зачем этот цирк?

– Кто тебя научил так хорошо говорить по-французски? – отодвигаю пустую тарелку и переключаюсь на кофе. Тоже, к слову, не такой уж и паршивый. – Он очень хорош. Практически безукоризнен.

– Да так, в школе изучал, – отмахивается, тоже отодвигая тарелку.

– И давно это было? Я к тому, что ты до сих пор не назвал

свой возраст.

– Мне двадцать семь.

Двадцать семь? В сравнении с моими восемнадцатью солидно.

Целых девять лет разница, а я с ним вот так запросто как ровесником, обмануть пыталась... Стыд за неуместное поведение становится еще острее. И смотреть я начинаю на него тоже иначе. Сразу хочется выглядеть чуть серьезнее.

– У меня был репетитор по французскому – само собой француз – мсье Голль, но я так себе была ученица. Преподчитала торчать в телефоне, а не вот это вот все. Но отец настаивал, а спорить с ним так выматывает. *À la guerre...*

– ...comme à la guerre*, – запросто заканчивает он, и я, откинувшись на спинку пластикового стула, с подозрением щурю глаза.

– Ты был ботаником?

– Почему был? Я и есть, – зеркалит мою позу – расслабленно откидывается на спинку. – Незаметно?

И улыбается. Улыбается, как плохой парень, который точно научит плохому. Как главарь преступной группировки. Как мужчина, который с легкостью фокусника разобьет твоё сердце и равнодушно переступит через осколки.

Но *точно* не как ботаник.

И тут я впервые задумываюсь о том, что он определенно темнит.

**На войне как на войне (франц.)*

Глава 7

Ощущение, что он не совсем тот, кем прикидывается, зреет все сильнее. Не в плане, что он прикидывается другим человеком и намеренно водит меня за нос, просто что-то о себе недоговаривает.

Впрочем, я тоже много о себе недоговариваю. В конце концов мы едва знакомы и не обязаны обнажать свои души, вываливая из шкафов секреты.

– А куда ты едешь вообще? – странно, что раньше не спросила.

– Собирался по делам в соседний город.

– СобираЛСЯ?

– Ну да. Планы поменялись и я возвращаюсь обратно. А ты что решила?

– Если честно, я не знаю...

– Ты что, убегала из дома не имея никакого плана?

– Примерно так, да. Я особенно ничего не планировала. Просто собралась и уехала, в момент. Если честно, у меня и прав-то пока нет.

– Нет прав? – искренне удивляется он. Кажется, открывшийся факт ему даже нравится. – То-то ты так лихо съехала в кювет. С почином.

– Спасибо, – тоже искренне отвечаю я. Огрызаться больше совсем не хочется. Может, чуть позже, когда снова про-

голодаюсь. – Греет мысль, что отец там рвет и мечет.

– Ты же говорила, что он тебя любит.

– Ага. Но тем не менее это не помешало ему предложить мне настоящую дичь.

– И какую?

Размышляю, рассказывать ему или нет.

Вроде бы и что такого – посторонний человек, мы из разных миров, у нас нет общих знакомых, кому как не ему исповедаться? Но в то же время, вдруг потом он узнает кто я, выйдет на мой блог и разоблачит? А я к тому времени уже придумаю "удобную" легенду о причине своего побега и выложу на всеобщее. Неловко получится. Нельзя подмачивать уже созданную репутацию. Никак нельзя.

Быть честной – большая роскошь, потому что твою честность всегда могут обернуть против тебя. Это накидывать на себя пуха легко, как вчера ночью, про свой сексуальный опыт, а вот говорить правду в разы сложнее.

– Ладно, не хочешь говорить – твое право, – догадывается он, что к откровениям о личном я не созрела. – Но скажешь хоть кто же твой отец?

– Бизнесмен, меценат, инвестор. И всякое по мелочи.

– По мелочи типа нефтяной магнат?

– Ну, типа того, – с улыбкой отхлебываю остывший кофе.

– А кто твой отец?

– Да так, ничего особенного. Обычный трудяга. Так что ты решила? Какие дальнейшие планы? – отставляет свой пустой

стакан.

– Не имею ни малейшего представления. Если честно, мне совершенно некуда поехать. И не на чем. У меня даже наличных почти нет, только карточка, но если я ей воспользуюсь, отец сразу же на меня выйдет.

– Вот почему нужно лучше продумывать побеги, – постукивая подушечками пальцев по столу, поворачивает голову к окну, позволяя любоваться своим вылепленным по образу и подобию дьявола-искусителя профилем.

Ловлю себя на мысли, что испытываю... ну грусть, что ли, что наши дороги, которые так причудливо сошлись, уже вот-вот навсегда разойдутся. И понимаю, что мой побег удастся пока только лишь потому что он рядом.

Ну куда поехала бы я вчера, если бы не он? Домой. Куда же еще. Эта мысль неприятна, но она правдива.

Я всю жизнь росла под крылом у родителей, за меня решали все проблемы, указывали верное направление. Исключая последнее предложение отца, он всегда был прав и действовал в моих интересах. Конечно, он и последнее предложение представил так, будто это для моего же блага, но учитывая дикость сказанного – нет. Тот самый момент, когда пришло время быть твердой и гнуть свое до конца.

Скоро будут сутки, как я уехала из дома. И, конечно, меня уже активно ищут.

– У меня есть к тебе предложение, – наконец-то Матвей прекращает созерцать унылый вид трассы за окном и снова

возвращает внимание мне.

– И какое?

– Ты можешь поехать со мной.

– С тобой? И куда?

– Обратно в город, но не домой. Вернее, домой, но не к себе.

– А к кому?

– Ко мне, – дергает плечом, и впивается в меня пристальным взглядом. – Я живу один, можешь перекантоваться.

– Ты серьезно?

– Вполне.

Самая первая неподдельная эмоция: Круто! Вот это да! Вау! Поехать с ним? *В его квартиру?*

А потом просыпается осторожная Лера.

С чего это вдруг? Зачем ему это? Мы не друзья. Да я ему как будто бы даже особенно и не интересна.

И одно дело переночевать вместе в одном номере гостиницы и совсем другое – поехать к нему домой. Домой, где хозяин ОН.

– В общем, решай, – поднимается из-за стола. – Пойду куплю воды.

Смотрю ему вслед, и мозг буквально взрывается от противоречивых мыслей.

Мы уже переночевали вместе и он ничего со мной не сделал, значит, ему можно доверять, правда?

Или... не значит?

Вообще, он не выглядит как маньяк, скорее, как парень из сексуальных фантазий девчонок от шестнадцати и старше... Лика бы точно обозвала его красноречивым "краш".

Кстати о Лике. Она просто обалдеет, когда узнает о моем приключении. Она не в курсе моего побега: мы собирались как обычно встретиться в нашем любимом кафе, собственно, к ней навстречу я и должна была поехать с водителем, но вместо этого буквально угнала машину из гаража. Когда встретимся, она будет требовать пикантных подробностей и я должна буду ей их предоставить. Обязана!

В конце концов, если он вдруг решит распустить руки, я всегда могу включить телефон и вызвать полицию. Впрочем, если он решит распустить руки, кто знает, может, я не буду так уж против...

Матвей возвращается, держа в пока еще не распушенных руках ледяную запотевшую газировку. Высокий, опасно красивый и слишком самоуверенный. Таким взглядом поработают мир и испепеляют врагов. И соблазняют неискушенных девиц вроде меня.

Как можно одновременно быть таким дерзким и таким... нормальным?

– Ну и? Что ты решила?

– Почему бы и нет, – забираю со свободного стула свою сумку. – Все равно мне больше некуда податься.

Левый уголок его губ ползет вверх. Ухмыляется. Ухмыляется, потому что знал, что я приму именно такое решение?

Снова смотрю на воду в его руках.

Бутылки. Их две.

– Ты знал, да? – иду следом. – Что я соглашусь. Знал об этом?

– Угу, – бросает, не оборачиваясь.

– И почему?

– Потому.

Потому что ты, Лера, как открытая книга. Вот почему.

Он этого, конечно, не добавляет, но по тону голоса все более чем читается.

#####

Возвращаемся в город мы через несколько часов. Город, из которого я убежала только вчера. Почти весь путь я проспала, не проснулась даже когда мы где-то ненадолго остановились, и очнулась лишь когда машина притормозила у какой-то многоэтажки.

– Что это за место? – зеваю в кулак. – Судя по архитектуре – мы точно не в центре.

– Южнее Барвихи, ага.

– Если намекаешь на меня, то я живу не в Барвихе, – отстегиваю ремень безопасности и пытаюсь выпрямить ноги, чтобы как следует потянуться. Затем осматриваю типичную коричнево-бежевую новостройку. Судя по обилию однотипных высоток – какой-то "свежий" микрорайон, что множатся словно грибы после дождя и носят безвкусные названия типа "Зеленый город". Совсем далекий и незнакомый для меня

мир... – Как думаешь, отец уже всех на уши поднял, чтобы меня найти?

– Не знаю. Это же твой отец, – выбирается из машины. – Пошли.

Но я продолжаю сидеть. Потому что страшно.

Сейчас я зайду в эту бетонную коробку и кто знает, что там меня ждет.

Однажды в одном новостном паблике телеги я читала новость, как студентка вошла в многоквартирный муравейник и исчезла. Несколько дней искали. Потом нашли. По частям... Брр. Оказалось, в одной из квартир жил серийный маньяк.

– Ну, ты чего там зависла? – наклонившись, заглядывает в салон. – Идем.

– Ты точно не маньяк?

– Думаешь, я вот так просто тебе признаюсь?

– Ну все-таки.

– Нет, я не маньяк.

Не то чтобы стало значительно легче, но спросить я была обязана.

– Ладно, пошли, – вздохнув, выбираюсь из авто.

Надеюсь, интуиция меня не обманула. Надеюсь...#

До двенадцатого этажа добираемся на лифте. Чистом, без посторонних запахов и прочего, даже с целым зеркалом, но одна из стен исписана черным маркером – классика подобных мест.

– И давно ты живешь в этом доме? – кручу головой, разглядывая тесную кабинку.

– Нет. Пару месяцев.#####

– А... почему именно тут?#####

– До работы недалеко.#####

– Мм, – снова осматриваюсь, пытаюсь отыскать во всем этом хоть какие-то плюсы. Пока он один. И стоит он прямо передо мной. С легкой щетиной, медовыми глазами и сумасшедше красивым прессом.

Лица сойдет с ума. Однозначно. И отец, правда, уже по другой причине.

У меня никогда не было цели сделать наоборот, как-то разозлить его и прочее, обычно мы неплохо ладим и я даже нахожу в себе силы смиряться с его заскоками. Но этот случай исключительный, я не могла поступить иначе. Поэтому все делаю правильно.

Глава 8

Квартира Матвея... обыкновенная. Убранная, со свежим ремонтом, но мебель, хоть и современная, но явно недорогая.

Я еще не осмотрелась толком, но почему-то создалось ощущение, что появляется он здесь редко.

– У тебя... миленько, – приподнимаю пыльную фигурку фарфорового слона. Их куча на комод у входа. – Коллекционируешь?

– Угу. Из Туапсе привез.

– Туапсе... – хмурюсь, вспоминая уроки географии. – Это где-то во Франции?

– Типа того. Забей, – ухмыляется, швыряя ключи на обитую кожаном банкетку.

Снимаю босоножки и вот теперь я полноценный гость. Это волнительно. Я не впервые дома у парня, но впервые у того, кого знаю всего сутки. Да и то... как сказать – знаю...

– А это кто? – указываю на фотографию в рамке, украшающую стену. Какая-то немолодая уставшая женщина и мужчина в зарослях сирени. – Твои родители?

– Угу, – привычно мычит он после секундного раздумья. Фотография родителей – это даже мило.

Повесила бы я фотку своих в собственной квартире? Вряд

ли. И тут дело скорее всего во мне.

Любить своих родителей – это правильно. Это хорошо. Но когда в твоей семье помешанная на омоложении мать, которая вечно "где-то" и отец, который весь в работе и юных любовницах – как-то не до мыслей о скреплении кровных уз.

Ну такая она, моя семья. Другой нет и не было. Но я знаю, что кто-то живет по-другому. Блинчики по утрам за одним столом, совместные вылазки на дачу, просмотр фильма во воскресеньям...

Лика называет таких мещанами, а мне кажется, в этом что-то есть. Но сказать мне об этом некому, потому что никто не поймет.

– Извини, еды никакой нет, – Матвей торчит в дверном проеме, видимо, на кухне, и, видимо, изучает содержимое холодильника. – Можем заказать пиццу. Или суши.

– Было бы круто, – захожу в соседнюю комнату и опускаюсь на край дивана.

В окно светит низкое вечернее солнце, и от осознания, что эту ночь я проведу с ним, здесь, вдвоем, немного не по себе. А еще, несмотря на вредность, в самой-самой глубине души я переживаю за то, как там отец. Он же волнуется... Наверное, места себе не находит.

Вчера, по горячим следам, мысль довести его казалась даже прикольной, но сейчас, когда первая эйфория осела...

– У тебя есть ноутбук? – вытянув шею, заглядываю на кухню.

– Где-то должен быть. Сейчас.

Он заходит в мою комнату, которая, наверное, считается здесь гостиной, и выдвигает один за другим ящики шкафов.

– Ты что, не знаешь, где у тебя лежит ноутбук? – улыбаясь, слежу за его поисками.

– Я нечасто им пользуюсь, телефона более чем достаточно. Кстати, кое-что нашел, – вынимает старый, несколько лет назад вышедший Айпад. – Только он сел наверняка. Где-то должна быть зарядка.

– А где здесь... – замолкаю, потому что неловко, и надеюсь, что он сам смекнет. И он смекает.

– Туалет?

– Мог бы не называть это слово. Просто кивнуть – он там.

– Он там, – и кивает в проем направо. #

Иду куда он показал, открываю дверь...

– Это же спальня, – оборачиваюсь.

Он секунду мешкается, а потом тянет белозубую улыбку.

– Предоставляю тебе право найти самой, будь как дома, – и возвращается к поиску зарядного устройства.

Странно это все. Он не знает, где в собственной квартире находится уборная?

И ладно бы это были хоромы вроде наших, но здесь...

Пустой холодильник, полное незнание, где что лежит... Мда, походу он здесь действительно нечастый гость. Интересно, где же и, главное, с кем он проводит ночи вне дома?

В ванной, которая по совместительству и туалет, обнару-

живаю на полочке увлажняющий крем для рук. Женский. А вот мужского ничего нет, даже бритвы.

– Ты, наверное, редко бываешь дома? – промакиваю руки найденным на крючке полотенцем. – Так мало твоих вещей.

– Нечасто, да. Да и вещизмом не страдаю. Кстати, нашел зарядку.

Когда выхожу, он протягивает мне перемотанный скотчем шнур. Вставляю вилку в розетку и жду, когда треснутый экран наконец-то подаст признаки жизни.

Я очень хочу посмотреть, нет ли чего-нибудь в интернете о моем исчезновении. Вряд ли, конечно, но вдруг. Зависит от уровня паники папаши.

Листаю в телеге самый крупный городской паблик, но там, кроме повышения тарифов на воду и проблемах с общественным транспортом, ничего.

Ввожу пароль от своей соцсети.

– Я пока пиццу закажу, да?

– Мне с морепродуктами, – киваю и утыкаюсь в экран.

В личке – куча сообщений. Половина из них спам, предложение рекламы, какие-то психи, несколько сообщений от девчонок из общей тусовки. И от Лики, конечно.

Куча панических: "ты где?", "что случилось?" и прочего в том же духе.

Я понятия не имею, имеется ли в планшете сим-карта, но все-таки набираю номер подруги наобум.

И – о чудо! – раздаются длинные гудки.

– Алло, – недовольно выдыхает в динамик Ли. – Если вы реклама, пошли к черту, я не в духе.

– Это я!

– Валері? – взвизгивает она. – Какого хрена! Ты куда пропала? Твой папаша мне весь телефон оборвал – куда ты поехала и с кем. А я ни сном, ни духом! И в сеть ты со вчерашнего вечера не выходила. Мы тут в шоке все!

– Все в порядке, – и выдаю коронку. – Я из дома убежала!

– Значит, твой отец не свихнулся. Он сказал, что ты угрожала свалить, допытывался, куда. Ну а я откуда знаю? Со мной ты поделиться не поспешила! Подруга, называется.

– Так вышло, извини. Спонтанно.

– А что случилось-то?

– Долгая история, потом все расскажу, – улавливаю краем глаза фигуру Матвея, он заходит как раз в ту самую спальню, которую я спутала с туалетом, и закрывает за собой дверь.

– А ты где сейчас? Ты вообще в стране?

– Не могу сказать, сорри.

– Да бли-ин! Ну так неинтересно! Заинтриговала как!

– С мидиями подойдет? – выглядывает из комнаты Матвей, удерживая мобильный возле уха.

Я киваю и отворачиваюсь.

– А это еще кто такой? – мгновенно просекает Лику. – Я слышала мужской голос. А если точнее – офигенный секси-баритон. Что за нахер, Лер? Ты парня себе нашла?

От чего-то краснею. Голос у него и правда офигенный.

– Пожалуйста, ничего не спрашивай! – разрываюсь от желания рассказать обо всем прямо сейчас. – Все потом, ладно?

– Ты убежала к какому-то мужику? – в голосе завистливый шок. – И не сказала?!

– Мы только вчера познакомились. И... – не могу удержаться, – я сейчас у него дома!

– О-фи-геть! Да ты умеешь удивить. Вы уже переспали? Вовремя вспоминаю о своих "горячих похождениях" в Сан-Тропе и продолжаю легенду.

– Пока не переспали, но уверена, этой ночью я покажу ему небо в алмазах.

Слышу за спиной шуршание шагов. И судя по улыбке, он все слышал.

Господи, какой позор!

– В общем, мне пора, – быстро шепчу в динамик. – Ничего не говори отцу! Впрочем... только то, что со мной все ок. Пока.

– А чей это номер? Его? Как его хоть зовут?

Вырубаю вызов, выхожу со своей странички, чищу куки и выключаю айпад.

Позор! Позорище! Так стыдно, что проще провалиться!

– Это шутка была, если что! – не знаешь как обороняться – нападай первой. – Мы так прикалываемся с подругой.

– Да я понял, – соглашается он, ни капли не принимая на веру мою чушь.

Ему двадцать семь, идиотка, его не развести!

Ну кто вот меня за язык дергал.

– Я выйду на полчаса.

Настороженно выхожу в коридор и, наблюдая как он обустраивается, облакачиваюсь плечом о дверной косяк.

– Оставишь меня тут одну?

– Ну да.

– И не боишься?

– Чего?

– Что я тебя обчищу, допустим.

Он снова улыбается. И я вынуждена признать, что просто балдею от его улыбки.

– Бери, что хочешь. Только фотографию мамы не трогай, – подмигивает мне и поворачивает ключ. – Кстати, захочешь уйти, ну вдруг, просто захлопни за собой дверь.

Шаги постепенно стихают на лестничной клетке, доносится гул подъехавшего лифта. Затем я слышу мелодию его мобильного и резкое "да!". Далее звуки скрывают закрывшиеся двери кабинки.

В смятении закрываю за собой замок.

Итак, я осталась одна.

Если я не заперта и могу уйти в любой момент – это же хороший знак, правда? Вряд ли психопат оставил бы меня в квартире, из которой можно так запросто уйти.

И вообще, кажется, кто-то пересмотрел триллеров. Это уже не смешно. Матвей нормальный парень, он это доказал, сколько можно подозревать его неизвестно в чем?

И действительно сразу становится легче. Паранойя отпускает. Нужно воспринимать все как интересное приключение. Хватит уже загоняться по поводу и без!

Пока его нет, решаю воспользоваться моментом и принять душ. Жара на самом деле стоит нещадная, и каким бы хорошим не был дезодорант, освежиться поможет только вода и любимый гель.

Я довольно брезглива и с осторожностью прикасаюсь к чужим вещам, но после придорожного мотеля меня, кажется, уже ничем не напугать. Да и Матвей... он не вызывает никакого физического отторжения, скорее наоборот.

Это его дом. Его ванная. Все лучше, чем душевая мотеля.

Вспоминаю, что пока он рылся в поисках планшета, видела в одном из открытых ящичков стопку полотенец. Открываю шкаф, достаю одно, потом беру из своей сумки прихваченный из дома тубик геля для душа, и после этого, с чувством выполненного долга, скрываюсь за дверью ванной.

Там, настроив воду комфортной температуры, с наслаждением размазываю ароматную пенку по телу.

То, что я нахожусь в квартире незнакомого парня придаст ситуации особую острую пикантность. Это страх, смешанный с любопытством и определенно физическим интересом к красивому мужчине. А то, что он не капает при виде меня слюной цепляет особенно сильно.

Все как по методичке, "чем меньше женщину мы лю-

бим...". Он что, читает мои сокровенные мысли?

Как вышло, не только мужчин притягивает недоступность. Если бы он сразу полез под мою юбку, был бы он мне также интересен сейчас? Скорее, я бы решила, что он животное обыкновенное. Один из тех, кто подкатывал ко мне свои Фаберже. Феррари, огромный веник, слащавые комплименты, мокрые торопливые поцелуи. Фу.

А Матвей... он не такой. В нем чувствуется титановый мужской стержень. Уверенность. Может быть даже некоторая усталость от жизни. Словно он уже многое повидал и удивить его чем-то практически невозможно.

Я бы хотела понравиться такому парню. Только вот непонятно, что ему нужно, очевидно, что яркой внешности недостаточно.

Выключаю воду, опускаю босые ступни на пушистый бежевый коврик, стираю ладонью пар с зеркала.

Щеки покраснели, с волос капает вода. Думаю, может, чуть подкраситься, а потом решаю – зачем? Он уже видел меня такой.

Я вообще в принципе не большой фанат макияжа, поэтому выйти на люди без туши на ресницах – не самый большой страх. Это Лика скорее уйдет в монастырь, чем покажется в сториз без тонны тональной основы и хайлайтера.

Я не Лика и точно не хотела бы быть похожей на нее. Не понимаю порой, почему мы вообще дружим.

Может быть потому что дружат наши отцы?

Оборачиваясь по сторонам, ищу полотенце, а потом вспоминаю, что оставила его в комнате на диване. Просто потрясающе.

Открываю замок, в абсолютной уверенности, что одна, выхожу в коридор...

Матвей стоит у входной двери и говорит с кем-то по телефону. Увидев меня, на мгновение замирает. Не прячет взгляд, не делает вид, что не смотрит – наоборот, он смотрит только на меня и наконец-то я вижу его – тот самый взгляд *заинтересованного* мужчины.

Все это я успеваю проанализировать за те доли секунд, пока, вскрикнув, не прикрываю интимные части тела руками и пулей не скрываюсь обратно за дверь ванной.

– Не думал, что ты решишь отблагодарить меня... вот так, но твоя идея мне нравится.

– Прости! Прости пожалуйста! Я не думала, что ты уже вернулся! – прислонившись спиной к двери и корча самой себе рожи позора, не знаю, то ли смеяться, то ли плакать. – Я забыла полотенце. Оно там! В комнате!

Через несколько секунд раздается стук в дверь. Я чуть-чуть приоткрываю ее, самую малость, спрятав пунцовые щеки за волосами. Протягиваю руку и выхватываю злосчастное полотенце. Сразу же закрываюсь обратно.

Почему я вечно перед ним позорюсь?

Что за проклятие-то такое?

Но делать нечего – вечно тут не просидишь. Расчесываю

волосы, надеваю длинную футболку, что среди прочего положила в дорожную сумку и, выдохнув, выхожу из ванной.#

Глава 9

Прихожая окрасилась серым, потому что на улице совершенно неожиданно стало темнеть. Бросаю взгляд на настенные часы – десятый час, солнце уже спряталось за высотками.

Вторые сутки моего фееричного побега. И беглец еще не пойман.

Натянув на лицо максимально безразличную мину, захожу на кухню – Матвей сидит за столом и, положив длинные скрещенные ноги на свободный стул, жует пищу.

– Ты одета? Неожиданно.

– Очень смешно, – сажусь напротив и беру все еще теплый кусок.

Прекрасный. Фантастический. Ароматный кусок с морепродуктами из моей любимой пиццерии.

Как он догадался?

– Это просто офигенно вкусно, – интенсивно жуя, подхватываю налету свалившийся гриб и без лишнего жеманства засовываю его в рот. – Бомбически. Очешуительно.

– Ты сказала очешуительно? – улыбается он.

– Ну да, а что?

– Мне казалось, гламурные красотки так не выражаются.

– Во-первых, спасибо за красоту. А во-вторых, не такая уж я и гламурная. Но только между нами.

Я же уже говорила, что как только я утоляю голод, становлюсь неожиданно открытой и добродушной?

– Серьезно? – в этот вечер и он на удивление болтлив. – Ты же призналась, что папина дочка.

– Ну да, папина. И он у меня правда не последний человек. И я действительно пропагандирую гламур... в своем блоге.

– Блоге?

– Угу, – сама не замечаю, как копирую его привычку. – У меня есть крутой блог на почти миллион подписчиков. Я типа звезда.

– Я видел, – и явно намекает на вчерашний перформанс на капоте авто.

Но цепляет меня не его хорошая память и доля сарказма, а выражение лица.

– Вот только что она была настоящая.

– Кто?#

– Твоя улыбка, – тоже улыбаясь. – Открытая. *Твоя*.

– А какие были раньше?

– Не знаю, другие. Как будто ты улыбался потому что... *надо*, понимаешь?

– Не совсем.

– Ладно, забей, – беру еще кусок. К черту фигуру и тем более тему моих личных загонов относительно его личности. – Ну так вот, в своем блоге я богиня гламура и всякое такое. Но в реальной жизни не особенно люблю светиться. Хотя приходится поддерживать имидж.

– Вчера ты тоже его поддерживала?

– Конечно. От привычки так просто не избавиться, – замолкаю, надеясь, что он тоже расскажет что-нибудь о себе. Он видел меня голой и уязвимой, уже можно было бы. Но он молчит. Но я молчать не хочу. – А ты чем занимаешься? Помимо работы?

– Блог я точно не веду. Не выношу соцсети, – бросает корочку в опустевшую коробку и, облокотившись на спинку стула, складывает на груди руки. – Ты обещала рассказать, почему убежала из дома.

– Я этого не обещала.

Отщипываю кусочек от своего куска. А впрочем, почему бы и не рассказать?

– Ладно, не такая уж это и страшная тайна. Отец решил выдать меня замуж. За сына своего бизнес-партнера.

Бровь Матвея приподнимается удивленной дугой.

– В смысле – выдать замуж? Насильно? Как бы не девятнадцатый век.

– И сказал я ему о том же! – радуюсь, что, очевидно, нашла в его лице поддержку. – Мне только восемнадцать не так давно исполнилось, ну але! А он: "И что такого? Вы с Глебом давно знакомы, надежный проверенный парень. Будешь за ним как за каменной стеной" и прочая подобная чушь. Представляешь?

– Может, отец дело говорит?

– Ты издеваешься? Глеб Самойлов – мажорик, сын его

друга, с которым у отца давно общий бизнес. Он всерьез считает, что династический брак – это в порядке вещей и ничего такого в этом нет. Но разве это нормально, скажи, выбирать партнера без любви, исключительно по расчету? Только потому, что эта партия – «проверенная»?

Матвей отводит взгляд на окну и почему-то мрачнеет, но на этом я не заостряюсь, с упоением продолжая делиться наболевшим:

– Он не страшный, кстати. Ну, Глеб. Моя подружка Лика вообще от него торчит.

– Ну и? – возвращает внимание мне. – Так в чем тогда проблема? Не урод, не бедный.

– Так я его не люблю! Да что там – он мне даже особо не нравится. Мы и сходили-то всего на несколько свиданий, ставим другу лайки на фотках. На этом все.

– А есть тот, кто тебе нравится?

Вопрос с повохом?

Почему-то хочется верить, что да.

Что таким образом он хочет выяснить, зацепил ли он меня сам.

– Возможно, – уклоняюсь от прямого ответа. – Но он точно не мажор. Он старше меня и... вообще из другого круга. Мы мало знакомы и речи о влюбленности пока не идет.

Не знаю, понял он намек или нет, но больше на тему ничего не уточняет.

– И ты убежала только для того, чтобы не выходить за-

муж?

– Ну, в общем-то да. Мы поссорились с отцом, я назвала его планы бредом. И пригрозила, что если он будет и дальше нести подробную дичь, я просто свалю из дома и больше он меня не увидит. А утром проснулась и подумала – зачем тянуть. И убежала. Ты считаешь меня полной дурой?

И мне действительно важен его ответ.

– Нет. Ты отстаиваешь свое право быть свободной. И какой бы способ не выбрала – это смело и достойно.

Он нравился мне и раньше, но после этих взрослых, взвешенных, спокойных и правильных слов я ощущаю, что начинаю таять как карамель на солнце.

Никогда со мной такого не было. Никогда еще я не хотела не просто любоваться симпатичным парнем, но и говорить с ним. Что-то обсуждать, чем-то делиться. Понимать, что тебя слушают и *слышат*.

И при этом обладать внешностью телезвезды и преступно шикарным телом?

Так не бывает.

– И не жалко отца? Он же волнуется, наверное. Ищет.

Кухня уже полностью во власти сумерек, почти ночь, но мы почему-то не включаем свет. И эта интимность располагает открываться еще больше. Пусть даже не совсем взаимно.

– Если честно, немного жаль. Я понимаю, что он не только хочет укрепить бизнес – это всего лишь один из пунктов.

Он волнуется за меня. Боится, что я "сверну не туда", что-то натворю, попаду под влияние плохого парня. Он боится меня потерять.

— Почему он думает, что потеряет тебя? — проявляет мгновенный интерес. — Он уже кого-то терял?

А вот это определенно вопрос с подвохом, пусть и непреднамеренным. Это то, что мне точно не хочется обсуждать, и я не обсуждала это вообще ни с кем. Ни с Ликой, ни с кем-то еще.

Та самая неприглядная семейная тайна.

Несколько лет молчания. И я устала держать все в себе.

— Я не всегда была единственным ребенком, когда-то у меня был брат, — смяв пальцами бумажную салфетку, прочищаю горло. — Его звали Максим и он был... не совсем порядочным человеком.

— Был?

— Он погиб.

Получив уточнение, Матвей молчит, а я продолжаю:

— Он разбился на байке, будучи... нетрезвым. Да, Макс вел не самый праведный образ жизни. Его несколько лет лечили, отправляли в различные рехабы, дорогие клиники, капали, даже гипнотизировали. Все бестолку.

— Ты не говорила...

— Я ни с кем не говорю об этом. Не знаю, почему. И дома мы эту тему избегаем. Раз в год ездим на годовщину на кладбище и на этом все. У Макса с отцом были очень сложные

отношения, постоянно скандалы, обвинения, даже рукоприкладство...

– А у тебя?

Я почти не вижу его лица, оно спрятано в тени, но я чувствую как он сосредоточен. Чувствую, что он *слышит* меня, и от этого хочу открываться больше и больше.

– Он был на целых десять лет старше и мы почти не общались, виделись в лучшем случае раз в год, когда я прилетала на каникулы. Мельком, пара брошенных слов. Мы совсем не были близки. Поэтому когда он умер... мне было грустно, страшно, но на этом все. Более того, я чувствовала, что, как бы ужасно это не прозвучало, для родителей это стало словно... облегчением. Никто этого никогда не озвучивал вслух, но это так. Брат действительно доставлял всем кучу проблем. Его пагубная привычка влияла на репутацию отца. Макс страдал сам и заставлял страдать других. А еще...

– Что *еще*? – чеканит он, не сводя с меня темных глаз.

Облизываю пересохшие губы. Салфетка превратилась в мелкое крошево.

– У него была девушка, Алина. В ту ночь она ехала с ним на байке. Она выжила в той катастрофе, но... в общем, лучше бы умерла. Жуткая там история. Отец приложил все силы, чтобы замять скандал, хотя родители Алины были готовы биться за справедливость. Они хотели обелить перед общественностью имя дочери, которую тоже кем только не окрестили. Я особенно не вникала, но ее отец, как я поняла,

тоже не самый последний человек, но с авторитет моего был выше. И адвокаты его были убедительнее...

Вздыхаю. Я даже представить не могла, что говорить об этом будет так тяжело.

– Думаю, теперь ты понимаешь, почему отец так маниакально оберегает меня. Просто он боится, что не досмотрит снова и со мной обязательно что-то произойдет. В том, что Макс отбился от рук он винит именно себя.

Матвей молчит, и я не знаю, какие мысли крутятся в его голове. Может быть он осуждает Макса, как осуждали тогда все. А может, вообще давно перестал слушать и думает о чем-то своем. Но моя потребность говорить еще не иссякла – словно трубу прорвало и все резко полилось наружу одним резким мощным потоком.

– Отец тогда с головой ушел в работу, его целыми сутками не было дома. А мама... она вообще на мой взгляд повела себя странно. Пару недель поносила траур, а потом словно забыла, что когда-то у нее был сын. Продолжила посещать бутики, различные салоны, путешествовать... То ли это у нее защитная реакция такая, то ли... Не знаю. И даже спросить не могу – она давно перебралась за границу, редко приезжает. Они с папой не развелись официально, но вместе не живут очень давно. У нее другой мужчина во Франции, у отца черед молодых любовниц. Вот такое мы не святое семейство. Так что как сам видишь, нормальной в таких условиях остаться непросто, – и понимаю, что слишком разошлась,

наговорила лишнего. Не нужно было... – Я тебя утомила, да?

Закусив губу, смотрю на его подернутое ночной темнотой лицо. И так хочется, чтобы он снова улыбнулся и поддержал, высказал, что он думает на этот счет. Но он молчит. Молчит мучительно долго, а потом так же, не произнося ни слова, поворачивает на меня голову. Поднимается.

Обойдя стол, подходит ко мне почти вплотную, кладет руки на мои плечи и поднимает словно безвольную куклу. Чуть толкнув, прижимает мощью своего немаленького тела к стене.

Я смотрю на него и не понимаю, что происходит. Это его лицо, его глаза и губы, но в то же время передо мной абсолютно другой человек. Незнакомый. Даже пугающий.

– Матвей, что...

Но он не дает мне закончить мысль – в прямом смысле затыкает рот глубоким агрессивным поцелуем.

Глава 10

Я буквально впадаю в ступор. Потому что ожидала чего угодно, но только не этого.

Я думала, что он не видит во мне женщину, никаких намеков на интерес, за исключением момента, когда я по своей же глупости вышла к нему голой. И вдруг этот поцелуй, больше похожий на нападение...

Мужская ладонь по-хозяйски ныряет под мою футболку, с силой сжимает ягодицу, потом перемещается по бедру между ног. Скрывается под кружевном белья, и с моих губ срывается неожиданный для самой себя стон.

– Было много секса, говоришь... – угрожающе шепчет он, рывком стягивая свою футболку.

Секунда, и содержимое стола – коробка с остатками пиццы, салфетки и кружки с грохотом сыплются на пол, еще мгновение – и я сижу на столе, с раздвинутыми ногами и распахнутыми от шока глазами.

Звенит пряжка ремня, из кармана полуспушенных джинс появляется уже распечатанная пачка презервативов. Вытащив один квадратик, мгновение размышляет, с потом швыряет его на столешницу.

– Я чистый, а ты?

Чистая ли я? Да собственно вот только из ванной.

– Да... чистая.

– Таблетки пьешь?

Я не понимаю его вопросов, господи! К чему они сейчас?

– Нет, не пью. Я здорова.

Он явно хочет что-то сказать, но в последнюю секунду словно передумывает. Берет мой подбородок двумя пальцами и притягивает к себе. Целует, с остервенением заталкивая в мой рот свой язык и по всем законам – моральным и физиологическим – мне должно быть неприятно. Но мне приятно, даже очень. Мне до умопомрачения кайфово. Одновременно страшно и интересно, что же будет дальше.

Нет, разумеется, я предполагаю, что именно – тема тычинок и пестиков пройдена еще в школе, но одно дело просто знать и видеть в кино, и совсем другое испытывать прямо сейчас на себе.

Я хотела попробовать перейти черту и раньше, да. Просто не было достойного парня. Такого, чтобы первый опыт оставил о себе исключительно положительные эмоции. Матвей... он очень похож на первого из моих фантазий: взрослый, опытный, уверенный в себе. И его настойчивость мне даже нравится, хотя какие-то полчаса назад он был совсем другим. И эта перемена оставляет массу вопросов. Он словно переключился по какому-то неслышному для меня щелчку.

Впрочем... не все ли равно?

Он классный и он все-таки хочет меня. А я хочу его. Это будет самое настоящее безбашенное приключение, которое

я точно запомню на всю жизнь!

Матвей, не прерывая поцелуи, приподнимает меня за бедра и отточенным движением стягивает с задницы пусть дорогие, но внешне абсолютно обыкновенные трусы. Затем сажает обратно и одним рывком спускает их ниже, оставляя на коже ног болезненные полосы.

Он проделывает все настолько четко, быстро, не задумываясь, что становится очевидно – до меня у него было много женщин и он точно знает, что делает. В отличие от меня. И чем ближе момент Икс, тем сильнее накатывает паника.

Он классный, да, и очень мне нравится, но я представляла все немного не так. Точнее, совсем не так. Не на кухонном столе в чьей-то непонятной квартире. Быстро, невнятно... Да я даже фамилию его не знаю.

Не должно быть так. Не в первый раз.

Не должно!

– Матвей, послушай... – пытаюсь оттолкнуть его от себя, но он, конечно, не слышит – опускает до колен свои джинсы вместе с белыми боксерами и, бесцеремонно раздвинув мои ноги, заставляет зафиксировать их на своих словно вылитых из стали бедрах.

Все произойдет именно сейчас! Здесь! Кажущейся невинной игра вот-вот выйдет из-под контроля. Ловлю его пугающе решительный взгляд: он точно не остановится.

Сейчас.

– Подожди, Матвей! Стой! – в попытке вырваться дергаю

ногами, но он держит их так крепко, что наверняка останутся синяки. – Пожалуйста,пусти! Я не хочу сейчас. Не готова! Пусти! Сейчас же! Я буду кричать!

Луплю его кулаками по плечам, груди, спине, и хватка, наконец, ослабевает.

Он остраняется, и впервые я вижу в его глазах новую эмоцию – замешательство.

– Да ты еще целка!

Не стесняясь наготы, отходит на шаг, позволяя мне спрыгнуть со стола и лихорадочно прикрыть голую задницу футболкой. Пока ищу в темноте на полу свои трусы, до ужаса боюсь поднять взгляд и увидеть, что у него ТАМ. Хотя я успела почувствовать бедрами, но настолько запаниковала, что было не до смакования новых ощущений.

Единственное, что я запомнила, что он был очень, очень большой.

– И зачем вот это все было нужно? – наконец натягивает джинсы обратно, хоть и не спешит застегивать ширинку – определенно что-то мешает.

– Что именно? – отвернувшись, путаясь в ногах и, едва не падая, надеваю трусы.

– Этот бред про бесконтрольный распутный секс. Зачем? Поворачиваюсь на него, приглаживая спутанные волосы. Дико стыдно, просто безумно. Но где-то в глубине души даже жаль, что я оказалась такой трусихой. Сейчас, при свете луны, в незастегнутых джинсах и без футболки, он выглядит

агрессивно сексуальным.

– Не знаю. Мне кажется, в моем возрасте стыдно быть девственницей. Все подружки такого мнения.

– Поэтому нужно было выставить себя шлюхой?

И только после этих его слов я впервые задумалась, как это выглядело со стороны. Наверное, я действительно вела себя как шлюха, сочиняя весь этот бред про спонтанный секс. Еще и делилась этим в блоге.

Взрослая крутая идиотка.

– Ты сразу понял? Ну... что я...

– Почти. Но должен был убедиться.

– Ты обижаешься на меня? Ну, за то что я тебя обломала.

– Чего-о? Обломала? – зло ухмыляется он, поднимая с пола свою футболку. – Если бы мне так был нужен этот секс, я бы его получил.

– Даже против моей воли? Знаешь, как это называется?

– Мне не нужно кого-то насиловать, чтобы получить свое, – и развернувшись, уходит из кухни. – Спи в комнате, я перекантуюсь в гостиной.

Глава 11

Никогда еще я не чувствовала себя настолько двояко. То, что произошло совсем недавно, буквально сбило с ног и напроць лишило равновесия.

Почему он остановился? Я видела его взгляд, это был взгляд мужчины, который все доводит до конца. Однако же он смог сказать себе твердое "нет".

Неужели его остановила моя неопытность? Или я просто оказалась ему неинтересна? Поверить в это невозможно, ведь я отчетливо ощущала его убедительный стояк. Впрочем, Лика все время говорит, что у парней постоянно стоит, стоит где-то на горизонте показаться паре годных сисек...

Чужая постель кажется неуютной и неудобной. Кручусь под одеялом и смотрю на незанавешенное ничем окно. Ни одной звезды, небо черно-серое, с проплывающими седыми проплешинами облаков.

Достаю одолженный у Матвея планшет и снова его включаю. Как только дисплей просыпается, тут же сыплется куча пропущенных и сообщений от Ли:

#####

"Фак, Лер, твой отец опять звонил! Я еле от него отделалась. Не ссы, я ничего ему не рассказала"

"Ты там жива вообще? Почему так долго не в сети?"

"Ты там трахаешься, что ли? Кинь его фотку, заценю."

Можно без футболки. Он есть у тебя во френдах?"

#####

Вздыхнув, закрываю мессенджер, проверяю главный городской паблик на предмет розыска непослушной сбежавшей дочери. Но там пока пусто.

Выключаю планшет и откидываюсь на подушку.

Все-таки я повела себя как последняя кретинка. Теперь он точно решил, что я тупая малолетка. Сначала наплела про свой богатый сексуальный опыт, а потом, когда пришло время показать свою крутость, позорно слилась. И ведь действительно позорно!

От воспоминаний *какон* трогал меня, *где*, щеки заливают краска мучительного стыда.

Сейчас, когда есть время все спокойно проанализировать, я осознаю, насколько это было горячо. Да, совсем не так, как я фантазировала – в каком-нибудь красивом номере гостиницы, желательно с видом на Тихий океан. Устрицы, шампанское, лепестки роз... Все то, что принято выкладывать в соцсетях.

То, что было у нас – это и есть страсть. Это было по-настоящему. Не для чужих глаз – только для себя.

Совру, если скажу, что мне не понравилось.

Может, просто сходить к нему и извиниться? За обман, за провокацию, за инфантильное поведение... Не будет ли это выглядеть глупо?

Решаю, что наоборот: признавать свои косяки – это очень

по-взрослому и нужно иметь смелость, чтобы расписаться в своих недостатках.

А я смелая! Мы просто поговорим, расставим точки и забудем обо всем.

Хотя о таком разве забудешь...

Подхожу к двери и, надавив на ручку, выглядываю в коридор – темно и тихо. Преодолев на цыпочках прихожую, торможу у приоткрытой двери в его комнату.

"Матвей, давай просто забудем все, ок?"

"Матвей, ты спишь? Я пришла поговорить с тобой"

"Матвей, я лоханулась. И ты даже представить себе не можешь, как мне сейчас стремно. Но целуешься ты отпад"

– Ты чего там зависла? – раздается тихое из комнаты.

Робко открываю дверь и захожу в темную гостиную. Матвей, в джинсах, но без футболки, лежит на разложенном диване: одна рука закинута за голову, в другой зажата дымящаяся сигарета.

– Не знала, что ты куришь.

– Ты вообще меня не знаешь.

Резонное замечание.

Делаю еще пару шагов и на выдохе:#####

– Короче, я на счет того, что произошло там, на кухне...

– А разве там что-то произошло?

– Для тебя, может, и нет, но у меня это было впервые.

– Да что было-то? – приподнимается на локте и топит окурок в стоящей на полу пепельнице.

Сейчас я ощущаю себя особенно глупой. Для него то, что было, не имело какого-то глобального значения. Это в *мои* русы впервые забралась мужская рука. Это у *меня* все было впервые. А для него я лишь "одна из".

Это так обидно, что даже щиплет в носу. Ведь он на самом деле мне понравился, да, за какие-то короткие сутки.

– Может, для тебя и не было, но для меня это кое-что значило, – нахожу в себе силы говорить внятно и четко. – Да, у меня никогда не было секса и я немного этого стыжусь, поэтому накидываю на себя пуха и пытаюсь выглядеть круче, чем есть на самом деле. Но если ты сразу это понял, зачем тогда вообще поцеловал меня и... все остальное. Для чего?

– Чего ты хочешь от меня, Лер? – устало выдыхает он. – Зачем ты вообще пришла?

– Я хотела понять, что на тебя нашло. До этого ты был таким... ну обходительным, что ли. Мне вообще казалось, что как девушка я тебе неинтересна. И вдруг такой напор. Ни с того ни с сего.

– Я сделал это потому что захотел сделать, – темные глаза блестят в темноте. – Такой ответ тебя устроит?

– И почему же остановился? Тебя испугала моя девственность?

Он усмехается, и я понимаю, что сморозила чушь.

– А что тогда? – горделиво задираю подбородок. – У тебя кто-то есть, да?

– Лер, иди спать.

И снова откидывается на подушку, как и прежде заложив согнутую в локте руку за голову.

– Да почему ты меня прогоняешь? Я просто хочу понять, только и всего!

– Да иди уже, блять! – рявкает он, не выдержав.

– Придурок! – психанув, захлопываю дверь и возвращаюсь в "свою" комнату. В глазах уже не щиплет – жжет, потому что льют слезы. Слезы обиды, слезы несправедливости и злости. Слезы жалости к себе.

Я не понимаю, в какой момент и что пошло не так. Мне казалось, у нас установился отличный контакт, он помог мне мне, выслушал, он давал мне правильные советы. Он меня целовал... и потом все вдруг испортилось. Он стал чужим, холодным и злым. Он ведет себя, слово я его враг. И от этого так неожиданно больно...

Почему меня это настолько трогает? Откуда эти слезы?

Ну нет, не могла же я влюбиться в него за какие-то сутки. Это нелепо. Это полная чушь!

Он просто зацепил меня, расположил, а потом задел, и мое эго с этим не справилось. Мне понравилось целоваться с ним, так, как не нравилось ни с кем другим, и это тоже сыграло свою роль.

Я убежала из дома, попала в аварию, провела ночь с незнакомцем в мотеле, чуть не лишилась девственности на кухонном столе. Я переполнена адреналином и я не в себе. От того такая странная реакция на него и на все происходящее.

Я убеждаю себя, уговариваю, привожу доводы... а сама мучительно жду, что он заглянет в мою комнату и извинится.

Но он не заходит, и я, скомкав простыни, засыпаю. А просыпаюсь от надоедливого звонка в дверь.

В раскрытое окно заглядывает раннее пасмурное утро, свинцовые тучи так и норовят забраться в комнату. По карнизу стучит мелкий противный дождь.

Звонок звонит не прекращая, и я в раздражении выпутываюсь из одеяла, а потом выглядываю из комнаты.

– Матвей?

Но ответом мне служит лишь гуляющий по прихожей сквозняк.

– Матвей, кто-то звонит. Открой.

На настенных часах в прихожей начало шестого, кто мог притащиться в такую рань?

Зевая и морщась от бесконечных трелей, заглядываю в гостиную, где ночью спал хозяин квартиры, но сейчас там его нет – лишь разобранный диван и наполненная окурками пепельница свидетельствуют о том, что он вообще был и не приснился мне.

– Матвей! Ну ты где?

Делаю несколько шагов назад и просовываю голову в дверной проем кухни. Там тоже все как и было – на полу валяются коробка и заветренные корочки от пиццы, осколки разбитой кружки. А глядя на пустую столешницу, на которой я вчера сидела голым задом, мгновенно заливаюсь краской.

Только не вспоминать!

– Да иду я, – недоумевая, куда же он мог испариться с такое раннее время, открываю дверь и... встречаюсь с хмурым взглядом отца.

Глава 12

– Да как тебе вообще в голову такое могло прийти! О чем ты думала? – папа меряет нервными шагами мою просторную комнату. Он в бешенстве, того и гляди разнесет тут все к чертям. – Сбежать из дома! На машине! Без водительских прав! Где были твои мозги, скажи?

– Там же где и твои, когда ты предложил мне выйти за Самойлова младшего.

– Не хами. Я задал тебе вопрос!

– Отстань, пап, я спать хочу. Можно? – заворачиваюсь в плед, но отец в два шага преодолевает расстояние и рывком стягивает с меня спасительный кокон.

– Нет, нельзя. Нельзя! Я две ночи из-за тебя не спал, потерпишь и ты теперь!

Отцу почти шестьдесят, но выглядит он гораздо моложе своих лет. Благодаря генетике – обладатель густой практически без седины шевелюры, а благодаря упорству в спортзале – довольно неплохой фигуры.

Когда Лика говорит, что был бы он лет на двадцать моложе, то она бы точно попыталась его заарканить меня передегивает, но в то же время лестно, конечно.

Я люблю своего отца, но не этим паршивым утром.

– Чья это была квартира? – наседает он. – Отвечай, я все

равно выясню!

– Ничья!

– Я знаю, что она сдастся сейчас.

Сдается?... То есть как это?

В смысле?

Но вслух свое недоумение не выказываю.

– Вот я ее и сняла. На сутки.

– На сутки? Допустим. А где была первые?

– Ночевала в придорожном мотеле.

– Ты меня точно в могилу сведешь! – психует он, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки. – Точно сведешь!

Когда я увидела на пороге квартиры Матвея отца, то в равной степени обалдела и обрадовалась.

Обалдела, потому что не ожидала его там увидеть. Никак. А обрадовалась, потому что... потому что он мой отец. А где он, там пусть всегда нравоучения, но зато тотальная уверенность, что ничего плохого теперь точно не случится.

Он не отчитывал меня, сквозь зубы процедил, что у меня пять минут на сборы, и пока я торопливо собиралась, недоумевала, каким же образом он меня нашел и самое главное – куда подевался Матвей. Он просто исчез, не оставив ни своего номера телефона, ни записки. Ничего.

Испарился, словно и не было его.

Почему? Что я сделала не так?

Если бы я дала ему, было бы понятно, почему испарился. Но я ему НЕ дала, разве не должно это разжечь в нем боль-

ший интерес?

По закону жанра и кодексу хищника – должна. Но...

– Между прочим, Глеб волновался за тебя, звонил, интересовался, вернулась ли ты.

– Пап, я не выйду за Глеба, – закатываю глаза. – И если ты продолжишь эту тему, я снова сбегу.

– Уже нет, я больше такого не допущу, уж поверь. И вообще, почему ты все так воспринимаешь?

– И как же?

– В штыки. В моем предложении нет ничего особенного, – отец садится на край моей кровати и строго смотрит в глаза. – Глеб – отличная для тебя партия, и тебе это известно не хуже моего. И то, что династический брак в наших кругах дело обыкновенное, для тебя тоже не новость.

– Да что за чушь ты несешь, блин, па? – взвиваюсь. – Ты сам себе веришь? У меня перед глазами "чудесный" пример династического брака – ты и мама. Вы же тоже поженились, потому что были друг для друга "отличной выгодной партией". И?

– Что – и?

– Вы хоть день были счастливы друг с другом?

Отец силится что-то ответить, но понимает, что любое его слово прозвучит фальшиво.

– Да вы на дух друг друга не переносите! – отвечаю за него. – Нет у вас ни любви, ни уважения, ничего нет. Вы даже развестись как все нормальные люди не можете, потому что

в этом случае пострадает ваш общий бизнес. У тебя любовницы одна моложе другой, у нее какой-то хрен во Франции.

– Выбери выражения, все-таки с отцом говоришь! – хмурится он, но меня уже не остановить. Укол адреналина, который я получила двое суток назад, еще не прекратил свое действие.

– Брось, я же не слепая. Но я не лезу в вашу жизнь, потому что она *ваша*. А ты в мою лезешь!

– Ты еще ребенок и пока не понимаешь, что для тебя будет лучше.

– Зато ты понимаешь.

– Я – понимаю.

– И где же ты был, когда Макс принял свою первую дозу?

Вопрос – удар ниже пояса. Я это знаю, и с моей стороны это слишком жестоко.

Осознание приходит быстро: подползаю к отцу и кладу голову на его плечо. Глажу ладонью по широкой вдруг вмиг сгорбившейся спине.

– Извини, па, я не хотела. Прости.

– Я знаю. Знаю, – кивает он, вздохнув. – Я действительно чуть с ума не сошел, Лер. Ну кто так делает?

– Ты сразу начал меня искать?

– Нет. Я даже не знал, что ты убежала. Думал, гуляешь где-то с подружкой и не появляешься дома назло мне. Отчитал Германа, конечно, что уликнула от него. Но в первый раз, что ли?

Улыбается. И я улыбаюсь тоже. Не первый.

– Но когда ты не вернулась к утру, начал волноваться, позвонил твоей Лике. А потом позвонили мне и сообщили, что зарегистрированную на меня машину эвакуировали на штрафстоянку. Стоит ли говорить, что я испытал тогда?

– Па-ап, ну прости-и... – действительно дико стыдно. – Но как же ты все-таки узнал где я?

– Так вычислили по геолокации. Ты же телефон соизволила включить.

Резко поднимаю голову с его плеча.

– Я не включала телефон!

Сползаю с кровати и нахожу на полу сумку, достаю смартфон.

Действительно включен. Но Я его не включала!

Кто же тогда? Матвей?

Но зачем?

– Тот парень, что подвозил тебя, кто он? – словно читает мои мысли отец, и темный пристальный взгляд совсем не оставляет шанса сдюжить.

Выходит, отец и про Матвея уже знает. Но раз спрашивает, значит, знает не все. Впрочем, как и я.

– Никто. Просто парень.

– Мне стоит беспокоиться?

– Абсолютно нет.

Вкратце пересказываю ему, как какой-то парень вытащил меня из канавы и подвез до мотеля. Об остальном преду-

смотрительно решаю умолчать.

Ну зачем ему знать все эти подробности?

Матвея не было в доме этим утром, значит, я могу о нем не рассказывать. А вот почему его все-таки не было и почему квартира в статусе "сдается" – вопрос. Он же говорил, что живет там. Правда, справедливости ради, не говорил, что квартира его.

– Вот уж подумать не мог, что ты выкинешь такое, – качает головой папа. – Никогда ведь больших проблем не доставляла и тут вдруг! Ладно, я прощу тебя за свой нервный срыв, если ты будешь более благосклонна к Глебу.

– Опя-ять...

– Он же нравился тебе!

– Да. Но больше как приятель! У нас совсем ничего общего.

– Зато у меня с его отцом общего много, – поднимается с моей кровати и поправляет запонки. – Позову Самойловых в субботу к нам, пожарим мясо на заднем дворе.

– Но...

– Не обсуждается, – отрезает, направляясь к двери. – Скажи спасибо, что не сажаю тебя под домашний арест. Будешь теперь всюду ездить с Германом.

– Пап!

– Не обсуждается!

Когда он уходит, я снова падаю навзничь на кровать и, скучая, изучаю потолок. Удивительно, но заходить на свою

страничку совсем не хочется. Впервые за долгое-долгое время.

Может быть потому, что впервые за долгое у меня появилась реальная жизнь, которой не хочется ни с кем делиться? Не модные клубы, рестораны и тусовки с "правильными" людьми, а что-то свое, личное. И от воспоминаний об этом "личном" бегут мурашки.

Я сотню раз, наверное, прокрутила уже в голове то, что между нами произошло и в моих фантазиях мы заходили на-много-ого дальше...

Куда же он исчез? Почему молча?

От чего с ним вдруг вообще произошла эта странная перемена?

Ему удалось меня заинтриговать, и факт его исчезновения только подкинул дров в разгорающийся костер интереса.

Как жаль, что я не додумалась его сфотографировать, возможно, удалось бы найти его через фейс-поисковик. Хотя он сказал, что не любит соцсети...

И он меня не фотографировал, значит, тоже не найдет... Впрочем, нужно ли ему это?

Как же жаль, что я так и не спросила его номер телефона...

Его слишком много в моей голове, непозволительно. Я изо всех сил пытаюсь избавиться от навязчивых воспоминаний, но ничего не выходит. Его имя и события ночи напрочь засели в подкорке.

Звонит телефон, и хоть я точно знаю, что это не может быть Матвей, все равно надеюсь увидеть на экране незнакомый номер, за которым скрывается он.

Но это не он, конечно, это Лика, которая жаждет горячих подробностей моего двухдневного побега. И впервые я буду с ней практически честна, ведь мне на самом деле есть, что вспомнить.

Глава 13

– И какой у него? Такой? – Лика берет с прилавка аэрозольный дезодорант и удерживает его двумя пальцами перед моим лицом. – Похож?

– Дура!

– Нет? Еще больше? – хватает следующий объемом XXL.
– Такой, что ли?

– Извращенка! – хохоча, отнимаю у нее тюбики и ставлю на место. – Я не сравнивала, тем более с этим!

Мы уже битых три часа шляемся по моллу, и когда вижу впереди ресторанчик, с радостью беру курс на еду.

– Я дико голодная, нужно срочно перекусить.

– Еще бы, столько калорий недавно потеряла, – немного с завистью тянет Ли.

Мой рассказ ее впечатлил. Конечно, мне пришлось немного приукрасить историю нашего знакомства с Матвеем: обыкновенная тачка превратилась в крутой люкс, а типичная квартира – в пентхаус.

Такая вот в нас "дружба", другого она не поймет и не примет. Анжелика – а это полное ее имя – из тех людей, что обожают свое положение и не признает никого даже на крупицу статусом ниже. Для нее эти люди – второй сорт, и никак иначе.

Внизу, на стоянке, в машине меня ожидает Герман, и я знаю, что это теперь надолго. Впрочем, после приключений с обочиной я даже рада, что не придется какое-то время садиться за руль.

Пока не получу права – точно.

– А ты минет ему делала? – словно между прочим бросает Ли, листая меню. Я тушуюсь, потому что этот момент своей истории не успела продумать.

– Понятно, не делала, – расценивает мою паузу как ответ отрицательный. – Ну и правильно. Я вот на это подпишусь исключительно по любви. Мусолить еще им за просто так, много чести. А где он живет вообще?

Хотела бы я знать, учитывая, что та квартира, оказывается, сдается.

– В центре, – отличный обтекаемый ответ.

– А тачка у него какая?

– Майбах, – ляпаю первое, что приходит в голову. Ли, покачивая головой, одобритительно оттопыривает нижнюю губу.

– Со вкусом. Покажи хоть фотку его, не жлобись.

– У меня нет его фотки.

– Да кого ты лечишь!

– Seriously. Зачем она мне, это же не отношения, а так... просто приключение.

И от данной мысли тоскливо сжимается сердце.

Я не хочу, чтобы Матвей просто стал частью моей истории, я хочу... даже если и не поддерживать с ним близкие от-

ношения, то просто бы знать, кто он. Как он. Переписываться изредка... Хотя кого я обманываю – я хотела бы встретиться с ним снова. Спросить, куда он исчез и что это за странности такие с квартирой.

Сделав заказ, кладу на стол меню и поворачиваю голову к огромному панорамному окну. Вечернее солнце уже опустилось за высотки, лишь последние лучи отражаются в стеклянном бизнес-центре напротив.

Интересно, где он сейчас? Думает ли он хоть чуть-чуть обо мне...

Рядом с машиной отца на парковке стоит кремовый Майбах. Так вот почему именно эта марка пришла в голову.

Ли торчит в своем навороченном телефоне и не прекращая трещит о чем-то несущественном и совершенно сейчас не интересном. Еще пару дней назад я бы включилась в беседу, но теперь все мои мысли занимает совсем другое.

Фары Майбаха коротко мигают, и к автомобилю подходит мужчина. На мгновение сердце замирает и в буквальном смысле пропускает удар. Это же Матвей! Безумно похож. Те же темные волосы, тот же размах плеч. И фигура такая же. Рядом с ним светловолосая девушка, держит одной рукой ворох бумажных пакетов, а в другой телефон. Они о чем-то словно спорят, потом она зло открывает заднюю дверь и швыряет покупки на сиденье. Обходит автомобиль, садится впереди. Но она так, фоном, на деле я не свожу глаз с парня. Ну же, повернись ко мне лицом!

И он поворачивается, но так быстро, что я совершенно ничего не успеваю заметить.

Впрочем, это не может быть он. Откуда у парня, живущего на съемной квартире, такая дорогостоящая машина.

– Эй, ты слушаешь меня вообще? Лер, – Лика щелкает пальцами у моего лица. – Ты где?

– Я тут. Так, задумалась, – отворачиваюсь от окна.

– Ты влюбилась, что ли? Витаешь где-то целый день и взгляд как в ненормальной.

– Не пори чушь. Говорю же – ничего серьезного, – улавливаю краем глаза, что Майбах уехал, на его место уже паркуется другая машина.

– Может, суши еще закажем? Жрать охота.

Дергаю плечом, предоставляя право выбора ей.

Жаль, что это был не он. И в то же время, хорошо. Потому что тот факт, что он был с девушкой, на удивление задел неожиданно остро.

А вдруг у него действительно кто-то есть?

Время до субботы тянется монотонно нудно. Со среды зарядил дождь и колотит по стеклам вот уже четвертые сутки подряд. Выходить из дома не хочется: развалившись в своей комнате на кровати, пощу какую-то чушь, которая сразу же набирает тысячи лайков. И раньше они радовали меня, а теперь...

Со дня моего побега и знакомства с Матвеем прошло семь

дней, и утро каждого я начинала с мысли о нем. Как он говорил, что, как смотрел на меня при этом и тот наш безбашенный поцелуй на кухонном столе... Чем больше проходит времени, тем больше думаю и это дико раздражает. Ну почему именно он?

Да потому что. Потому что он умный, красивый, взрослый. Он знает чего хочет, а еще он умопомрачительно целуется.

Я пыталась найти его. Покопалась в телефоне Лики пока она не видела и отыскиала номер, с которого я сама звонила ей будучи в бегах. "Абонент не отвечает или временно недоступен". Видимо, как я выключила планшет, так больше его никто и не включал.

Также я нашла объявление о том, что квартира, якобы "его" – действительно сдается. Позвонила по указанному номеру, женский голос ответил, что сдается, да. Нет, не точно. И нет, конечно, она не скажет мне, что за парень там проживал неделю назад. Ни слова не смогла вытянуть.

Сама не понимаю, почему так помешалась на нем. Будто заклинило.

– Валерия! – после короткого стука отец заглядывает в комнату. На нем темные брюки и белая футболка-поло. – Ты почему еще в кровати? Скоро Самойловы приедут.

– Так дождь на улице! Какое барбекю?

– Обыкновенное. У нас отличная беседка, – папа заходит в спальню и бесцеремонно распахивает мой шкаф. Достает ве-

шалку со спортивным костюмом и кидает на кровать. – Одевайся, они уже подъезжают.

– Не хочу, – кладу подушку на лицо, но отец снимает ее и откидывает в сторону.

– Валерия, хватит. Ты уже давно не ребенок. Переодевайся и спускайся вниз.

– Этот Глеб... он зануда, па, – неохотно опускаю босые ноги на пол. – Нам даже поговорить не о чем.

– Раньше же было о чем!

– Раньше нам было по четырнадцать. Точнее, мне четырнадцать, а ему девятнадцать, но уже тогда он не сильно отличался от меня интеллектом. Поэтому и темы были.

– А теперь что? Иссякли?

– А теперь я его переросла.

– Пф, – усмехается отец, в глубине души понимая, что я, в общем-то, не так уж и не права.

Глеб Самойлов – тупой мажор. Ни шагу без вейпа, миллиона селфи на фоне тачки, в зеркале качалки, и каждая с наложенным фильтром. Не понимаю, неужели ему норм, что его отец решил за него, на ком ему жениться! Впрочем, там такой отец, что послушаться его не вариант. Я сама его побаиваюсь.

– Я не узнаю тебя совсем, – пристально смотрит на меня папа. – Ты как будто изменилась.

– И давно?

– Вот как вернул тебя домой, так и замкнулась в себе, ви-

таешь где-то. Что там произошло такого в этой поездке?

Под гнетом его взгляда не слишком уютно. Стараясь чтобы не бегали глаза, хватают костюм и под предлогом переодеться прячусь в ванной.

– Да ничего там не произошло! – произношу из-за запертой двери.

– А что значат слова: "было кайфово, хочется повторить"?

– Ты что, читаешь мои посты?

– Конечно, ты же моя дочь.

Твою мать!

Разумеется, я знала, что отец приблизительно в курсе того, что я там пишу, ему наверняка докладывают, но то, что читает он это сам, лично...

– Копаться в жизни взрослой дочери – зашквар. Ты не знал? – зло распахиваю дверь и яростно одним рывком застегиваю молнию спортивной кофты оверсайз. – Ты мне еще советы по половому воспитанию начни давать.

– Не такая ты уж и взрослая.

– Да что ты! – цепляюсь на лету. – То есть замуж выходить за сынка твоего бизнес-партнера я уже выросла, а для всего остального...

– Ладно, все, они с минуту на минуту будут здесь. Давай не будем ссориться, – примирительно улыбается он. И вижу, что хочет еще что-то добавить.

– Ну, – причесываясь, ловлю в зеркальном отражении его лицо. – Говори.

– Инга к нам присоединится.

– Твоя типа "секретарша"? – изображаю двумя пальцами "кавычки". – Которая ездит на последней модели БМВ, которую ты ей подарил? Интересно только, какую такую работу должна выполнять секретарша, чтобы получить столь щедрый презент от босса.

– Не ерничай. Она мой гость.

– Угу. Чувствую, скоро у меня будет на одну "мамочку" больше. На сколько она меня там старше? Лет на семь?

– Прекрати, Валерия. И не задерживайся. Жду тебя через десять минут в саду. Самойловы приехали, – папа уходит, а я оборачиваюсь к окну: черный Мерседес Самойлова-старшего как раз заезжает на подъездную дорожку.

Выбора нет, придется идти. Но если папа думает, что я стану разыгрывать самую любезность – он сильно ошибается. #

***#

Вытянув под столом ноги, с кислой миной жую кусок шашлыка, который, к слову, получился довольно неплохим.

Рядом сидит Глеб, как обычно одетый модно и с исключительным вкусом: светлые джинсы, кремовые мокасины от Стефано и крупной вязки белоснежный пуловер. Словно не на барбекю собрался, а в модный клуб.

– Ну че, как сама? – сцепив длинные пальцы, откидывается на спинку садового кресла из контрастно черного ротанга.

– Я? Да норм.

– М.

Нам совершенно не о чем поговорить, ему интересно со мной примерно... ну примерно как с болтать солонкой. Как и мне с ним. Мы можем более-менее общаться в общей компании, но вдвоем – боже упаси. Даже не верится, что когда-то какие-то общие темы у нас все-таки были.

– Где чилила на тех выходных? Отец тебя искал.

– Да так. Вписалась у подружки.

– М.

Вытираю салфеткой рот и, скомкав, бросаю на стол.

Отец с Самойловым-старшим сидят чуть поодаль, в руках по стакану виски. Оба периодически косятся на нас, потом возвращаются к "важному" разговору, конечно же о бизнесе.

Сестра Глеба в прошлом году вышла замуж. Тоже за сына "нужного" человека. С тех пор благосостояние Самойловых увеличилось в разы.

Я понимаю, пристроить нас друг другу для них идеальное решение. Но почему так рано? Зачем сейчас? Почему не дать мне как минимум закончить универ?

Инга, папина "гостья", сидит поодаль на садовых качелях, потягивая ледяное Ламбруско. Эта тоже вырядилась под стать моему "будущему мужу" – платье в пол, с вырезом до лобка. Ее я благополучно игнорирую. Лимит вежливости с лихвой уходит на Глеба, который берет со стола салфетку и, аккуратно сложив квадратиком, счищает со своего дорогого ботинка прилипшую грязь.

– Я на тех зависал у Спанча. Оторвались уматно.

– Прикол.

– А ты вечером чего делаешь потом? – бросает посеревший комочек рядом с моим и давит улыбку. – Ну, после вот этого всего. Может, двинемся куда?

Интересно, сам придумал или папа подсказал?

– Даже не знаю. Есть предложения?

– Можем в Ауру дернуть.

– Ну, в принципе можем.

Я никогда не считала себя скучным или тупым человеком и всегда могла поддержать разные темы разговора, но темы Глеба... это что-то. Давлю зевоту в кулак и вспоминаю, как непринужденно лилась беседа с Матвеем. Да, говорила в основном я, но он слушал. Да, слушал и слышал меня. Удивительно, но даже молчание с ним было комфортным, чего не скажешь о натужных паузах с Глебом.

– Будешь?

– Давай.

Под недовольный взгляд папы, Глеб наливает мне щедрую порцию коньяка. Выпиваю его залпом, и гортань, а затем пищевод обжигает словно огнем. На дно желудка падает приятная тяжесть.

Не поеду с ним в клуб. Сольюсь. Сочиню несварение или что-то еще более правдоподобное.

Закинув согнутую в колене правую ногу на бедро левой, достаю из кармана смарт и понимаю... не хочу. Не хочу заходить на свою страничку. Видеть эти дебильные стики и чи-

тать либо заискивающие, либо откровенно агрессивные отзывы. Бесит. Может, удалить ее к чертям? Зачем она мне?

Если бы Матвей узнал о том, что я несу в своем блоге, одобрил бы он? Вряд ли. До сих пор не могу забыть то чувство всепоглощающего стыда, когда он раскусил мой обман. По приезду домой я удалила несколько старых публикаций, где наверняка выставила себя со своим мнимым опытом как малолетняя шлюшка.

Матвей... мне так не хватает его. Двое суток вместе и вот уже пять я не могу выбросить его из головы. Явный перевес.

Куда он пропал? Почему?

Неожиданно телефон оживает в руках и на дисплее высвечивается "Неизвестный номер". Как и каждый разумный человек я не отвечаю на непонятные номера, но сейчас почему-то нажимаю "принять вызов".

– Алло, – протянув руку, беру со стола зубочистку с мятым кончиком. – Я слушаю.

– Привет, звезда.

Вздрагиваю, и зубочистка падает на дощатый пол. Глаза сами по себе вылазят из орбит. Это Матвей.

Глава 14

– Приве-ет, – сползаю с плетеного кресла и чешу подальше от любопытных ушей. Этот разговор слишком дорог, чтобы пропустить хоть слово. – Откуда у тебя мой номер?

– Пока ты спала, я брал твой телефон.

– Как ты узнал пароль?

– Подсмотрел, когда отключала.

Голос тихий, но настроен он, кажется, добродушно. Вслушиваюсь в интонации, тембр, и вдоль позвоночника бегут мурашки. Я уже и забыла, какой у него сексуальный баритон.

– Может, встретимся? – спрашивает он, и меня резко окутывает волной жара.

Да-да-да! Я хочу! У меня есть слишком много вопросов, ответы на которые я хочу получить.

Почему ты пропал?

Чья это была квартира?

Почему не звонил так долго, если у тебя был мой номер?

Скучал ли ты... хоть чуть-чуть...

Но вместо этого спрашиваю:

– Когда?

– Да прямо сейчас. Жду тебя у шлагбаума, дальше не пустили.

В изумлении оборачиваюсь: папаши по-прежнему разговаривают о чем-то своем, Глеб копается в телефоне, Инга

сосет третий бокал дорогого халявного вина.

– В смысле – у шлагбаума? – понижаю тон. – У какого?

– Я недалеко от твоего дома.

Ошарашенного отнимаю телефон от уха и вытягиваю шею, будто это каким-то образом поможет мне увидеть, что происходит за двухметровым монолитным забором.

– Ты гонишь!

– Выйди и проверь.

– Но как ты узнал где я живу?

– Может, поговорим при встрече?

– Прямо сейчас... Я не могу.

– И что тебе мешает?

Действительно, что?

Неужели лучше сидеть здесь и прокисать?

– Жди, скоро буду.

Засовываю телефон в карман спортивных джоггеров и, шумно дыша, лихорадочно соображаю, как быть.

Как слиться? Что сказать отцу?

А мой внешний вид? Я уродина! Без косметики, с венчиком на голове и в спортивном костюме. Специально "принарядилась" к приходу Самойловых. Чтобы сразу товар лицом, так сказать. Изнаночной его частью. Но если я пойду домой переодеваться, отец обязательно что-то заподозрит и заставит Германа пойти со мной. Нет, не выйдет. Значит, пойду так.

Накинув капюшон, пытаюсь незаметно прошмыгнуть ми-

мо отца, но он, конечно, замечает.

– Ты куда это?

– Ли́ка приехала на такси, бокс отдать. Заказывали косметику недавно, на ее адрес привезли.

– Да пусть к нам заходит. Мяса всем хватит.

– Да она на диете, па, я недолго.

Опустив ладони в карманы брюк, быстро иду по влажной каменной тропинке к воротам. Нажав кнопку, жду пока проснется Валера.

– Подождать? – спрашивает охранник.

– Нет, закрывай пока.

Не обращая внимания на крапающий дождь и не оборачиваясь, едва ли не бегом мчусь к шлагбауму. Благо наш дом находится практически на выезде из коттеджного поселка, поэтому идти совсем недолго.

А если его там нет? Если он просто пошутил?

Кем я буду выглядеть?

Впрочем, если его там нет, то о моем позоре он и не узнает.

Но я очень-очень хочу, чтобы он там был.

И... он здесь. Я вижу очертания его машины за будкой КПП. Он тоже видит меня – фары коротко мигают, указывая нетерпение.

– Валерия Львовна, куда вы одна, в дождь, – выглядывает из окошка охранник. – Зонт дать?

– Нет, Вась, не надо. Меня там... такси ждет.

Не дожидаясь, пока откроется шлагбаум, пролезаю под ним и, изо всех сил приводя дыхание в норму, шагаю к тачке Матвея. Подхожу, стучу указательным пальцем по стеклу, оно плавно опускается... и замираю. Я уже успела забыть, какой он. И даже не ожидала, что настолько буду рада его видеть.

– Садись, – кивает он на место рядом с собой и открывает изнутри пассажирскую дверь.

– Зачем? – складываю на груди руки. – Мы куда-то поедем?

– Угу, покатаемся.

Раздумываю я недолго – обхожу капот и забираюсь в теплый сухой салон. Сняв капюшон, поправляю свалевшиеся волосы.

– Извини, я сейчас не очень комильфо выгляжу.

– Ты всегда хорошо выглядишь.

Как там поется в старой когда-то популярной песне? "Мое сердце остановилось?". Именно это происходит сейчас с моим сердцем. Но я старательно не продаю вида. Пристегиваюсь, пишу отцу смс, что скатаюсь быстро с Ликой до ближайшей кофейни и, не дожидаясь возражений, от греха подальше выключаю телефон.

– Ну что, поехали? – и заводит мотор еще не получив мой ответ.

– И куда?

– Не знаю. Можешь выбрать сама, мне все равно.

– Мне, в общем-то, тоже.

– Тогда, может, поедem ко мне?

Он смотрит на меня несколько долгих томительных секунд, пристально, глаза в глаза. Смотрит, словно проверяя на вшивость. Рискну ли я убежать с ним практически из-под носа отца. И я совсем не понимаю, какую игру он затеял.

"Ко мне" – это куда? Ведь та квартира, как я уже выяснила, сдается. Но он не знает, что я в курсе. Значит, можно подыграть и посмотреть, как он будет выкручиваться, когда я засыпаю его неловкими вопросами.

– Хорошо, – не сводя с него глаз, тяну ремень безопасности. – Поехали к тебе.##

Глава 15

Когда мы тормозим возле того же подъезда, входим в тот же лифт, я не совсем понимаю, что вообще происходит.

Я лично звонила по объявлению, квартира точно свободна и точно сдается. Как тогда объяснить тот факт, что мы снова здесь?

По дороге мы говорили о разном, но я принципиально не заходила тем, которые могли заставить его лгать. Но сейчас решаю припереть к стенке прямыми наводящими вопросами:

- Сколько ты говоришь живешь здесь?
- Не знаю, месяц, может.
- Ты говорил два.
- Или два.

Ни один мускул не дергается на его лице. То ли он действительно "забыл", то ли мастер виртуозного вранья.

Двери лифта разъезжаются перед нами, и Матвей, игнорируя правила приличия, выходит первым. Выхожу следом, но к квартире шагать не спешу.

- Ты чего? – оборачивается, вынимая ключ из заднего кармана джинсов.
- Эта квартира сдается, – складываю на груди руки. – Я все знаю.

– Ну да, она сдается, – и снова даже глазом не ведет. – Это квартира моих знакомых. Живу здесь, пока не сдадут.

И все? Вот так просто? Почему эта мысль мне даже в голову не приходила?

Я была уверена, что в этой истории кроется что-то мутное, напридумывала тысячу очерняющих его причин, а на деле вышла такая банальщина?

– А ты что подумала? – видимо, считывает замешательство на моем лице. – Что я обманываю тебя?

– Вообще, если честно, да. Была такая мысль.

Усмехнувшись, открывает дверь. Заходит в темную прихожую.

– Ну, ты чего зависла? – бросает, не оборачиваясь. – Проходи.

Внутренний голос вопит, что не надо. Не потому что он может сделать мне что-то плохое, в этом плане я его почему-то не боюсь, а потому что я не могу спрогнозировать собственное поведение. Он нравится мне и помятуя о том, что между нами было в этой же квартире...

– Слушай, я отцу сказала, что ненадолго совсем отлучусь... – мнусь.

– А зачем ехала тогда, раз не собиралась оставаться?

Зачем ехала? Да черт его знает, зачем. Просто хотела побыть с ним рядом, просто поговорить. Смотреть, как он держит одной рукой руль, а между пальцами другой зажимает сигарету. Хотела слушать его голос и, может быть, урвать

еще один случайный поцелуй...

Я действительно успела соскучиться по нему за такой короткий срок. Эта мысль не то чтобы удивляет, лишь подтверждает тот факт, что все эти дни мне не казалось – я действительно серьезно запала.

– Так ты заходишь? – немного нервно переспрашивает он, и я боюсь, что если отвечу ему "нет", он просто скажет "ну пока" и закроет перед моим носом дверь.

Очень боюсь. Гораздо сильнее гнева отца.

– Ну ок. Думаю, час ничего не изменит.

– Па, говорю же – я с Ликой. Не истери... Да не надо мне Германа, хватит уже!.. На такси приеду. Все, пока... Пока, говорю, – вырubaю телефон и убираю его в карман.

Я сижу за столом на кухне и воспоминания ночи недельной давности мешают на чем-то сосредоточиться. Мне жарко, но кофту не снимаю. Потому что под ней только футболка. И все. Лифчик я не надела.

– Классные джинсы, – сцепив пальцы, чтобы хоть чем-то занять руки, делаю завуалированный комплимент его заднице. – И дорогие. Я знаю эту фирму.

– Китайская подделка, – ставит на стол бутылку виски. Рядом два квадратных стакана.

– И что это?

– Это виски.

– Я вижу. В плане, мы что-то отмечаем?

– Что-то отмечаем, – соглашается он и наливает поровну, примерно на два пальца.

Я не люблю такой крепкий алкоголь, но сейчас не отказываюсь – прикасаюсь краешком своего стакана к его и, морщась, делаю большой глоток.

Горло, как и дома часом ранее, обдаёт огнем, на какое-то мгновение становится нечем дышать. Но вида я не продаю.

– Ты выпил. И на чем я теперь поеду домой?

– Разберемся.

Вникать, что именно он имеет в виду под этим словом, не хочется. Но и молчать не хочется тоже – глотка хватает, чтобы моментально развязать язык.

– Зачем ты сдал меня отцу? – сразу же кидаюсь грудью на амбразуру. – Ты же знал, что я из дома убежала и даже знал причину. Но все-таки сдал.

– Убегать не выход, уж поверь мне. И он бы все равно тебя нашел. И скорее всего в тот же день, – наливает еще.

– Все равно, это было не слишком красиво. Ты даже меня не спросил!

– Я так решил.

– То есть теперь ты решаешь за меня?

Не удостоив меня ответом, выпивает свой виски одним большим глотком, и я вдруг отчетливо понимаю, что не просто плохо его знаю, я не знаю его совсем.#

Сегодня он совсем другой – хмурый и молчаливый. Совершенно не такой, каким был в день нашего знакомства.

Словно подменили. И не могу сказать, что таким он нравится мне меньше.

— Куда ты исчез тем утром? — кручу в руках свой стакан.
— Когда я проснулась, тебя не было.

— Не хотел провоцировать твоего отца. Ты же наверняка не призналась ему, что ночевала с малознакомым парнем.

— Не призналась...

— Ну вот, видишь.

— А адрес как узнал мой?

— После того, как я понял, кто именно твой отец, это было не так уж сложно.

Неужели перемены в его поведении связаны с тем, что он понял, кто мой отец?

Он действительно небедный человек, имеет весомое влияние и хорошие связи. Может, Матвея это отпугнуло?

Хотя глядя на него сейчас, такого пусть хмурого, но уверенного в себе, сложно представить, что его хоть что-то может отпугнуть.

Я теряюсь с ним таким, новым. В первый день, под маской стервы-Леры было проще, но теперь, когда я открылась перед ним, после нашего крышесносного поцелуя и... прочего, я действительно ощущаю себя жутко неуверенной малолеткой.

Впрочем, не только сброшенная маска влияет на внутренние перемены. В первый день он не нравился мне так сильно, как теперь...

– А где ты был все эти дни? – вожу подушечкой указательного пальца по краю стакана. Смотреть на него неловко, поэтому сосредотачиваю все внимание на процессе. – Ты не объявлялся столько дней. Я не знала, что и думать...

– Это допрос?

– Нет, конечно! Просто я уже смирилась с тем, что мы больше никогда не встретимся...

– А ты хотела этой встречи?

Он смотрит на меня, прямо, и увиливать под напором такого взгляда невозможно.

– Хотела.

Он улыбается краешком губ и кивает на мой стакан.

– Пей.

– Наверное, с меня хватит.

– Как хочешь, – и снова наполняет свой. – А что ты сказала отцу? Куда поехала?

– Что я с Ликой в кафе. Это моя подруга.

– Ты сказала, что останешься у нее ночевать?

– Нет, – щеки вспыхивают. – А... надо было?

Покачивая бокал, в котором глухо позвякивают остатки льдинок, неопределенно дергает плечом.

– Смотря какие у тебя планы на эту ночь.

– У меня нет никаких планов! – отвечаю слишком уж поспешно и облизываю пересохшие от волнения губы. – Не было.

Безумно жарко. Снимаю кофту и перекидываю ее через

спинку стула. Я чувствую себя опьяненной, не нужно было пить этот чертов виски. А может, дело не только в нем.

– Ты же понимаешь, что бывает, когда девушка соглашается ночью поехать домой к мужчине? – вкрадчиво произносит он, рассматривая мою торчащую под тонкой тканью футболки грудь, и я снова облизываю губы.

– Предполагаю. Но ведь у нас с тобой... не тот случай, верно?

– С чего ты решила?

– Ну, когда-то ты уже послал меня.

Он ухмыляется и откидывается на спинку кресла. Долго смотрит на темный прямоугольник окна, а потом лениво возвращает внимание мне:

– Иди сюда.

– К тебе?

– Да.

Я послушно поднимаюсь и обойдя стол, встаю рядом.

– Садись, – с видом хозяина кивает глазами на свои широко расставленные колени.

Не знаю, почему я делаю то, что он говорит. Может, потому что ему сложно противоречить, а может, потому что хочу этого сама. Хотела еще тогда, в ту ночь. Когда пришла к нему в комнату, а он меня отправил.

Перекидываю одну ногу через его бедро, затем вторую.

Он подхватывает меня под ягодицы и рывком заставляет придвинуться максимально близко. Я ошущаю его набираю-

щую силу эрекцию, чувствую блуждающую по моей оголенной пояснице ладонь. И борюсь со страхом, что смешалось с желанием сделать это. Сделать это с ним.

– Зря ты согласилась поехать со мной, Лер, – шепчет он, аккуратно, может быть даже бережно убирая с моего лица выбившуюся прядь.

– Почему? – тяжело дышу, боясь услышать ответ. – Почему зря?

– Потому что сейчас я буду тебя трахать.

Глава 16

Я не успеваю ничего сказать, даже как-то среагировать на его дерзкое высказывание не успеваю – он накрывает мои губы своими, и я просто забываю как думать.

Его поцелуй требовательный, может быть даже чуть агрессивный. Этим поцелуем он мне как будто бы мстит или за что-то наказывает, но сейчас мне плевать на его мотивы. Я наслаждаюсь его губами, горячим языком, наслаждаюсь болью, что наносит отросшая щетина моей изнеженной дорогим уходом коже.

Он не без наслаждения сминает мою грудь, и где-то на задворках сознания мелькает мысль, что в его внушительной руке она кажется слишком крошечной, но судя по урагану, что не ослабевает в его джинсах, его все более чем устраивает.

– Матвей...

– Молчи.

Левая ладонь сползает по моему животу вниз, скользит под резинку джоггеров, а следом трусиков. Я вздрагиваю и рефлекторно сжимаю бедрами мужскую руку, не позволяя зайти дальше, и это, кажется, становится той самой красной линией, переступив через которую уже не отыграть назад.

Он резко снимает меня со стола и, заставив держаться на ослабевших ногах, бесцеремонно поворачивает к себе спи-

ной. Дабы ощутить хоть какую-то опору, упираюсь ладонями о стол. Влажные волосы липнут к шее, сбивчивое дыхание застревает в груди. Неужели сейчас...

– Будет больно?

– Будет.

Утешает это мало, но сегодня я не пойду на попятную. Да он уже и не отпустит...

Рывком спустив мои штаны вместе с бельем, звякая пряжкой ремня снимает следом свои джинсы. В ягодицы сразу же упирается его внушительный стояк, и мне страшно просто до чертиков, потому что невозможно представить, как он поместится... во мне.

– Может быть лучше лежа? – как последняя трусиха оттягиваю неизбежное. – Я читала в одной статье, что в первый раз лучше в миссионерской позе...

– Пи*дят твои статьи.

Раздвинув коленом мои бедра, кладет ладонь на поясницу, заставляя максимально прогнуться в спине.

Я слышала рассказы о жуткой боли, о различных разрывах и даже кровотечениях, если парень был слишком несдержан. Читала, что первый раз определяет чувственность женщины на всю оставшуюся жизнь, и если опыт был негативный, можно забыть об истинном удовольствии от близости в будущем.

Мысли не слишком способствующие расслаблению, но других сейчас нет. Мне безумно страшно.

Я хочу, чтобы моим первым стал он, но я имею право на этот мандраж!

– Пожалуйста... сделай так, чтобы было не больно. Прощу.

– Я же сказал, что будет, – и я ощущаю, какой мертвой хваткой от фиксирует мои бедра. – Но не бойся, тебе понравится.

И после этих слов входит в меня. Не быстро, чего я опасалась, даже можно сказать деликатно, если это слово вообще уместно в сексе. Я чувствую непривычную заполненность внутри себя, неземной эйфории нет, но главное – нет боли! Ее нет!!

– Всё? – и в каждой букве звенит надежда.

– Ну что ты... – хрипло выдыхает он и, впившись пальцами в кожу, делает глубокий толчок. Резко. До упора. До искр из глаз.

Крик вылетает из груди словно стремительная пуля.

– А вот теперь всё.

Он не обманул – это больно. Его член слишком большой. Он огромный. Я задыхаюсь. Не смогу... Интуитивно дергаюсь, пытаюсь вырваться, но он снова давит ладонью на мою поясницу. Не сильно, но настойчиво.

– Терпи. Потом будет хорошо. Расслабься.

Я слышу, как сбивчиво и тяжело он дышит, чувствую его по-прежнему каменную эрекцию внутри себя и понимаю, что ему хорошо со мной. Его не пугает моя неопытность, не

раздражают нелепые вопросы и смешные попытки сбежать. Он возбужден, и его возбуждение странным образом моментально передается и мне. Боль неожиданно отходит на второй план, уступая место ликованию, что наконец-то *все случилось*. И не с кем-то, а с ним. С мужчиной, которого я хотела.

Я занимаюсь сексом с самым загадочным и офигенным мужиком из всех, кого я встречала! Я рискнула и сделала этот важный шаг! Теперь все будет по-другому. Моя жизнь изменилась.

Прогибаюсь по-максимуму, как ему, видимо, нравится, и из груди рвется неожиданный для самой себя стон, но уже далеко не боли. Мне кажется он очень сексуальным, но Матвей почему-то закрывает мне ладонью рот.

– Не делай так больше, – наклонившись, шепчет мне почти на ухо. – Иначе я серьезно тебя вы*бу.

И начинает двигаться еще быстрее.

Не знаю, чего он хотел добиться своей угрозой, но меня она только заводит. Рваное дыхание, шлепки кожи о кожу и терпкий аромат уже обоюдного возбуждения.

Ловлю себя на мысли, что почти не ощущаю боли, лишь ее отголоски, и с каждой секундой все происходящее нравится мне все больше и больше. Понимаю, что не хочу, чтобы он останавливался. Я хочу еще.

Стону в его ладонь снова и чуть-чуть прикусываю соленую кожу. Это побуждает его снова нарастить темп и выругаться

под нос очень и очень непристойно.

Где-то на задворках сознания, словно сигнальный маяк, появляется стойкое ощущение, что он начинает терять контроль и угроза "вы*бать" приобретает вполне серьезные очертания. Движения становятся слишком глубокими и резкими, где-то даже грубыми. Накатившая эйфория сменяется вернувшимся вдруг страхом, и когда с очередным самым сильным толчком я уже готова попросить его остановиться, он судорожно выдыхает и останавливается сам. Как-то весь обмякает, поставив чуть подрагивающие ладони по обе стороны от моих бедер.

Он кончил, не обязательно иметь много опыта, чтобы это понять.

Я почему-то жду, что он обнимет меня, поцелует, может быть скажет какую-нибудь глупость из разряда: "ты была супер", но вместо этого он молча выходит из меня. И... ничего. Совсем.

Я слышу, как он натягивает свои джинсы, оставив меня разбираться со своими будущими эмоциями самостоятельно.

Вот и все.

– Ты... ты сделал это в меня?

Вместо ответа он обходит стол и, открыв дверцу кухонного шкафа, швыряет в мусорное ведро использованный презерватив.#

Все-таки он позаботился о предохранении. Выдыхаю.

Я слышала, что шанс забеременеть после первого раза ничтожно мал, но он есть, а рожать в девятнадцать я точно не планирую.

Джоггеры вместе с бельем валяются на полу, опускаю взгляд – между бедер размазано немного крови, а футболка слишком короткая, чтобы как следует прикрыться. Но я все равно тяну ее вниз.

Смешно, только что мы занимались сексом, он видел меня голой, а я переживаю из-за непристойного вида.

Перевожу взгляд на Матвея – он стоит у окна и, открыв створку, закуривает. Слово и не произошло ничего. Словно не он только что лишил меня девственности. Абсолютно непроницаемое лицо, нечитаемый взгляд.

В глубине души мне обидно, ведь немного не так я представляла свой первый раз. Скорее, совсем не так. Антураж был явно другой, и мой первый мужчина целовал меня на шелковых простынях после, обнимал и говорил комплименты. А он... глыба льда проявила бы больше деликатности.

Он же не глупый, совсем нет. Он старше и опытнее. И неужели он не понимает, как сильно я сейчас нуждаюсь в банальных объятиях? Каких-то ласковых словах или хотя бы взгляде поддержки...

– Я в душ, – предупреждаю его, но в ответ получаю лишь взгляд искоса и едва заметный великодушный кивок.

– Все нормально, – шагая к ванной, утешаю саму себя. – Много ли я понимаю. Откуда мне знать, как именно ведут

себя мужчины после секса. Надо признать – все равно он был довольно осторожен, сдерживал себя, и я более чем уверена, что лучшего партнера для столь важной миссии было бы сложно найти. Не среди ровесников точно.

Я оправдываю его и прекрасно это осознаю. Намеренно ищу какие-то плюсы, потому что он нравится мне. Нравится сильно. И это странное чувство, какое-то взаимно-невзаимное. Он же приехал за мной, отыскал телефон и адрес, значит, я ему нужна, правильно?

Или все банально и он приехал просто чтобы цинично меня отыметь?

Это мало вяжется с действительностью. Если бы ему так был нужен секс, он воспользовался бы мной еще в прошлый раз и никакие мои страхи его бы не остановили. Как не остановили сегодня.

В чем тогда причина его такого подчеркнуто отчужденного поведения?

Тщательно моюсь, стараясь на максимум включить голову и выключить обиженку. Между ног чуть саднит, но эта приятная боль. Боль, которая наконец сделала меня взрослой. И я благодарна ему за это, какие бы мотивы он не преследовал. Хотя, конечно, хочется верить, что он тоже что-то чувствует ко мне.

Не хочу быть "девочкой на раз". Я хочу большего. Я хочу узнавать его, ходить на свидания, когда-нибудь познакомить со своими друзьями. А чего хочет он... Он слишком немно-

гословен, чтобы понять его истинные намерения. А понять их так отчаянно хочется...

Замотав вокруг груди полотенце, выхожу из ванной и заглядываю на кухню. Там валяется все так, как и прежде, но Матвея нет. Лишь запах сигарет свидетельствует о том, что он тут вообще был.

А если он ушел? – лезет в голову неприятная мысль. – Получил свое и свалил в закат. Пополнил список любовных побед. Сколько их таких...

Буквально все во мне противиться данной мысли. Нет, не хочу! Он не мог поступить так со мной! Не мог...

Не обнаружив его в гостиной, иду в спальню и так боюсь увидеть, что Матвея нет и там. Это будет означать только одно – он просто воспользовался мной. Но он там, лежит в полной темноте на кровати, как и в прошлый раз заложив руки за голову.

Робко захожу в комнату и не понимаю, что делать дальше. Я в растерянности, смущена и не знаю, как быть.

Точнее, знаю: я хочу обнять его, просто понежиться в сильных мужских руках. Послушать какую-нибудь банальную чушь, которая поможет мне отбросить все сомнения и страхи. Помурчать что-нибудь ему на ушко в ответ. Но это пустые мечты – у нас совсем не такие отношения, поэтому не лезу со своей навязанной лаской.

– Ты чего там стоишь? – переводит на меня взгляд из-под налитых тяжестью век.

– Просто стою...

– Иди сюда, – "разрешает" он, и я ложусь рядом, жмусь к нему, словно требуя защиты. И это такая долгожданная близость... Она даже приятнее близости в самом прямом ее понимании.

Как же мне хочется, чтобы он чувствовал хоть чуточку то же, что чувствую сейчас я...

– Тебе понравилось? – поднимаю на него взгляд и понимаю, какой же идиотский вопрос! Разве женщины спрашивают о подобном? Но мне так важно услышать ответ. – Я не бревно?

– Нет, ты не бревно, – и из его уст это звучит как самый лучший комплимент.

– А если бы ты не знал заранее, ты бы сразу понял, что я девственница?

– Конечно.

– И много у тебя нас было?

– Кого – вас? – в голосе слышится легкое раздражение.

– Ну, девственников.

– Были.

Уточнять сколько почему-то не хочется. Прижимаюсь к нему еще теснее и ощущаю себя форменной влюбленной дурочкой. То ли все девчонки такие после первого раза, то ли дело именно во мне – но мне ужасно хочется получить от него больше ответного тепла.

Он же может быть другим, я знаю. И он был другим!

Я стремительно увязаю в нем с головой. Не смотря на его загадочную и абсолютно непонятную холодность. А может быть именно она и служит тем самым губительным камнем на моей шее...

– Матвей... – шепчу, после продолжительной паузы.

– Что?

– А мы теперь с тобой... ну... типа пара?

Он молчит долю секунды, а потом произносит:

– Конечно.

И это такое "конечно", что непонятно, стебется он или говорит правду.

– Конечно, мы теперь пара. Иначе и быть не может, – вдруг дополняет он и, быстро чмокнув меня в плечо, поднимается.

– Ты куда? – резко сажусь, пугаясь, что он хочет уйти.

– В душ, – и, окинув меня продолжительным задумчивым взглядом, переступает порог. – Спи.

Глава 17

Он уходит, и почти сразу за стеной доносится шум воды.

Выбираюсь из кровати, шагаю на кухню и нахожу в темноте свой телефон. Вернувшись обратно в спальню, звоню Лике, с четкими указаниями, что если позвонит отец – я у тебя. Игнорируя миллион вопросов сбрасываю вызов и сама звоню отцу. Что-то плету о том, что у Лики, устала, сидим сплетничаем, останусь у нее... Не веришь, значит, звони ей... Прямо сейчас! И все это крайне обиженным тоном. В итоге отец бурчит что-то о том, что завтра Герман заберет меня от Лики ближе к обеду и кладет трубку.

Не смотря ни на что я хочу остаться здесь, с Матвеем, ведь это наша первая ночь. Первая в статусе любовников.

Любовники. Мой мужчина.

Смакую эти новые для себя слова, и улыбаюсь как дурочка глядя в потолок, на котором желтеет тусклый полукруг включенного ночника.

Все будет хорошо, я знаю. Будет...

Через несколько минут стихает шум воды, Матвей выходит из ванной и он... голый. На нем вообще ничего нет. Только в руках полотенце, которым он небрежно вытирает мокрые волосы.

Он прекрасно знает, что я бессовестно смотрю на то, что у него ниже пояса, но даже не пытается как-то прикрыться.

– Выключи свет, – швырнув махровую тряпку на комод, ложится на правую сторону кровати.

– Да, я помню, что ты любишь спать в темноте.

Щелкает выключатель и комната становится темно-серой.

Секунду, минуту, две...

Он что, так и будет спать обнимая подушку? А я?

Пододвигаюсь ближе и, закинув ногу на его бедро, осторожно веду ногтями по широкой спине. Кожа моментально покрывается мурашками, я чувствую их подушечками пальцев, но вида, что ему приятны мои прикосновения, он не проявляет.

Он лежит на животе не накрывшись простыней, поэтому я могу лицезреть идеального обнаженного мужчину. И это действительно очень красиво. Этот рельеф мышц на спине, литые бицепсы и упругие ягодицы...

Я никогда не видела настолько красивой мужской задницы.

– Ты уже спать? – шепчу, так и не дождавшись ответного внимания.

– Да.

– А я вот совсем не хочу.

Он молчит, а я чувствую острую потребность говорить с ним, обнимать, трогать, делиться впечатлениями. Может быть это гормоны или что-то еще, но почувствовать от него хоть что-то мне просто жизненно необходимо!

Почему он сейчас такой... холодный?

Глаза против воли наполняются слезами обиды.

– Я что-то сделала не так?

– С чего ты взяла?

– Ты молчишь.

– Я просто хочу спать.

Двигаюсь еще ближе и шепчу ему в самое ухо:

– Поцелуй меня.

Он поворачивает на меня голову, затем вынимает одну руку из-под подушки и кладет ладонь на мой затылок. Притягивает к себе и целует, ворочая языком так томно и сладко, что руки сами тянутся к узлу полотенца. Он это замечает и останавливает мою попытку обнажиться.

– Этого не надо.

– Но почему?

– Потому что тебе пока нельзя больше. Спи, – и, чмокнув меня в уголок губ, снова отворачивается.

Что это – откровенное динамо или своеобразная забота?

Как Матвей, которого я встретила на дороге – заботливый Матвей с хорошим чувством юмора – за такой короткий срок мог стать... таким. Что произошло?

Может быть у него что-то случилось? Что-то нехорошее, какие-то личные проблемы... То, чем он пока не может поделиться.

Я узнаю. И найду способ растопить его сердце. Заставлю открыться. Он полюбит меня!

Кладу голову на его плечо, обнимаю рукой мощную, пах-

нущую гелем для душа спину, и закрываю глаза. Твердо уверенная в том, что завтра меня ждет новый счастливый день.

Просыпаюсь я рано утром от странных голосов в прихожей. Их несколько – точно мужской и женский. Кажется, женских даже два.

Что за..!

– Матвей, кто это там? – поворачиваю голову на "его" половину, но она пуста.

Опять? Мы через это когда-то уже проходили и это вот совсем не смешно! Совсем!

А... может, это какие-то гости?

Вдруг это его мама и он вышел ее встретить? А я здесь лежу голая. Хороша подружка сына, нечего сказать. Черт!

Вскакиваю с постели и судорожно ищу свои вещи, потом вспоминаю, что штаны вместе с нижним бельем остались валяться на полу в кухне. Я же так их и не подняла, не до этого было.

– Матвей, да где же ты! Дьявол! – открываю шкаф, в надежде найти там хоть что-нибудь чтобы прикрыться, но кроме пары комплектов постельного белья больше ничего нет.

Где черт возьми вещи Матвея? Он же какое-то время жил здесь! Какая-то одежда должна же быть!

Голоса приближаются, и меня охватывает настоящая паника.

Снова подрываюсь к кровати, чтобы завернуться хотя бы

в простыню, но не успеваю – дверь распаивается и на меня в немом недоумении смотрят три пары глаз. Какая-то возрастная полная женщина в очках, и молодая пара за ее спиной.

Немая сцена длится долю секунды.

– А ты еще кто такая? – оживает тетка.

Хозяйка квартиры. Только собственница может так орать.

– Я... я тут была... с Матвеем, – заикаюсь, застигнутая врасплох.

– Каким еще Матвеем? Я не знаю таких! – наступает она, а я, приложив смятую простыню к груди, пачусь назад. – Кто. Ты. Такая!

Глава 18

Я не знаю его фамилии, даже не могу сказать конкретнее, кто это. Да я вообще ничего о нем не знаю!

– Он снимал же у вас квартиру. Матвей. Высокий, с темными волосами...

– Никакой Матвей ничего у меня не снимал! Как ты попала сюда, отвечай!

– Я же сказала – меня пригласили. Он пригласил! Я... я сейчас, – и, схватив телефон, боком проскальзываю мимо неожиданных гостей. Мчусь на кухню, поднимая свои вещи и выбегаю в прихожую. Простыня сползает и предательски открывает грудь. Мужчина сально ухмыляется, но, заметив хмурый взгляд своей, видимо, жены, стирает с лица похабную улыбку и становится нарочито серьезным.

– И куда это ты собралась? А ну стой, прошмандовка! Я сейчас полицию вызову, вдруг украла чего. Не вздумай удрать! – орет тетка, и я понимаю, что проблем не избежать. А значит выход остается только один...

Цепляю за задники свои кроссовки, просачиваюсь в приоткрытую входную дверь и лечу босиком по ступенькам на несколько пролетов вниз.

Женщина что-то кричит мне вслед, проклятия отражаются эхом от бетонных стен, но по пятам никто не бежит, что уже радует. Потом раздается нервный хлопок двери, и я, на-

конец, торможу возле мусоропровода на этаже с цифрой "3".

Дыхание выбивается из груди дергаными толчками. Мне и страшно, и обидно, но больше всего, конечно, стыдно. До безумия.

Тоже мне – дочь самого Стоцкого. Голая, с трусами в руках, стою на лестничной клетке непонятного дома на отшибе города. Кому рассказать – в жизни же не поверят.

Осмотрев поверхности на наличие камер и убедившись в их отсутствии, скидываю простыню и спешно натягиваю свои вещи. Заталкиваю тряпку пинком в угол за мусоропровод и мчусь вниз, проклиная Матвея всеми возможными словами.

Куда он опять делся? Это уже не смешно! Совсем не смешно! Придурок!

Выбравшись на улицу, достаю из кармана телефон и набираю номер, с которого он мне вчера звонил. Я мечтаю устроить ему разнос и выражения выбирать не буду! Но бездушный робот отвечает, что абонент недоступен.

Значит, даже вот так?!

Хочется рвать и метать, крушить все вокруг от злости. Ну я ему устрою! Правда, сначала нужно убратсья отсюда, а потом уже искать, куда он запропастился и устраивать разнос.

Пока вызываю такси, отец истерично ломится на вторую линию. И звонит до тех пор, пока у меня не кончается терпение. Не слушая, что он там несет, рявкая, что через час буду дома и вырубаю связь.

Домой приезжаю выжатая словно лимон и хочу только одного – принять душ и забыть утреннюю сцену словно кошмарный сон.

Позорище! Прекрасное утро после первого секса, мать его.

Но не смотря на то, что я злюсь на Матвея, как-никак специально или нет, но он снова меня бросил и оставил отдуваться одну, все равно как последняя идиотка немного волнуясь, куда же он все-таки исчез.

А вдруг что-то случилось? Кто-то позвонил, ему пришлось срочно уехать, а будить меня он не стал, планируя вернуться в скором времени. И о приходе хозяйки квартиры он тоже не знал.

Хочется верить, что так и было. Неужели он вот так просто взял бы и куда-то ушел не предупредив? Не после того, что между нами было! Не до такой же степени он конченный.

Ну не могла же я в нем так сильно ошибаться. Нет, не могла...

– Валерия! – раздается громогласное на лестнице.

Отец, одетый в строгий костюм, хмурясь спускается вниз. Неужели Лика спалилась и он понял, что я ночевала не у нее?

Судя по выражению лица – точно. Он все знает.

Сейчас начне-ется... Впрочем, хочешь одержать победу на войне – наступай первой. И сражайся по своим правилам.

– Я знаю, что ты скажешь, но слушать это не намерена, говорю сразу, – с разбега мчусь на абордаж. – Да, я не ночевала...

вала у Лики, я провела эту ночь с парнем! – он хочет что-то сказать, но я вытягиваю ладонь, призывая его помолчать: – Я взрослая, па, и вправе сама решать, с кем мне быть. В сотый раз повторяю – я не выйду за Глеба, мне нравится другой, – даже не смотря на то, что он форменный козел! Но вслух этого не добавляю. – Мы познакомились совсем недавно и, может, между нами пока все не так гладко, как бы мне того хотелось, но однозначно это не отношения на один раз.

– Что ты несешь? – ошарашенного рычит он. – Отношения? Ты в своем уме?

– Вот всегда ты так! Без суда и следствия, не разбираясь! – взвиваюсь. – Или это у тебя цель в жизни такая, делать все мне назло?

– У меня цель? – надвигается. – Это я делаю назло?

– Ты его совсем не знаешь, а уже против!

– А по-твоему я должен быть "за"? Ты серьезно это? – достаю из кармана телефон и, открыв папку с фотографиями, увеличиваю одну.

Видно плохо, какая-то голая телка с мужиком на кровати. Что за...

– Это что? – брезгливо киваю на экран. – Зачем ты показываешь мне эту гадость?

Вместо ответа он пихает телефон мне прямо в лицо.

Это не какая-то голая тетка и мужик – это я и Матвей. Я сладко сплю, а он, вытянув руку, делает селфи.

Абсолютное непонимание. Ступор. Шок.

– Откуда у тебя... – тон уже не такой уверенный, приходится приложить усилия, чтобы не дрожал голос, – ...это фото?

– Это он прислал мне. Сегодня утром.

– Кто прислал? Матвей?

Отец кивает и, усыпив телефон, кладет гаджет в карман. Я вижу, что самообладание ему тоже дается с великим трудом.

– Как ты с ним познакомилась?

– Он помог мне на дороге, когда я улетела в кювет... Просто ехал мимо...

– Он не просто ехал мимо, – отец снимает очки и устало надавливает подушечками пальцев на уголки глаз. Вся злость с него мигом слетает, он словно в момент стареет на десяток лет. – Ты действительно не знаешь, кто это?

– Да ничего я о нем не знаю! – просыпается отчаяние. – Только то, что его зовут Матвей. Даже фамилия его неизвестна!

– Его фамилия Варшавский.

Услышав это, от моего лица отливает кровь.

– Это же... не тот самый Варшавский, да? Это же какой-то другой?

– Тот самый. Он брат Алины, которая превратилась в овощ по вине нашего Максима. Две недели назад она умерла в частной клинике Израиля.#

Глава 19

– Ты точно не хочешь поужинать? С утра не ела ничего, – поучает за дверью отец, и я рада, что догадалась запереть ее на замок.

– Ты следил, что ли? – огрызаюсь.

– Не я, Антонина доложила.

– Стукачка, – бурчу под нос и говорю уже громче: – Я не хочу есть.

– Так нельзя.

– Отстань, па, пожалуйста.

Папа ворчит и наконец-то уходит.

Не хочу разговаривать с ним. Вообще не хочу говорить ни с кем. То, что вчера рассказал отец, в буквальном смысле выбило из-под ног почву.

Варшавский... Та самая фамилия, что день и ночь звучала в нашем доме пять лет назад. Я была совсем зеленым подростком и не вникала, кто это и что, но в глубине души сочувствовала этой Алине и ее бедным родителям.

Может, так нельзя говорить, но Максим был плохим человеком и разрушал все, что попадалось на его пути. Включая людей. Он крал у отца, влезал в баснословные долги, влипал в неприятные истории. Он же сбил с пути истинного Алину, которой на момент их знакомства было как и мне сейчас –

восемнадцать. А потом, будучи в полном неадеквате, повез на том злосчастном байке...

Я была совсем юной, но понимала, что виноват был именно Максим, но отец, дабы обелить нашу фамилию, сделал все, что в его силах, чтобы перевернуть ситуацию в свою сторону. Алина из жертвы слепой любви к плохому парню превратилась в конченую шаболду, и вообще на момент аварии за рулем байка внезапно оказалась она. Дело дошло до абсурда, но отец не жалел ни денег и времени, чтобы замять разгорающейся вокруг нашего имени скандал. Я слышала, что родители девчонки тоже не из бедных, но влияние и связи моей семьи были на порядок выше.

Я даже не знала, что у нее был брат. Может, и слышала когда-то краем уха, но столько прошло лет... А им оказался Матвей.

До сих пор не укладывается в голове. Немыслимо! Каким образом он оказался там же на дороге? Почему не сказал сразу кто он? И зачем был весь этот цирк с обычным нормальным парнем?

Ведь он совсем далеко не обычный. За эти годы бизнес его семьи стал на порядок выше и крепче, более того – сейчас Варшавские прямые конкуренты отца.

Само собой я об этом не знала, за все эти годы я ни разу не поинтересовалась, что там сейчас с ними происходит, и думать про них забыла, но как вышло, как минимум один член их семьи никогда не забывал про нас.

Отец допытывался, что именно "этот гад" мне сделал, а я даже не знала, что ему ответить. Он виноват, безусловно, но и я виновата не меньше. Виновата в собственной наивности и глупости.

Я САМА повелась на его обаяние, сама поехала с ним и сама же согласилась с ним переспать. Он не заставлял меня и не насиловал. Хотя мог! Он мог сделать это со мной еще в той гостинице, завести по пути в любой лес, взять меня, не церемонясь, в ту нашу первую ночь на кухне... Он мог сотворить со мной все, что угодно, но не сделал этого. Почему?

Он понравился мне, настолько сильно, что я полностью ему доверилась, а он воспользовался мной и предал. И именно этот факт причиняет самую большую боль.

"Ты же понимаешь, что теперь ты обязана разорвать с ним всяческие контакты? Их семья – наши враги, они ненавидят нас. Не удивлюсь, если их сынок выложит эти мерзкие фото или не дай бог снятое скрытно видео в сеть, чтобы в очередной раз искупать наше имя в грязи. Ты хоть понимаешь, во что именно ты влипла? Осознаешь?" – причитал вчера отец, для которого все случившееся стало прямым доказательством личной мести.

Я и сама понимаю – это похоже на вендетту, но верить в то, что Матвей настолько форменный подонок... Я же не сделала ему ничего плохого! Я тогда вообще была ребенком!

За что он так со мной?#

Миллион мыслей, одна хуже другой. Теперь стало ясно,

почему он ушел утром, почему был таким скрытным...

Само собой номер, с которого он звонил мне раньше больше не в сети, но сейчас есть и другие способы раскопать что-то о человеке.

Поисковик любезно выдал мне ссылки на его личные страницы... А говорил, что не выносит соцсети. Впрочем, как вышло, он о многом врал.

Фото не много, но все они с вечеринок, фешенебельных курортов, в обществе красивых девушек, и сам он такой... Вроде бы тот же самый Матвей – его лицо, прическа, фигура, но в то же время совершенно другой человек. Чужой и незнакомый: в дорогих тряпках, шикарных апартаментах и на люксовой машине. Майбах! Тот самый, что я видела возле торгового центра. Это был он тогда, мне не показалось!

Вспоминаю, что с ним в тот день была какая-то девушка-блондинка, и против своей воли испытываю чувство жгучей ревности. И злости. Злости на саму себя. За то, что повелась, что вела себя как круглая идиотка.

И за то, что вопреки всему по-прежнему думаю о нем...

Телефон неожиданно звонит, и я едва не роняю его из рук. Лица. Она как никто имеет свойство звонить "вовремя".

– Чем занимаешься?

– Да ничем. Торчу в соцсетях.

– Поднимай булki и собирайся.

– И куда это?

– Дернем в "H2O"!

– Ты же говорила, что там крутятся одни старперы.

– Иногда необходимо поменять локацию. Сходим, осмотримся, пофоткаемся. Давно не выкладывала новый контент. Закатываю глаза.

– Ты же только утром из спортзала сториз запилила.

– Ты будешь занудничать или собираться уже? Давай, хватит там уже тухнуть. Через час встретимся у клуба, успеешь?

Хочется отказаться, а с другой стороны... почему бы и нет? Да пошло оно все! Оторвемся, выпьем по коктейлю, потанцуем.

Я не буду думать о нем, хватит! Если он со мной так, значит, и я смогу выбросить его из головы. Смогу!

Через двадцать минут спускаюсь вниз, одетая в маленькое черное платье и короткую кожаную косуху. Беспроектный лук на все времена.

– И куда это ты на ночь глядя? – позади на лестнице показывается отец.

– Развеемся хочу.

– Сейчас почти одиннадцать.

– И что с того? Мне теперь на привязи сидеть? Ты сам говорил, что торчать в своей комнате не выход. Вот я и еду развлекаться.

Папа ставит стакан виски на широкие перила и спускается вслед за мной.

– Ты же понимаешь, что этот подонок может снова тебя выследить? И кто знает, что у него на уме.

– Я еду в клуб с Ликой. Там будет полно народа. Не параной.

– Тогда ты поедешь с Германом! И туда, – делает акцент, – и обратно.

– Хорошо. Спускай своего пса с цепи.

– Валерия!

– Типа это не так, – ворча под нос и не оборачиваясь иду к выход. – Я подожду его у ворот.

– Учти, если ты попробуешь от него сбежать – я посажу тебя дома. И если потребуется, да, будешь сидеть на привязи. Это понятно?

Плевать мне на этого Германа, цели убежать у меня действительно нет. Сегодня я еду с единственной целью – оторваться как следует.

– Понятно. Более чем.

Глава 20

"Н2О" модное тусовочное место, но мы с Ликой раньше его не посещали. Нам больше по душе "Аура" или "Фантом", все наши друзья тусуются именно там, там нас все знают и мы чувствуем себя звездами танцпола. Здесь же контингент старше и, по слухам, "развлечения" изощреннее.

На фейсе проблем привычно не возникает, и через пару минут мы уже внутри помещения, где из каждой щели долбят басы. Народу сегодня – яблоку негде упасть. Барная стойка обвешана людьми словно виноградная гроздь, хаотично расставленные "островки" с кожаными диванами по кругу тоже забиты до отказа.

– И как тебе здесь? – перекрикивая музыку, орет мне на ухо Лика.

– Обыкновенно, – осматриваюсь по сторонам. – Ты не резервировала стол?

– Думаю, в зоне-ВИП что-нибудь найдется. А впрочем, зачем? Дернем по коктейлю и на танцпол. У тебя интернет норм работает? – тычет кнопки, вводя замысловатый пароль. – Хочу проверить, где этот урод зависает.

– Ты про Дэна?

Дэн – типа ее парень, с которым они типа в отношениях. Судя по его поведению – очень свободных. Обычно Дэн где

удобно, но не рядом с Ликой. Вот и сегодня.

– Так и знала... скотина, – матерится, увеличивая движением пальцев изображение на экране. – Уже где-то оттягивается.

– Так мы тоже вроде как ради этого пришли.

– Точно. Да пошел он! – кидает телефон в сумку. – Стол пока поищи, ок? А я в туалет, – распоряжается она и спустя мгновение толпа поглощает подругу, будто ее и не было.

Расталкивая плечами народ, поднимаюсь по винтовой лестнице на второй этаж, где однозначно тише и не так многолюдно. В основном пары, небольшие компании. Люди, которые пришли вместе, чтобы провести время друг с другом, а не цеплять кого-то уже здесь.

То, что нужно.

– Могу я вам чем-то помочь? – материализуется словно из ниоткуда девушка в классическом белый верх – темный низ.

– Я с подругой. Нам нужен стол.

– Столов нет, простите. Могу предложить расположиться за барной стойкой.

Дергаю плечом и иду за администратором. Лично мне все равно, хотя Лика однозначно начнет кривить губы.

Бросив сумочку на черную мраморную столешницу, открываю обтянутое мягкой кожей меню напитков. Листаю плотные бежевые страницы.

Где-то слева что-то довольно шумно отмечает компания парней, а правее улавливаю краем глаза какую-то возню.

Девушка, с длинными черными волосами сидит верхом на коленях у парня и, обвив тонкими руками крепкую загорелую шею, самозабвенно трется упругой задницей о его пах. Со стороны они смотрятся пусть и пошлово, но так горячо, что я даже испытываю некое чувство зависти, смешанное со стыдом.

Пялиться так, как пялюсь я – беспардонно.

Кусая губы, отворачиваюсь, стараясь больше не смотреть в сторону парочки и когда приходит Лика благополучно о них забываю.

Я не стала рассказывать ей о том треше, что сама недавно узнала. Потому что до сих пор не понимаю, как на это реагировать.

Он использовал меня и это безумно обидно. Обидно до глубины души. Конечно, он с самого начала знал, кто я, он подстроил эту встречу и очевидно, что весь этот концерт был разыгран специально для меня. И это было бы даже лестно – столько движа вокруг моей персоны, не будь оно так паршиво.

Но самое отвратительное, гадкое и мерзкое – я не могу просто вычеркнуть его из головы и забыть, словно ничего не было. Пока не выходит.

Этот гад прочно засел у меня в голове и даже не думает убираться.

– А ничего тут, да? Миленко, – потягивая из трубочки дайкири, крутит головой Лика. – Правда, старперов действи-

тельно много.

Замечаю краем глаза, что парочка куда-то исчезла – стол пуст, как и содержимое их бокалов, один из которых измазан алой помадой.

Вспоминаю их поцелуй...

Теперь я знаю, что такое страсть, я испытала ее на своей шкуре к единственному мужчине – Матвею. Не смотря на то, что он не был нежен со мной и повел себя утром как последняя свинья, я действительно хотела его. И даже сейчас, вспоминая, что мы вытворяли на кухонном столе, ощущаю томительный комок где-то внизу живота.

А если такого больше не повторится ни к кому и никогда? Ведь раньше же не случалось ничего подобного. Вдруг он вообще единственный мужчина, кого я когда-либо буду хотеть?

Такое же бывает, что один и на всю жизнь?

Может, странно думать об этом в восемнадцать лет, но я думаю. Думаю, и раздражаюсь от собственных назойливых мыслей.

– Я на минуту, – подцепив сумку, иду в сторону указателя WC. Один парень из шумной компании что-то кричит мне вслед, но я не реагирую.

Бесят все. И всё. "Оторвалась", называется. Лучше бы дома осталась.

Коридор узкий как кишка и длинный, и освещают его лишь мерцающие звезды, встроенные в гладкий, как слой

льда, пол. Прохожу мимо задымленной курилки и мужского туалета, поворачиваю к женскому. Пять кабинок и все пусты, а хотя... дверь одной приоткрыта. Я вижу мужские ботинки и женские, обтянутые черными чулками, колени. Судя по приглушенным звукам нетрудно догадаться, чем именно они там занимаются.

Это та самая пара. Точно они. Лиц обоих я не видела, но уверена на сто процентов.

Жесть. Могли бы хоть закрыться. Или страсть настолько захлестнула?

Подхожу к раковине, включаю воду, бросаю случайный взгляд в зеркало... и вздрагиваю, потому что со всего маху, словно легковушка на краш-тесте, врезаюсь в взгляд Матвея.

Он стоит прислонившись спиной к стене кабинки и смотрит на меня через намеренно или нет приоткрытую дверь.

Это он! Варшавский!

Брюки вместе с трусами спущены до колен, обнажая крепкие накаченные бедра. Правая рука сжимает волосы на макушке девушки. Он направляет ее, вбивая в себя жестко, может, даже жестоко. А смотрит при этом только на меня.

Я и так молчала, но чувствую, что лишилась дара речи. Спроси у меня что-то сейчас – не смогу проронить и звука. Вода льется из крана, почти бесшумно стекая по алому кафелю раковины, я смотрю в его глаза через зеркало, не в силах отвести взгляд.

По логике вещей, я должна ненавидеть его в эту минуту.

Презирать, проклинать. Должна плюнуть в его наглую рожу за то, что он сделал. Никто еще меня так не унижал. Никогда.

Я должна испытывать это все, но этого нет. Лишь огромная, глубокая, всепоглощающая ревность. Обида. Боль.

Да, мне так неожиданно больно видеть, как рот какой-то шлюхи огуливает его член. Я и помыслить не могла, что способна на такие эмоции по отношению к этому человеку. Особенно после того, что он сделал.

Дома мне было по-всякому – грустно, тяжело, обидно, непонятно. Это были растрепанные эфемерные эмоции, без конкретного акцента. Но сейчас, видя это все собственными глазами, чувствую, как они наливаются солеными слезами. Бесконтрольно, совершенно неуправляемо.

Видимо, считав мои эмоции, Варшавский криво ухмыляется по-прежнему глядя на меня и, судя по захлебывающимся звукам возмущения снизу, в прямом смысле лишает своей животной грубостью девицу живительного кислорода. А потом он, стиснув зубы закрывает глаза, растворяясь в спазмах накатившего удовольствия.

Не помню, как добираюсь до стойки, не помню как цепляю свою куртку с высокого барного стула.

– Эй, ты куда? Лер! – возмущается Лика. – Что случилось?

– Я домой.

– Как? Уже?

– Да, уже.

Из-за угла выворачивает Матвей. Руки в карманах брюк,

на лице печать безмятежности. Словно действительно ходил отлить, а не отыметь свою подружку в рот.

Ее, кстати, рядом с ним нет.

– Да подожди ты! – тормозит меня Лика цепляясь на руку, лишая драгоценных секунд уйти не встречаясь с ним больше взглядами. – Что произошло у тебя там?

– Ничего. Ничего не произошло. Я просто хочу уйти.

Но поздно – он уже стоит рядом. Я ощущаю знакомый аромат одеколона, чувствую его энергетику рядом с собой.

Она его и в то же время словно совсем другого человека. Более наглого. Злого. Бездушного.

Актер паршивый. Сволочь. А тело все равно предательски отзывается на его такое близкое присутствие.

– Виски. Два, – бросает бармену он и медленно поворачивает на меня голову. В уголках его губ осталась алая помада туалетной шлюхи, а в глазах – печать тотальной безнаказанности.

Он не имел права так поступать со мной. Ненавижу! Но в груди по-прежнему жжет от уродства и в то же время странного эротизма подсмотренной недавно картины.

Он смотрит на меня и молчит. Я молчу тоже, надеясь, что мое отношение к нему явственно читается во взгляде.

Конечно, он знает, что я уже в курсе всего. И ни один мускул не дергается на его лице, которое кардинально преобразилось со дня нашей первой встречи. Лицо холеного самовлюбленного ублюдка.

С чего я вообще решила, что он нормальный парень?

Как ему удалось так филигранно обвести меня вокруг пальца своей паршивой игрой?

– Слушай, этот красавчик так на тебя пялится. У меня бы уже в трусах от такого его взгляда было мокро, – шепчет мне на ухо Лика, от внимания которой не ушел наш визуальный баттл.

– Я домой, – произношу, с достоинством выдержав пытку его глазами. – Ты как хочешь.

И действительно ухожу, не оборачиваясь. Лика с неохотой следует за мной.

– Кто это был? – цепляет меня под руку, двигаясь к выходу. – Ты его знаешь?

– Да, – не сбавляю шаг.

– И кто это?

– Матвей.

– Какой Матвей? Подожди... тот самый, с которым ты трахалась?

– Он самый.

– Окуеть, – оборачивается, словно тот, о ком было брошено это веское слово, следует за нами. – Он же огонь. Просто огнище! Почему ты ушла?

– Потому что между нами все кончено.#####

Окончательно и бесповоротно.

#####

Дома я реву. Вот просто лежу и реву навзрыд. Как же мне

обидно! За что он так? Почему?

Это грехи Макса, не мои, так почему он решил отыграться на мне? Что я ему сделала? В чем моя вина? Только в том, что я младшая сестра парня, который покалечил его сестру?

Насколько же нужно быть хладнокровным и мстительным. И ничем ведь не выдал себя. Но унижал раз за разом. Раз за разом! Одни фотографии присланные отцу чего стоят, и уже за одно это я должна возненавидеть его до конца дней. Но не получается ничего с глубинной ненавистью, только дикая обида. Невероятная.

Я злюсь на себя за такие эмоции, рыдать из-за этого ничтожества – себя не уважать. Слабая. Тупая. Беспомощная.

Хватит уже!

Открываю свою страницу, на которую забила с прошлых выходных и выкладываю фотографию с выставленным средним пальцем. А ниже пишу тупую цитату подсмотренную в одном из пабликов ВК.

Пусть катится к чертям. Переживу.

Я не позволю ему себя сломать.

Глава 21

Утром еду в спортзал и три часа впахиваю как проклятая. Сначала дорожка, велотренажер, а потом груша, на которой вымещаю всю накопившуюся ярость.

За ночь я не остыла, нет. Не помогли ни уговоры самой себя, ни проклятия в его сторону.

Кажется, что эта встреча в клубе только обострила все мои чувства, выкрутила рычаг на максимум. И злость, и обиду, и...

Это не любовь, нет. Он просто сильно меня задел. Как никто и никогда до него. Унизил. Заставил почувствовать себя дешевкой. Не единственный мужчина на земле, переживу. И секс у меня будет в сто раз круче, чем с ним.

Мне только восемнадцать, все будет!

– Лер, ты чего, плачешь, что ли?

Влад, мой бессменный тренер, с подозрением заглядывает мне в лицо.

– Еще чего. Это трудовой пот, – прекращаю молотить грушу и, смахнув резким движением плеча со щеки влагу, сбрасываю перчатки.

Несколько глотков воды приводят немного в чувства. Я должна выбросить его из головы! Он – враг, и это доказал. Гадким, мерзким, конченным способом.

– Еще пару заходов? – протягивает мне белоснежное полотенце.

– На сегодня я пас, – промакиваю лоб, шею, ложбинку груди. – До завтра.

Закинув полотенце на плечо, иду в душ. Там долго стою под упругими струями, ощущая, как болит каждая косточка, каждая мышца. Но самое гадкое – болит душа.

И как только я умудрилась вляпаться в него настолько сильно и за такой короткий срок? Где были мои глаза? Мозг? Ведь сразу было понятно, что он игрок. Очевидно с первой секунды.

Какая же я идиотка.

Расчесав влажные волосы, вешаю на плечо увесистую сумку и выхожу из спортклуба. Время уже перевалило за полдень, солнечный диск висит высоко, подпаливая макушки прохожим.

Само собой отец навязал мне Германа – черный Мерседес стоит за воротами, и я, погруженная в безрадостные мысли, с неохотой шагаю к парковке.

Бежевый Майбах вырывается словно из ниоткуда. Кажется, что он движется прямо на меня, и я как та лисица на дороге – застываю, широко раскрыв глаза, ноги словно прирастают к поджаренному на жаре асфальту. Лишь в последнюю секунду автомобиль делает резкий юз и, оставляя на дороге черный след навороченных шин, тормозит четко напротив меня.

Все происходит за какие-то доли секунд и я даже не успеваю толком испугаться. И не сразу понимаю, *кто* передо мной.

– Ну, привет.

Матвей, в темных очках и белой футболке сидит на рулем, в салоне играет легкая музыка. И какого бы я не была о нем мнения, что бы не думала, не могу не отметить, что сукин сын до безобразия хорош собой.

– Ты чуть не сбил меня, придурок, – поправляю на плече сумку и пытаюсь обойти капот, но он давит на газ и продвигается вперед на полметра, блокируя тонированной машиной путь. – Дай пройти.

– Не соскучилась?

– Да пошел ты.

Он широко улыбается, очевидно довольный всем происходящим. Довольный собой.

– Садись. Прокатимся, поговорим.

– Нам не о чем разговаривать, – делаю шаг и слышу угрожающий рык мотора.

– Не о чем? Серьезно? А мне так не кажется.

– После всего, что ты сделал? Твой поступок был мерзок. Как и ты сам. Ты мне противен.

– Не п*зди, – снова расслабленно улыбается. – Садись, говорю.

Он ведь не отстанет. Лучше решить все прямо сейчас, – уговариваю я себя, все-таки забираясь в прохладный салон.

В глубине души я понимаю, что сильная и гордая девушка должна показать ему фак и уйти. Но я очень хочу получить честные ответы. Глядя ему в глаза.

– Куда поедem? – поворачивает на меня голову. – Выбери-рай.

– У нас не свидание, – стараюсь отвечать как можно резче.
– Говорить можно где угодно, даже тут.

– Боюсь, твоей охране это не понравится.

– Это не моя охрана. Это водитель.

– Странно, что твой папочка не позаботился.

– А надо было?

– Ну, вокруг полно ублюдков.

– И ты главный среди них.

Он смеется, запрокинув голову назад. Ему весело!

Ногти впиваются в кожу ладоней. И вот именно сейчас она начинает цвести буйным цветом – ненависть. Жгучая, острая, невероятно мощная.

Растоптал меня и смеется!

– Тут недалеко ей хороший ресторан, – заводит мотор. – Можем поехать туда. С меня ответка за ту шаурму.

– Я не собираюсь ходить с тобой по ресторанам.

Он ухмыляется и резко покидает территорию клуба. Я не знаю, видел ли нас Герман. Судя по тому, что Мерседес стоит на месте – нет. И это радует, значит, никто не будет стоять над душой и капать назойливыми звонками на нервы.

Я не боюсь его, Матвея, мне не страшно, что он сделает

мне что-то плохое, потому что самое плохое он уже мне сделал.

Едем мы совсем недолго, молча и тормозим у ворот закрытого жилого комплекса.

Я знаю это место – дорогие резиденции с шикарным видом на город, собственный теннисный корт на территории и прочие блага, указывающие на статус жильца.

– Где мы? – задаю вопрос, хотя предполагаю.

– Я здесь живу.

– Я думала, ты живешь в другом месте. В двухкомнатной квартире с фотографией "мамочки" на стене.

Он снова ухмыляется.

– Ну не мог же я привезти тебя сюда сразу и выложить все козыри на стол. Не хочешь посмотреть, как я живу на самом деле?

– Нет.

– Боишься? – прямой взгляд прожигает насквозь – темные очки он снял. – Если боишься – о'кей.

– Я не боюсь тебя! – цежу сквозь зубы. – Мне на тебя наплевать.

– Значит, никаких проблем? Хочу переодеться.

Отворачиваюсь, показывая, что в его руках полный карт-бланш. Я действительно его не боюсь.

Машина заезжает в ворота и, проехав пару салонов и ресторан, плавно спускается в одну из подземных парковок. Там мы выходим, прямо из парковки погружаемся в лифт,

в окружении зеркал и точечной подсветки бесшумно взмываем вверх.

Вот здесь он – в окружении статусной роскоши – на своем месте. Это все – ЕГО настоящая жизнь. Как можно было быть настолько слепой, чтобы сразу не заметить? Недорогая тачка, непонятная квартира и холеный Матвей... смешно.

– Хорошее настроение? – спрашивает он, прислонившись плечом к зеркальной стене. Он смотрит на меня нагло и откровенно. Карты раскрыты и нам больше нечего скрывать друг от друга. – Чему улыбаешься?

– Тому, как сильно я не разбираюсь в людях.

– Просто ты еще маленькая, не доросла.

– А ты ублюдок. И я тебя ненавижу.

– Тогда зачем ты здесь?

– Потому что мне нужны ответы, – толкнув его плечом, первой выхожу из плавно разъехавшихся в разные стороны дверей лифта. – И сегодня я их получу.

Глава 22

Попадаем мы сразу в квартиру. Никаких тебе коридоров, лестничных площадок, посторонних глаз. Абсолютный комфорт, полная анонимность и безопасность.

Мне это знакомо, но здесь, среди ультрамодной обстановке в стиле скандинавский лофт, преимущественно черных тонов, я не чувствую себя как дома. *Рядом с ним* я чувствую. Но ни за что не покажу вида.

Имитируя расслабленность, опускаюсь на массивное кожаное кресло. Ног касается что-то мягкое – огромный серый кот, чистокровный мейн-кун, с безразличной миной проходит мимо, словно не замечая "небольшого недоразумения" в виде моих ступней.

Роскошный. Как и все, что окружает его хозяина.

– Как его зовут?

– Похуист, – бросает Матвей, попутно стягивая футболку. Кошак, услышав свое имя, резко поворачивает голову. Его действительно так зовут. Дурдом. – Я на минуту в душ. Не против?

Дергаю плечом, стараясь игнорировать его идеальный пресс. Не вспоминать его упругость и градус кожи.

Он волнует меня, и за это я ненавижу его еще больше.

Квартира – большая студия, и душевая находится чуть левее. Не прикрытая ничем, кроме абсолютно прозрачной сте-

ны.

Логово холостяка. Человека, которому не от кого прятаться.

– Можешь сварить себе кофе. Или загляни в бар, там должно быть что-то из арсенала бабской дряни.

– Спасибо, я ничего не хочу.

– Дело твое, – и скрывается за прозрачной дверью.

Я вижу, как он снимает джинсы, а затем белые боксеры. Небрежно бросает тряпки на корзину для белья, включает напор воды. Струи широкой тропической лейки бьют по его макушке и загорелым плечам, стекают по рельефной спине и ниже, по подтянутой и крепкой как орех заднице.

Я смотрю на действо напротив и злюсь на себя за то, что, вцепившись пальцами в подлокотники, не могу отвести взгляд. Просто не могу! Его тело завораживает меня, завораживает его раскрепощенность и даже его наглость. Меня завораживает ОН, и это нервирует.

Что я здесь делаю? Почему согласилась сесть в его машину? Приехать в его дом?

Зачем?

Ах, да, пресловутые ответы. Как удобно прятаться за этим оправданием.

Стенки быстро покрываются пленкой пара и теперь я вижу только смазанный силуэт. И даже не смотря на то, что толком ничего не видно, все равно не отвожу взгляд и отвлекаюсь только на звонок телефона. Ну как отвлекаюсь – чуть-

чуть смещаю градус внимания.

– Да, Герман, – произношу, наблюдая, как Матвей за покрытой паром стенкой тянется за большим черным полотенцем. – Я пока в зале, да. Хочу еще поплавать. Можешь ехать домой, я пробуду здесь еще пару часов... Ну, как хочешь.

Обрываю связь и зачем-то отключаю звук. Снова прячу телефон в карман, и резко отворачиваюсь, когда Матвей открывает дверь своего душа для извращенцев.

Выходит он абсолютно голый, подсушивая волосы полотенцем.

– Ты всегда ходишь раздетым когда у тебя гости?

– Это мой дом. И я хожу здесь так, как считаю нужным. Ты не сварила кофе?

– Я не хочу.

– Так я хочу.

– Вот и обслуживай себя сам.

– Обычно меня обслуживают другие, – произносит он, явно намекая на тот случай в кабинке туалета.

Улавливаю краем глаза, что он наматывает полотенце вокруг талии. И только после этого возвращаю ему свое внимание.

– Как ты узнал, куда я еду в тот день? – сразу же перехожу к сути. Быстрее узнаю, быстрее уйду отсюда.

– Так ты сама все выложила, – заходит за стойку из серого камня, открывает бар. – Ты же все пицнешь в своем тупом блоге. Где была, с кем. Как там было... – закатывает глаза,

сисясь вспомнить. – "Едем выпить кофе во "Время Ч" с моей Ли". Я просто пристроился позади твоей машины. Проще простого.

– И зачем был нужен весь этот маскарад с "простым" парнем? Для чего?

– Ну во-первых, так было проще. Преследовать кого-то на Майбахе и оставаться незамеченным проблематично, как ты понимаешь, – открывает квадратную бутылку и разливает содержимое по стаканам. Не смотря на то, что я отказалась, он все равно наливает два. – А во-вторых, ты же сама просила лоха "из народа".

– Я просила? – округляю глаза. – Когда это?

– "Как же хочется познакомиться с парнем. Просто парнем, нормальным, без понтов...", – цитирует он строки из моего же поста, и из его уст они кажутся тупым высером прыщавой малолетки. Никогда еще желание удалить страницу не было настолько острым. – Ну хотела "просто парня" – получи, – ставит передо мной стакан, но я к нему даже не притрагиваюсь.

Матвей садится на кресло напротив и, позвякивая льдинками, делает большой глоток.

Он выглядит спокойным и расслабленным, Хозяином положения. Чего не скажешь обо мне.

– Зачем? – голос предательски срывается, а ногти впиваются в кожу дивана.

– Что – зачем?

– Зачем это все вообще было нужно делать? Для чего?

– А ты не догадываешься?

– Я предполагаю – дело в моем брате и твоей сестре. Но я – не мой брат! Почему ты решил отыгаться на мне? И почему именно теперь? Я так понимаю, ты давно за мной следил.

– Да нахер ты мне нужна, давно за тобой следить, – грубо отрезает он. – Я заинтересовался тобой только после смерти сестры. Тогда. Кстати, знаешь, как именно она умерла?

– Нет...

– Ты же знаешь, что она стала инвалидом после той аварии?

– Знаю... – почти шепотом.

– А то, что она была беременна тогда, в курсе?

Вскидываю на него полный удивления взгляд. Нет, я не знала. В моем доме никогда это не обсуждали.

Не знали или не хотели знать?

– Выходит, у меня есть племянник или племянница? – и только обличив данную мысль в слова, понимаю, какую же сморозила чушь.

– Пропущу данный сарказм мимо ушей, – на высеченным из камня лице напряженно играют желваки.

– Прости, я сказала не подумав. Это не было сарказмом. Прости.

– После аварии ей вырезали там все к херам собачьим. Даже если бы она восстановилась, то детей больше никогда не смогла бы иметь, – залпом допивает виски и через вели-

кую силу – это видно, снова берет себя в руки. – Так вот, она пять лет лежала там, в четырех стенах израильской клиники. Сломленная, бездетная, недвижимая. Роскошная палата стала для нее тюрьмой. Каждый гребаный день был для нее мучением. Каждый! И знаешь, что самое во всем этом дикое? Она оплакивала его, день за днем. Твоего брата. Даже больше, чем свое похеренное будущее и неродившегося ребенка.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – в глазах стоят слезы.

Но он меня словно не слышит.

– И она нашла выход. Просто перестала пить свои препараты...

Глубоко вздохнув, отворачивается к окну.

– И в тот день, когда на крышку ее гроба упала последняя горстка земли, я вдруг вспомнил о тебе. Что у этого паршивого ублюдка была маленькая славная сестричка.

Переводит на меня холодный взгляд и внутренности скрывает коркой льда.

– Найти тебя не составило никакого труда. И что я увидел? Малолетняя пигалица за пять лет стала совершеннолетней, отрастила сиськи и рассказывает в своем блоге как ох*енно она живет. Отдыхает в Монако, шопится в бутиках Милана, ебется с кем попало.

– Матвей...

– Нет, прямо ты не писала этого, конечно, но постоянно намекала, – перебивает он. – И я подумал: выходит, пока моя сестра испытывала невероятные душевные и телесные муки,

его сестра брала от жизни все? Не облитая несправедливо помоями, здоровая и счастливая. Несправедливо, тебе не кажется?

Я молчу, ощущая, что под кожей лица не осталось ни капли крови.

– Я решил взглянуть на тебя, так, интереса ради. Поехал в ресторан, в котором вы с твоей подружкой пьете кофе с зефирками маршмеллоу и делаете селфи для своих тупых блогов. Сел подальше, чтобы оставаться незамеченным, посмотрел на тебя и...

– И?..

– И решил, что вы*бу тебя.

Словно между прочим роняет он, а потом поднимается и уходит обратно к бару.

Я предполагала, что все примерно так и было, что он нашел меня, решил отомстить и прочее, но одно дело думать об этом, и совсем другое – услышать.

Шок.

Самый настоящий шок.

Я не боюсь его, но сейчас не чувствую себя в его доме защищенной.

Хочется уйти, невыносимо, но я продолжаю сидеть словно приклеенная к креслу.

– Ну и в общем, я решил к тебе подкатить, – продолжает он, снова откупоривая ту же бутылку. Игнорируя лед, наливают порцию больше прежней. Возвращается. Широко рас-

ставив в сторону колени садится на прежнее место. – И подкатить как ты и хотела – прикинуться шлангом, чтоб по заказу "без этого всего". Взял тачку водилы отца, надел какое-то говно. Поехал за тобой, думал разыграть какую-нибудь сцену у кафе, чтобы "случайно познакомиться", но ты вдруг повернула в совершенно другую сторону. Стало интересно, что же ты задумала, последовал за тобой. Ну, а дальше ты знаешь, – делает глоток. – Чистая импровизация.

Хоть я и не собиралась этого делать, но все-таки беру стакан с подтаявшими уже льдинками.

Выпитое проваливается в желудок тяжелым кипящим камнем. Шумно выдыхаю, разгоняя алкогольные пары, и ставлю опустевший стакан на место.

– И почему же ты все-таки не... – теряюсь, не понимая, как продолжить вопрос.

– Почему не – что? Не вы*б тебя в первый же день? Там, в сраном мотеле?

– Да.

– Потому что решил, что это как-то скучно. Ну трахну я малолетнюю шлюху и? Дальше-то что? Одним больше, одним меньше, даже в башке ничего не отложится. Насиловать я тебя не собирался. Хотя мог, конечно. Мог отыметь так, что ходить бы не смогла, но видишь ли, я люблю, чтобы телка стонала подо мной от кайфа, а не потому что ей больно.

А вот теперь к щекам приливает жар. То ли от его слов, то ли от выпитого, то ли от всего вместе.

Он замечает это и едва заметно ухмыляется.

– Короче, я подумал, что будет интереснее и, главное, справедливее, если ты в меня сначала влюбишься, затем я тебя вы*бу, а уже потом брошу. Беременной или нет, я тогда еще не решил.

Округляю глаза от шока.

– Ты такой ублюдок... боже. Какой ты ублюдок...

– А что не так? – хмурится он, слово на самом деле не понимая, что именно меня возмутило. – Твой брат так и сделал. Скажи спасибо, что в мои планы не входило посадить тебя на гер. Этого говна не желаю даже врагам. Так что видишь, не такой уж я и безнадежный.

– Да причем здесь мой брат и я?! – неожиданно для самой себя повышаю тон. – Это был его грех, не мой! Я ни в чем не виновата! Ни в чем!

– Ну ты же сама уже сказала – я конченный ублюдок, – и от холода его взгляда по коже бежит мороз. – Ты не ошиблась.

Глава 23

Сказанное им настолько ужасно, что просто не укладывается в голове.

Разве может человек быть настолько циничным? Безжалостным. Злым.

Может. Этот человек сейчас передо мной. Человек, которому я поверила. К которому прониклась и который обошёлся со мной так неоправданно жестоко...

Заметив застывшую печать омерзения в моих глазах, Варшавский, словно в оправдание (хотя таким как он оно не нужно), разводит в сторону руки:

– Мне казалось, что только так мне станет хоть немного легче.

– И? – соленые слезы жгут веки. – Стало?

– Ты знаешь, нет, – и его ответ звучит ошеломляюще искренне. – Потому что ты оказалась не той, какой я тебя считал. Никакая ты не сука, Лера. И пиздливый блог твой полное фуфло. Прикинь, как я охерел, когда понял, что ты еще целка? Я думал, что ты прожженная малолетняя давалка, и тут привет – покраснела при виде члена.

– Поэтому ты не тронул меня на той квартире? Пожалел неопытную девственницу?

– Пожалел? У меня отсутствует ген жалости. Исчез в тот день, когда сестра стала калеккой. Я просто – стремно сказать

– потерялся. Все пошло не так. Все не то. Это ну как... как когда ты ждешь на новый год щенка, а тебе дарят в большой яркой коробке очередной свитер. Облом. И хер знает, что с ним делать. Ведь мысленно ты уже выгуливал своего пса.

Он замолкает, и я молчу тоже. Выпитое наравне с вдрут появившейся откуда ни возьмись яростью требует выхода и разгоняет кровь, но буквы почему-то никак не хотят складываться в слова.

– Короче, – нарушает он тишину первый, – я тогда просто слился.

– Разочаровала я тебя, да? – давлю злую улыбку.

– Удивила, – произносит он и смотрит на меня. Мучительно долго. На мои губы, грудь без лифчика под футболкой, на торчащие голые колени. – Короче, я скинул координаты твоему отцу, чтобы он забрал тебя. А мне нужно было подумать.

– И зачем ты снова потом ко мне приехал, раз сам послал? Зачем позвонил в тот вечер и повез к себе? Кстати, чья это была квартира? Очевидно, что не твоя.

– Матери одной знакомой. Когда я предложил отвезти тебя к себе после мотеля, у меня не было четкого плана, куда везти именно. Придумал уже по пути. Написал подруге, она передала мне ключи на заправке. Ты спала и все пропустила тогда. Удачно сложилось.

– Да уж, удачнее не придумаешь, – а сама против воли размышляю, что за подруга. Насколько они близки... – Так зачем ты снова появился? Ты не ответил.

– Я думал о тебе все эти дни. Бесило, блять, дико. Ты же сестра ублюдка. Посылал тебя мысленно нахер, а все равно думал.

Он говорит это, и я чувствую, как предательски разгоняется кровь и мчится одним мощным потоком куда-то в область сердца. Он не сказал ничего хорошего, но слова достигли своей цели. Правда, вида я не продаю.

– И о чем думал именно?

– О том, что все-таки хочу тебя трахнуть. Казалось, что после этого отпустит.

– И? Отпустило?

– Нет, – его честность в прямом смысле сбивает с ног. – Тут появилась новая проблема – мне понравилось. Настолько, что я решил, что больше никогда не буду этого делать, чтобы не подсесть. Я специально ушел тем утром и больше не собирался с тобой пересекаться.

Его признание стало для меня открытием. Выходит, он тоже все время помнил обо мне?

Да, это не должно меня сейчас никак волновать, я понимаю! Понимаю прекрасно, но от его слов становится намного легче.

Я не одна. Он испытывает тоже самое. Значит, по иронии судьбы он понимает меня больше чем кто бы то ни было.

– Знаешь, кого я представлял, когда та телка отсасывала мне в клубе? – спрашивает он, чуть склонив голову набок. Изучая меня невероятно откровенным взглядом.

Цепляюсь за пустой стакан, как будто он может стать для меня точкой опоры. И молчу.

– Я до сих пор думаю о тебе. Меня это по-прежнему бесит, но это правда.

– И что ты предлагаешь? – сердце колотится с утроенной скоростью.

– Не знаю... – и голос приобретает опасные ноты. – Думаю, может, снова тебя вы*бать? Пожестче только. Так, как имею шлюх. Ты же не против?

– Да пошел ты! – разъяренно подскакиваю с места, хватаю свою сумку и, не разбирая дорогом, мчусь на выход. – Да ты смеешь вообще заикаться об этом, после всего... Сволочь. Ублюдок! Ненавижу тебя! Открой эту чертову дверь! – бью носком кроссовка по полотну. – Немедленно! Я сейчас Герману позвоню! – достаю трясущейся рукой из кармана телефон, но Матвей взмахом ладони выбивает его у меня из рук, и придавливает мощью своего тела к стене.

Аромат чистой мужской кожи, вспыхнувшего желания и адреналина сводит с ума. Тяжело дышу, глядя в сумасшедшие глаза напротив.

– Только попробуй тронуть меня, скотина. Только попробуй.

– Тебе же понравилось в прошлый раз. Понравилось же? – и, бесцеремонно засунув руку в мои трусики, запускает внутрь два пальца. – Понра-а-авилось, – тянет, наслаждаясь.

Судорожно всхлипываю и, прислонившись затылком к

стене, закрываю мокрые от слез глаза. Да, мне понравилось! И нравится сейчас. Мне очень, очень хорошо. И противно одновременно от того, что происходит.

Это мерзко. Это грязно. Унизительно. Но страсть сильнее. Она затмевает разум и мешает мыслить трезво. Сейчас я хочу одного – снова ощутить его в себе. В самый последний раз.

Потом я буду проклинать и его и себя. Презирать. Ненавидеть. Но потом. Все это будет потом...

Он наклоняется, целует меня в губы, и я ощущаю в его дыхании судорожный выдох. словно он дорвался до того, что давно желал.

Повернув меня к себе спиной, припечатывает щекой к стене. Быстро, резко, не церемонясь, стягивает шорты вместе с бельем и в следующее мгновение врывается в меня с агрессивно-звериной силой.

Становится больно – я вскрикиваю, и в попытке противостоять напору пытаюсь его отпихнуть, но он, не обращая внимания на протесты, с упоением продолжает то, что начал, и делает это так мучительно приятно, что место боли занимает неожиданное наслаждение. Ноги, начиная от бедер и опускаясь ниже, до лодыжек, становятся ватными. По телу проходит незнакомая ранее электрическая волна. С каждым его толчком она становится все мощнее, стремительно набирая сокрушающие обороты. Я уже не подчиняюсь себе, хочется кричать. И я кричу, но теперь от того, что мне хоро-

шо. Так невероятно хорошо, что я готова отдать свою жизнь, чтобы оттянуть как можно дольше этот фантастический момент экстаза.

– Да ты кончила, – шепчет он на ухо и, зажав мне рукой рот, начинает двигаться еще быстрее. – Как же сладко ты это сделала...

С последним, самым мощным толчком, резко вытаскивает из меня член и ту же секунду поясницу заливают горячая жидкость.

– Бля-а-ать, – тянет он, придавливая меня тяжестью своего тела.

Чувствую лопатками с какой бешеной скоростью колотится его сердце. Ощущаю сбивчивое дыхание на влажной коже шеи.

Я уверена, что сейчас он отстранится и уйдет, но он делает совсем неожиданное – обнимает меня. Так нежно и даже бережно, что почему-то вдруг накатывают слезы.

– Просто пи*дец, – снова выражается он, и я не понимаю, что именно это означает. Что он вкладывает в это емкое слово.

Убрав растрепавшиеся волосы с моего плеча, оставляет дорожку мелких поцелуев от мочки уха до ключицы, вызывая тем самым волну мурашек. Он целует как мужчина, который... влюблен?

Или мне просто хочется так думать?

Сейчас, когда все закончилось, и помутнение плавно схо-

дит на нет, становится стыдно за то, что произошло.

Я корю себя за проявление слабости, за то, что не смогла сказать "нет", не боролась с ним. Позволила то, чего он так хотел.

Он просто взял меня, грубо и цинично. И я ничего не смогла с этим сделать. Ничего...

Кажется, осознание приходит не только ко мне: покончив с ласками он отстраняется и поднимает с пола сброшенное полотенце, сверкая голой задницей идет к барной стойке.

– Помойся. Где душ, ты уже видела, – бросает, не оборачиваясь.

Он снова холодный и как будто бы даже злой, хотя всего минуту назад в его неожиданном поцелуе сквозила такая не присущая ему нежность...

Вот она, его сущность. Расчетливого и бесчувственного подонка, которого волнует только собственное "хочу" и непомерно раздутое эго.

Хочется плюнуть ему в рожу и уйти как есть, но я действительно грязная, не могу выйти на улицу так. Хочется немедленно смыть следы собственной слабости и позора. И забыть все. Забыть, как пугающий своей извращенной прелестью сон.

Забираю валяющиеся под ногами вещи и скрываюсь за прозрачной стеной душевой. Стыдно, что он будет смотреть – а он будет! – но он уже видел меня голой, ни к чему строить из себя запоздалую невинность.

Снимаю короткий топик, с запястья резинку и завязываю волосы в высокий хвост. Встаю под практически холодные струи воды. Вместе с водой в водосток утекают слезы – бессилия, злости. Смертельной обиды. И жалости к себе.

Что со мной не так? Почему он ведет себя со мной, словно я его вещь?

Почему именно он, а не кто-то другой? Человек, для которого я ничего не значу. Который презирает меня. Враг.

Почему?

Почему!

Почему, черт!

Выключаю воду и беру с полки чистое черное полотенце. Потом, отвернувшись спиной, быстро одеваюсь и выхожу из душа.

Нет, он не смотрел на меня все это время. Или не смотрит именно сейчас – он стоит на балконе, тоже с совершенно прозрачными стенками и курит, глядя на высотки напротив.

Не оборачивается он даже тогда, когда раскрываются двери лифта. Когда закрываются, отсекая меня от всего, что здесь произошло.

Прислоняюсь лбом к холодному зеркалу просторной кабинки и смахиваю злые слезы.

Ненавижу его! Ненавижу и, кажется, люблю.

Я полюбила врага и абсолютно не понимаю, как вырваться из плена этой больной зависимости.

Глава 24

– Что с тобой сегодня? Ты не заболела? – спрашивает отец, отпивая из чашки любимый двойной эспрессо.

Уныло топлю ложечкой в какао зефир, и чувствую, что если сделаю хоть глоток – меня тут же стошнит.

– Все в порядке.

– Ты какая-то бледная.

– Я отказалась от загара. Он вреден.

– Не ерничай. Я действительно за тебя волнуюсь.

И что мне ему сказать?

Правду?

Что вот уже пять дней не могу ни есть, ни спать, только и делаю, что прокручиваю в голове то, что произошло в квартире у Матвея? Прокручиваю наш разговор, его взгляды, слова... его чертовы поцелуи.

Это самая настоящая пытка. И как только меня угораздит, Боже. Ну почему? Почему именно он!

– Вечером мы едем к Самойловым. Приведи себя в порядок и будь в форме.

– Я не хочу ехать к Самойловым.

– У Владислава юбилей. Я же предупреждал тебя. Самойловыми мы приглашены.

– Не хочу.

– Это на обсуждается, Валерия! Хватит уже! – отец бьет ладонью по столешнице, от чего из моей чашки выплескивается какао. – Пора уже прекратить вести себя как взбалмошный ребенок, тебе не кажется? Пора взрослеть!

– Я не выйду за Глеба! Сколько можно уже нас сводить!

– Глеб Самойлов – лучшая для тебя кандидатура. Потом еще скажешь спасибо. Я старше тебя и повидал жизнь, я знаю.

– Говорит человек, который похерил свой брак. Который спит с секретаршей моложе себя в два раза и у которого жена легально живет во Франции с другим мужиком. Браво, па, чё. Достойный пример приобретенного опыта.

Взгляд отца становится каменным. Я быю четко по его ахиллесовой пяте, что его, конечно, не устраивает. Но он молчит, потому что я права.

– В восемь, будь готова, – цедит он, поднимается из-за стола и уходит. И я понимаю, что отвертеться не выйдет.

Поднимаюсь наверх. Захожу на свою страницу, на которой ничего не обновляла уже кучу дней.

Сейчас все это кажется тупым и бессмысленным. Абсолютно все.

Да что там – моя жизнь тупая и бессмысленная и непонятно, как скоро я смогу выбраться из этого болота апатии. Да и выберусь ли...

К восьми я прилежно собрана: красное обтягивающее

платье с вырезом спереди до пупка, зализанные в высокий хвост "стервы" волосы и алая помада, которую ненавидит мой отец, считая блядской.

Он же хочет пристроить меня получше? Ну вот – товар лицом.

– И куда ты так вырядилась? – на лестнице появляется папа.

Я слышала, что он приехал час назад, но намеренно не выходила из своей комнаты, чтобы не столкнуться с ним лишний раз.

– Как куда? Так на юбилей Самойлова.

– Ты выглядишь вульгарно.

– Переодеваться не буду! – упрямо поджимаю губы. – Либо так, либо вообще голая. Выбирай.

Папа зло качает головой, а потом я вижу, как следом за ним на лестнице появляется Илона.

– И эта здесь, – закатываю глаза. – Хоть бы шлюху свою тащить с собой постеснялся.

– Закрой рот! – рявкает отец, и шея покрывается красными пятнами гнева. – У тебя не спросил, как мне быть! Что-то ты в последнее время совсем распоясалась.

– Поехали уже. На юбилей опоздаем, – поднимаю за цепочку с софы сумочку и опережая всех иду на выход.

Уже у машины Илона равняется со мной и во взгляде читается сто сорок земных проклятий.

– Сучка малолетняя, – шипит она, забираясь в любезно

открытую водителем дверь.

– Блядь кабинетная, – вторю ей, и залезаю следом. За-
мыкает тройку двуличных лицемеров мой отец, и лимузин
плавно мчится в сторону коттеджа Самойловых.

Шоу начинается.#####

Ненавижу подобные мероприятия! Куча разодетых в пух
и прах снобов, бриллианты размером с голову младенца и
раздутое чувство собственной значимости.

Приехав на место, сразу же отделяюсь от всех в стороне,
подцепив с подноса бокал шампанского.

Место апатии занимает сейчас раздражение. И это чув-
ство нравится мне гораздо больше. Раздраженной я чув-
ствую себя не такой уязвимой.

– Привет. Оу, да ты шикарно выглядишь, – Глеб, в белом
фраке, тянется ко мне губами для приветственного поцелуя
в щеку. – Я уже и забыл, какие у тебя офигенные ноги.

– Папа подсказал подкатить или сам догадался?

– Брось, я серьезно. Платье – огонь, – и смотрит на мою
торчащую из выреза грудь.

Объективно Глеб очень даже неплох внешне. У него пра-
вильные мягкие черты лица, от него приятно пахнет и рост
выше среднего – все как я люблю. Наверняка у него масса
поклонниц и лет в пятнадцать я сама была в него чуть-чуть
влюблена. Когда отец шутил, что лет через пять Стоцкие и
Самойловы породнятся, мне не казалось это такой уж пло-

хой идеей.

Но это в пятнадцать. С тех пор прошло три года, я выросла, поумнела, у меня появились другие интересы и Глеб перестал меня интересовать.

Меня вообще никто особо не интересовал до...

– Может, потанцуем? – снова стреляет взглядом в мое декольте. И это даже выглядит забавным.

– Нет, не хочу. Я еще не настолько пьяная.

– Да не вопрос! Сейчас все будет.

Глеб уходит за новой порцией шампанского, а я думаю, какая это муха его вдруг укусила. Он особо никогда ко мне не подкатывал, походу его идея жениться прельщает не больше, чем меня. Но он так зависим от слова отца, что даже не станет отпираться. Жена так жена.

И вот это бесхребетное существо должно стать моим мужем?

– Я взял вино, – Глеб протягивает мне бокал. – Красное, под цвет твоего платья.

Беру фужер и, глядя на Самойлова, думаю о том, почему кого-то мы выбираем сердцем, мозгом, душой – не важно чем, а кого-то совсем не можем принять. Ну никак.

Я не могу представить с ним даже поцелуи. О большем совсем думать не хочу.

У Глеба красивое тело – как-то мы загорали вместе у бассейна – но никакого трепета, кроме чисто эстетического, оно во мне не вызвало.

Почему так? По каким критериям мы настолько странно выбираем себе вторую половину? Где та "правильная" кнопка, на которую стоит нажать, чтобы не облажаться?

– Может, сгоняем на выхи куда-нибудь? – отвлекает от размышлений Глеб.

– И куда?

– Я хз. Можешь выбрать сама.

– Нет желания.

Судя по тому, что он не настаивает, у него тоже его не очень.

Без интереса обвожу скучающим взглядом разодетых "правильных и нужных" гостей, как вдруг...

Сердце заходится в бешеном ритме. Удар. Удар. Удар-удар-удар!

Поодаль, у лестницы, стоит Матвей. В черном пиджаке, лиловой рубашке, с петличкой на три тона темнее. Красивый, сияющий. Роскошный.

И не один.

Рядом с ним, держа его под руку, стоит не менее шикарная блондинка.

Та самая, что садилась с ним в Майбах у торгового центра. И точно не та, что обслуживала его в туалете клуба.

Глава 25

Я смотрю на них, застыв, не в силах отвести взгляд.

Что он здесь делает?

Как?

Почему?

Он преследует меня?

– Ты чего это? – толкает меня локтем Глеб.

– Что? – оборачиваюсь, силясь прийти в себя.

– Я спрашиваю – ты чего зависла?

– Слушай, а кто это? – киваю на Варшавского.

– Это? Я хз. Какой-то очередной отцовский партнер, наверное. Возможно, кто-то из инвесторов. Списки приглашенных составляли как обычно, с позиции "нужности". А что? Знаешь его?

– Нет. Тоже понятия не имею, – судорожно делаю глоток, в попытке промочить вмиг пересохшее горло.

Мы не виделись пять дней, а кажется, что прошла целая вечность. И сейчас, наблюдая за ним, понимаю, что вопреки всяческой логике, я рада его видеть... Рада, как последняя идиотка. Ему-то, судя по компании, наплевать.

То ли просто совпадение, то ли он ощущает мой прожигающий взгляд, но Варшавский поворачивает голову и, без тени удивления, словно он знал, что я точно буду среди приглашенных, смотрит на меня.

С достоинством выдерживаю буквально физически осязаемое давление. Даже подбородок приподнимается сам собой. А в голове лихорадочно крутится лишь одна мысль: кто это с ним? Кто она, блин, такая?

Его подруга?

Девушка?

Тогда почему в клубе он был с другой? И на его страничке нет ни одного упоминания о том, что у него кто-то есть. Ни единого! Никаких записей, совместных фото. Ничего.

Может, просто спутница на вечер? Знаю, что некоторые так делают.

Хотя зачем ему, с его внешностью и в возрасте, когда запросто можно подцепить любую, какая-то левая телка на скучном юбилее?

Голова идет кругом, и так сложно сохранять беспристрастную мину, когда в душе все буквально переворачивается.

И тут меня осеняет. Отец! Если он увидит Матвея здесь, после тех отвратительных фото...

Народу Самойлов-старший позвал много – кажется, вся элита города собралась здесь, и если не задаваться целью, за весь вечер можно ни разу не столкнуться. Только вот сдается мне, что Варшавский не станет прятаться от папиного взгляда. Скорее, наоборот.

Пока я лихорадочно размышляю перепрыгивая с одной мысли на другую, спутница Матвея позирует фотографу, ко-

их здесь тоже в избытке.

Я не знаю ее, но уже заочно ненавижу. Ненавижу за то, что она с ним. Хотя его я ненавижу еще больше.

Все смешалось – ревность, неприязнь, злость, бессилие. Я ощущаю себя выброшенной на берег рыбой, которая барахтается на месте в предсмертных конвульсиях. А потом... он отводит от меня взгляд и лениво принимает ее поцелуй в губы, тем самым добивая меня окончательно.

Мне плохо, нечем дышать. И так нестерпимо ноет в груди... Словно в сердце вонзили осиновый кол и с особой жестокостью несколько раз провернули.

Он провернул.

– Эй, ты чего, Лер? – Глеб цепляется за мое предплечье.
– Ты че бледная такая?

– Душно тут, – и трогаю рукой горло. – Уйти хочу.

– А, ну пошли. Я видел там у воды беседку.

Молча киваю и позволяю взять себя за руку.

Самойлов специально собрал всех здесь, в самом модном и мегадорогом месте пригорода, чтобы побравировать своим устойчивым положением в мире больших денег. Помещение впечатляет размером, кажется, мы идем сквозь толпу целую вечность. И все это время я буквально ощущаю лопатками прожигающий взгляд.

Матвей смотрит нам вслед, мне не нужно даже оборачиваться, чтобы это почувствовать. Его энергетика настолько мощная, что способна проникнуть не то, что бы через мою

кожу, а через пространственно-временной континуум. Но уже добравшись до выхода я все-таки не выдерживаю, оборачиваюсь. И да, он смотрит.

Его взгляд прямой и холодный, как айсберг. Челюсти сжаты так сильно, что проступили желваки. И его однозначно живая реакция на наши сплетенные с Глебом руки не может не воодушевить.

Да! Злись! Не думай, что если ты стал моим первым, то теперь я безраздельно принадлежу только тебе!

На улице уже стемнело, дневная духота сменилась свежестью и прохладой веющей от реки. До беседки, покрытой воздушной белой вуалью, мы доходим быстро и молча. И с каждым шагом во мне все сильнее закипает злой задор, подпитанный ревностью и малодушным желанием отомстить ему хоть как-то.

– Бля, я вейп забыл. Схожу принесу, ок? – Глеб дергается, чтобы уйти, но я притягиваю его к себе за руку.

Не знаю, что читается сейчас по моему лицу, но он явно удивлен.

– Лер, да что с тобой сегодня? Ты ничего не принимала?

– Поцелуй меня.

– Чего?

– Засунь. Свой. Язык. Мне. В рот! – чеканю слова, и каждое звучит как приказ. А потом, психанув, сама хватаю его за гладковыбритые щеки и притягиваю ошарашенное лицо к себе. Касаюсь губами тонких неподатливых губ. Холодных.

Каких-то неживых. Невозможно чужих. Ощущаю некоторое отторжение на физическом уровне сразу же, но вместо того, чтобы оттолкнуть его, прижимаюсь еще сильнее.

Наконец-то Самойлов оживает: обвивает мою талию руками и, в прямом смысле, выполняет просьбу – в ход идет язык. Он заводится, я чувствую. Ощущаю бедром его набирающую силу эрекцию. И если мощь Матвея заводила меня и рождала поистине бесконтрольное желание, стояк Глеба сеет панику.

Я не хочу с ним спать. Нет. Не смогу!

Что ты делаешь вообще! Остановись!

– Эй, ты чего? – офигевает Глеб, когда я завожу руки за спину и снимаю с себя его ладони. Отстраняюсь на шаг.

– Извини, я, кажется, перепила. Прости. Сама не понимаю, что на меня вдруг нашло, – вытираю губы тыльной стороной ладони, и случайно замечаю метрах в десяти от нас, среди каменных фигур в виде яиц Фаберже, Матвея.

Он просто стоит и, опустив руки в карманы брюк, смотрит на нас.

В беседке мерцают точечные фонари, а на аллее свет еще не зажгли, поэтому я не вижу выражения его лица – оно скрыто тенью, но я точно знаю, что это он, и что стоит здесь не просто так.

Он шел за нами следом.

И ради лишь одного этого зрителя я готова сыграть свою лучшую роль.

– Ну и? Это все? Остановишься на одних поцелуях? – переобуваюсь на лету, и Глеб подозрительно хмурится.

– Так ты же только что сказала...

– Да мало ли, что я несу! Ты во всем такой послушный?

Он понимает намек и снова целует меня. Водит ладонью по заднице, задирает подол, пытаюсь забраться под платье, а я думаю только об одном – смотри! Смотри на нас. На меня! Плевать я на тебя хотела, понял? Видишь, как мне хорошо? И не с тобой.

Мне не откровенно неприятно, не противно – мне никак. Но я искусно разыгрываю страсть, томно извиваясь и даже постанывая, распаяя бедного Глеба еще больше.

Если бы не Матвей, я бы давно ушла. Свела все на шутку, мы бы поржали и больше бы этого точно никогда не повторилось. Но он здесь, смотрит на нас, и я упиваюсь тем, что могу ему хоть как-то отомстить.

Неожиданно какая-то невиданная сила отрывает от меня Глеба. Раз! – и крепкого парня словно ураганом сносит.

В следующую секунду я вижу, как испуганный Самойлов в своем баснословно дорогом костюме лежит на земле, и на белый лацкан падают капли алой крови из разбитого носа.

– Пошли! – Матвей не берет, нет – жестко хватает меня за руку и тащит из беседки вниз по каменным ступеням, к реке.

– Ты совсем охренел? Пусти меня! – кричу, извиваясь, пытаюсь вырваться. Но он тащит меня как бронепоезд, и противиться этой силе бессмысленно.

Внизу, у реки, есть ниша, скрытая от лишних глаз живой изгородью. Обычно здесь устраивают фотозоны, но Самойлов-старший, видимо, отказался от этого популярного веяния.

Варшавский затаскивает меня внутрь и с силой толкает спиной к металлическому каркасу, скрытому за плотным душистой зелени.

– Какого хера это было? – шипит мне в лицо, придавив выставленным поперек моего горла предплечьем. Он не душит – устрашает. Но меня, переполненную яростью и адреналином, это только разжигает.

– Он мой будущий муж! И я буду трахаться с ним столько, сколько захочу! Понятно тебе?

– Ты не выйдешь за этого лоха.

– Да пошел ты!

– Сосите оба. Я сказал НЕТ!

– Какого черта ты указываешь мне, что делать? Сам пришел с какой-то телкой, я видела вас вместе! И не только сегодня – раньше у торгового центра! Кто она?

– Никто. У нас с ней ничего серьезного.

– А у нас с Глебом – серьезно!

– Поэтому ты так сильно не хотела за него замуж, что даже сбежала из дома? И поэтому он даже не трахнул тебя? Ждал, когда за него всю грязную работу выполнит кто-то другой?

– Ты изнасиловал меня! Я не хотела этого! – шиплю, слегка задыхаясь от нехватки кислорода.

Он смеется, и смех его оправдан.

– Ты кончила со мной спустя тридцать секунд, я даже засунуть толком не успел.

– Может, потому что засовывать нечего?

Я хочу разозлить его. Унизить. Ужалить побольнее. Так глупо и по-детски.

– Нечего? – угрожающе шепчет он, усиливая хватку. Цепляюсь пальцами в его руку, пытаюсь скинуть, дать доступ кислороду.

Он засовывает свободную руку в мой вульгарно глубокий вырез, сжимает грудь, с наслаждением потирая большим пальцем мгновенно отозвавшийся на ласку сосок.

– Платье как у шлюхи.

– Поэтому у тебя встал?

А у него встал. Встал сразу же, едва он придавил меня к стене. И несмотря на лютую ненависть я сразу же ощутила проклятое возбуждение.

– Отпусти. Я ненавижу тебя, слышишь, Варшавский? Ты – подонок.

– Значит, судьба у тебя такая – подонка любить, – произносит он и целует меня. Абсолютно не нежно, не бережно. Не жалея. Кусает мои губы, заталкивая язык в самое горло, но даже его грубость приносит невыносимое удовольствие.

Поворачивает меня спиной к себе и бесцеремонно задирает платье. Рывком стягивает кружевные трусики, оставив их болтаться в районе колен, а потом входит. Резко, сразу на

полную мощь.

Я вскрикиваю, он зажимает мне ладонью рот, и двигается так яростно и неистово, словно хочет уничтожить. Я кончаю молниеносно, следом кончает он. Не вынимая. В меня.

На все уходят считанные минуты, и примерно столько же мне требуется, чтобы прийти в себя.

– Ублюдок, – всхлипнув, натягиваю трясущейся рукой белье. – Какой же ты... А если я забеременею?

– Аборт сделаешь, – звенит пряжкой ремня.

Оборачиваюсь и изо всех сил леплю ему пощечину. С такой яростью, что его голова по инерции откидывается влево.

– Чтоб ты сдох, Варшавский! Чтоб. Ты. Сдох!

– Вот, это он! – раздается приближающийся голос Глеба. Его ноздри раздуты, потому что в каждой засунуто по ватному тампону. Рядом с ним три охранника в строгих костюмах и... мой отец. Позади топчется Илона.

В нише зажигается свет. Отец бледный, как мел.

– Мы уезжаем домой, – цедит он и, схватив меня за локоть, тянет за собой. Я не сопротивляюсь, иду следом, ощущая внутри себя и на бедрах следы буйной страсти Варшавского.

– Ничего не было, па. Правда. Мы просто...

Он оборачивается и, почти как и я минутой ранее, дает мне пощечину.

Глаза Матвея наливаются кровью: он резко дергается вперед, но вырваться не дают три пары сильных рук профессии-

ональной охраны.

Что происходит дальше, я уже не вижу – мы скрываемся за поворотом.

Глава 26

Я сижу на закрытой крышке унитаза и, совсем как ребенок вытирая кулаком слезы, вбиваю в строчку поисковика "названия препаратов экстренной контрацепции".

Для меня это все – ад. Я только совсем недавно лишилась девственности, и еще ни разу меня не любили по-настоящему. Нежно и бережно, как заслуживает того любая девушка, а не как шлюху. И самое ужасное – с ним мне нравится даже это. Нравится!

Мне противно смотреть на него, но я смотрю и наслаждаюсь, противны его прикосновения, но когда он касается меня, я дрожу от удовольствия...

Я больна. У меня что-то с головой. Не бывает так! Не должно быть... Я подцепила его, слово вирус. И он уже убивает меня. А теперь я, возможно, беременна от этого чудовища.

Привел в действие свой идеальный план?

Подонок. Какой же он...

Когда мы ехали с приема домой, отец отчитывал самыми меня последними словами. Орал, что я опозорила его. Предала. Что едва не получил удар, когда, разыскивая меня по многочисленным изображениям камер на территории комплекса увидел то, что происходило в беседке...

– Скажи, это ты мне назло связалась с ним, да? Так?! Назло?

– Ну что ты несешь! Я ненавижу его не меньше твоего!

– Видел я, как ты его ненавидишь! Все видел! – распался он, а привыкший ко всему водитель лишь увеличивал громкость музыки. – Да как ты только могла! И с кем? С ним! С этим ублюдком! Скажи спасибо, что всей этой мерзости не видел Глеб и его отец – мы пришли всего на пару минут позже. На пару несчастных мгновений! Видео по моей просьбе бесследно удалили. Благо, что сейчас можно купить всех и вся.

– Спасибо... – и вжалась в кресло.

– Я сделал это не ради тебя, не думай. Какой позор... Какой же позор!.. – и, ослабив узел галстука, несколько минут молчал, хмуро рассматривая мелькающие за окном ночные улицы. – Ты выходишь за Самойлова, – произнес, выдержав мучительную паузу. – Уже в следующем месяце. И если я до этого еще думал, теперь это приказ.

Я опустила голову. Может, сейчас это действительно не самое худшее решение. Варшавский не отпустит меня так просто. Зачем-то я ему нужна.

Впрочем, почему "зачем-то"? Унижать. Отыгрываться. Мстить.

"... препарат принимают внутрь. Необходимо принять 2 таблетки в первые 72 часа после незащищенного полового акта. Вторую таблетку следует принять через 12 часов по-

сле приема первой таблетки..."

Всхлипнув, выбираю препарат и нажимаю купить, уже рано утром прибудет курьер. Нужно как-то забрать, чтобы отец не видел. Впрочем... он уже видел больше, чем нужно видеть отцу, и от этого безумно стыдно.

Низ живота тянет, то ли от нервов, то ли от того, что происходило там, на берегу. Дико болит голова.

Встаю под горячие струи душа и реву навзрыд. Реву, потому что ненавижу его. И в то же время... Еще ни один мужчина не вызывал во мне таких противоречивых эмоций. Еще ни один не причинял столько боли. И в то же время, не делал так хорошо одновременно.

Это не любовь – это проклятие.

Судьба у меня такая, подонка любить...

Свернувшись калачиком на холодной и неудобной сейчас постели, думаю о том, что будет, если таблетка не подействует? Что если я все-таки окажусь беременной?

"Сделаешь аборт". Так сказал он. Холодно и безразлично. А сделаю ли? *Действительно*смогу?

Но долго думать об этом мне не пришлось – ночью пришли месячные.

Несколько дней я сижу дома, взаперти совсем как маленькая провинившаяся девочка. В другое время я бы непременно попыталась бороться за свою свободу, может быть даже попробовала улизнуть через окно, но сейчас не хочется ни-

чего. Апатия.

Я чувствую себя грязной и использованной. Униженной. Никому не нужной. И всеми силами взращиваю в себе ненависть. Пытаюсь уговорить себя, что выбросить его из головы просто необходимо. Но не было и минуты, чтобы я не думала о нем.

Это точно какое-то проклятие.

– Глебу сделали операцию на нос, этот уболюдок сломал ему перегородку, – сухо делится за ужином отец. – Помолвку придется ненадолго отложить.

– Я же сказала, что больше никаких встреч с Варшавским не будет. Пожалуйста, не...

– Даже не смей произносить вслух фамилию этой гниды в нашем доме! – перебивает папа, и голос его больше напоминает шипение. – Никогда. Слышишь? *Никогда!*

– Поняла, – опускаю глаза в тарелку с овощной лазаньей.

Я сейчас не в том положении, чтобы выпускать колючки. Отец считает, что я его предала, что, в общем-то, в какой-то степени соответствует действительности.

– В выходные Ольга возвращается из Парижа, – продолжает, взяв себя в руки.

Ольга – моя мама, и я не видела ее больше полугода. И, странное дело – не слишком-то и соскучилась. Наверное, я ужасная дочь.

Впрочем, несколько лет назад она бросила меня на отца и занялась личной жизнью. Так что как мать она тоже не очень.

Все в нашей славной семье стоят друг друга.

– И зачем?

– Мы разводимся, – отрезает он, и я снова поднимаю на него уже удивленный взгляд.

– Серьезно? Развод? Но почему? Мне казалось, вас все устраивает. Ты живешь здесь своей жизнью, она там своей – идеальная современная ячейка общества. В ногу со временем, свободные отношения, гостевой брак.

– Не ерничай. Она ждет ребенка.

Давлюсь глотком апельсинового сока.

– Чего? Какого еще ребенка? Ей под пятьдесят!

– Они воспользовались услугами суррогатной матери. Этот ее... – и кривится чуть брезгливо, – Жан-Поль, не имеет своих детей и очень их хотел.

– Дурдом, Господи. В каком дурдоме я живу, – ставлю локоть на стол и подпираю лоб ладонью. – Всегда было интересно – это только наша семья такая долбанутая или все такие. А как же ваши драгоценные совместные активы?

– Ими уже занимаются наши адвокаты. Есть обоюдовыгодные решения, которые устроят всех.

– Только не говори, что притащишь эту потаскуху Илону в наш дом! Она же использует тебя, па. Ты для нее просто старый денежный мешок!

– Замолчи, Валерия, – цедит он сквозь стиснутые зубы. – Если не хочешь, чтобы я озвучил, кто *ты*.

– И кто же? – завожусь, хоть и обещала себе этого не де-

лать. — Кто, пап? Шлюха? Давай, говори! Или лучше ударь, так будет доходчивее!

— Ты трахалась с этим ублюдком прямо на улице! Да, ты вела себя как шлюха! — яростно бьет кулаком по столу. — Будут свои дети — поймешь каково это. Ты даже представить не можешь себе, какой это позор. Какое это личное унижение для меня! Почему именно он, скажи? Пусть не Глеб, черт с ним, почему не кто-то другой? Какой-нибудь одноклассник, старый друг, проходимец из клуба в конце концов! Почему он, Варшавский? Сын наших врагов!

— Не поверишь, папа, но я задаю себе тот же вопрос, — усмешка выходит злой. — И ответа не нахожу.

Отец какое-то время молчит, с шумом выдыхая воздух через раздутые ноздри, нервным движением расправляет на столе и без того идеальную скатерть, а потом снова берет в руки вилку.

— Съезди к нему в больницу. К Глебу. Герман тебя отвезет.

— Не хочу. Я могу позвонить ему или написать сообщение.

— Нет, ты *поедешь* к нему, — в ход пошли приказы. — Кстати, можно прямо сейчас, в его палате неограниченное круглосуточное посещение. Сделай хотя бы вид, что тебе не все равно. Владиславу будет приятно.

Конечно, его не волнует, что будет приятно мне. Мое слово в этом доме теперь вообще ничего не значит.

Я здорово накосячила. Подвела его. Опозорилась. И только поэтому покорно соглашаюсь.

– Через полчаса, нормально? Успеешь собраться?

Киваю и выхожу из-за стола, а через двадцать минут спускаюсь. В простых джинсах, худи и кроссовках. Серая. Безликая. Внешне такая же, как и внутри.

– Не выкинь чего-нибудь только, – предупреждает отец, тоном, которым до усрачки запугивает своих подчиненных. – Ты еще можешь все исправить. И ты должна это сделать! Ради своего же будущего. Не испортить все окончательно, слышишь? Не испортить!

Снова покорно киваю. Даже не подозревая, что опять сделаю все наоборот.

Глава 27

Палата Глеба действительно люкс. Да что палата – сама клиника больше напоминает фешенебельный отель: кожаные диваны, дизайнерский интерьер и ни намека на больничный душок. Курорт.

Самойлов лежит на приподнятой в районе головы кровати, с перебинтованным лицом и гигантскими синяками под глазами.

– Ну ничего себе. Не знала, что он тебя вот так... – офигевая, сажусь на краешек его постели. – Словно кувалдой прошлись.

– Я сделал ринопластику, – беспечно машет ладонью он. – Раз все равно повредили клюв, грех не воспользоваться подвернувшийся возможностью. Давно мечтал убрать горбинку.

А, вон оно что. Бедный, бедный Глеб...

– И как оно?

– Да норм. Рожа отекла только и синяя вся.

– Ничего, до свадьбы заживет, – не подумав, ляпаю я, и только потом понимаю, что именно сказала. – Ну, до свадьбы, в плане в принципе свадьбы, когда-нибудь. А не... Ну ты понял.

– Да понял я, понял. Ащц... – прошипев, трогает пальцами область переносицы, а потом переводит на меня оплыв-

шие глаза-щелки. – Слушай, я не знал, что тот хер это тот самый. Брат той девицы. Потом отец сказал.

– Да, это он. Я сама только недавно узнала.

– А чего он от тебя хотел-то вообще? Зачем в кусты эти потащил?

– Понятия не имею, – и абсолютно не знаю, что еще со-
врать. – И почему тебя ударил – тоже без понятия.

– Под чем-то поди был. Взгляд прям ненормальный, как у торчка.

– Угу...

Общество Самойлова напрягает, я не хочу говорить с ним. Глядя на него я непроизвольно вспоминаю тот вечер и... В общем, это больно. Не знаю, когда смогу подавить в себе эти фрагменты. Когда перестану думать о нем и когда избавлюсь от чувства вины за то, что оказалась такой идиоткой.

Идеальная жертва.

– Тебе, наверное, отдохнуть нужно... Я пойду, да? – потихоньку сливаюсь. – Я приеду к тебе еще.

И не добавляю вслух "может быть когда-нибудь, но скорее всего нет".

– А, ну ок, давай, реал чего-то устал. А вообще, то, что они тут вкалывают – вещь! Улетаешь.

Тяну улыбку, думая о том, какой же он все-таки инфантильный придурок.

С чувством выполненного долга выхожу из палаты и понимаю, что не хочу ехать домой. Снова смотреть на эти опо-

стылевшие стены, слушать нравоучения отца и ловить на себе его осуждающие взгляды...

Герман все равно будет ждать в машине столько, сколько потребуется. Хоть до утра. И пока я у Глеба, отец будет полностью спокоен.

Спускаюсь вниз, в лаунж зону. Днем здесь, видимо, работает больничная столовая, что больше напоминает Мишленовский ресторан, но сейчас, в это довольно позднее время, все закрыто. И абсолютно никого. Зато светятся два вполне пригодных кофейных автомата с огромным выбором напитков.

Когда вижу кофе Гильермо, в сердце словно вставляют острую иглу.

Вспоминаю тот наш день, вспоминаю, каким был Варшавский... Веселым. Прикольным. Интригующим. Он забавно шутил и выглядел таким... *нормальным*. Вернее, я думала, что он нормальный.

Я уже тогда в него влюбилась. Уже тогда...

Беру себе карамельный латте с двойной порцией сиропа, сажусь на один из диванов, повернутых к большому панорамному окну и, согревая руки высоким бумажным стаканом, смотрю на стекающий по стеклам дождь. Он льет весь день, словно понимая, что радоваться человечеству, в общем-то, особо нечему. А мне так тем более.

Он словно разделяет мое состояние.

Это пройдет, обязательно. Только когда?

Когда наступит тот день, утро которого я встречу не вспоминая его проклятое имя?

Отец прав – я выбрала самого неподходящего мужчину на всей земле. Хотя разве я его выбирала?..

Я сижу настолько глубоко погруженная в невеселые мысли, что не слышу тихие шаги за своей спиной. Не слышу, как кто-то обходит диван и вздрагиваю от неожиданности, когда этот "кто-то" опускается рядом.

Это Матвей.

То, что он пьян, я понимаю сразу. И по характерному "аромату" дорогого виски, и по ненормально блестящим глазам.

Одет он как и я – обыкновенно. Темно-серое худи, черные джинсы и черные кроссовки обутые на босую ногу. Волосы из-за дождя превратились в слипшиеся сосульки.

– Дерьмо погода сегодня, да?

Язык его слегка заплетается.

– Что ты тут делаешь?

– Пришел увидеться с тобой.

– Как ты узнал, что я буду здесь?

– Так ты же сама в своем блоге написала.

Черт! Я действительно написала, что еду сюда навестить покалеченного друга и понятия не имела, что он до сих пор следит за моими соцсетями.

– Я не одна, со мной охрана. Учти.

– Я не собираюсь тебя трогать, – произносит он, пробе-

гаясь по моему лицу осоловелым взглядом. – Если ты сама этого не захочешь.

– Что тебе от меня нужно, Матвей? Зачем ты преследуешь меня? – изучаю его черты, и каждая отзывается болью. – Я поняла – ты ненавидишь меня, хочешь отомстить за сестру. Но ты *уже* отомстил! Тебе мало? Хочешь окончательно смешать меня с грязью? Я – не мой брат и моей вины в том, что произошло тогда, пять лет назад, нет! Мне жаль, что с твоей сестрой произошло такое. Действительно жаль! Но я не при чем!

– Не кипятись. Я не ругаться пришел.

– А зачем?

– Я же сказал – увидеть тебя.

– Зачем?

– Захотелось.

– Захотелось, – от чего-то пробивает на смех. Но не на живой и свободный, когда мы хохочем в моменты веселья, а на смех, смахивающий на истерику. – Захотелось! Отличный ответ. Возьму на вооружение.

Неожиданно он поднимает правую руку и, зафиксировав пальцами мой подбородок, цепко осматривает лицо.

– Он ударил тебя, я видел. Больно?

– Ты без побоев делаешь большее, – резко взмахиваю головой, избавляясь от его хватки.

– Думал, что убью его там нахер.

– Ты посмотри-ка, защитник. Не строй из себя святого,

тебе не идет.

– Так ты выйдешь за него? – кивает куда-то неопределенно наверх. – Серьезно выйдешь? За этого слюнтя?

– Тебя моя личная жизнь не касается! Самое лучшее, что ты можешь для меня сделать – просто оставить в покое. Просто. Оставить. В покое!

Откуда ни возмись наворачиваются слезы. Они душат, скапливаясь сначала где-то соленым комом в горле, а потом целенаправленно подбираются к глазам. Давят, до боли в висках.

– Да ну брось, ты чего? – он снова пытается коснуться меня, но я резко отстраняюсь. – Только не надо разводить сырость, и так мокро.

– Знаешь, о чем я больше всего жалею? – пропускаю его попытку неумело пошутить мимо ушей. – Жалею каждую минуту с того злополучного дня нашей "случайной" встречи?

– О том, что согласилась поехать ко мне домой?

– О том, что вообще приняла твою помощь. Клянусь, уж лучше бы я сдохла в той канаве! Ты же собирался уйти тогда, когда я отказалась!

– Я бы не ушел.

– Боже, – ставлю локти на колени и закрываю ладонями лицо. – Как же хорошо мне жилось, оказывается. Жилось ДО тебя! Сейчас каждый день словно... словно пытка. Оставь меня в покое, прошу. У тебя своя жизнь и полно тех, кто го-

тов удовлетворить любую прихоть, сама видела. Зачем тебе я? Для чего?! – зло убираю руки от лица – они мокрые от слез. Но плевать, что он стал свидетелем моего унижения. – Пошел к черту, Матвей! Уходи! Убирайся из моей жизни! Не мучай меня! Прошу – не мучай!

Кажется, он не ожидал подобной исповеди, в хмельных глазах читается неподдельное удивление.

– Ты реально влюбилась, что ли? После всего того говна, что я тебе сделал?

Все. С меня хватит!

Схватив свою сумку, резко поднимаюсь и, случайно смахнув кофе, стремительно мчусь к выходу из клиники.

Слышу за спиной торопливые шаги и увеличиваю скорость. Увидев двери – почти бегу.

На улице страшный ливень, но мне плевать. Я просто хочу уйти отсюда. Хотя не так – уйти подальше *отнего*. Куда угодно, лишь бы просто не видеть. Ни сегодня, ни завтра. Никогда!

– Стой! – Матвей догоняет и бесцеремонно цепляется за мой локоть. – Да подожди ты!

– Отпусти, я буду кричать!

– Кричи, – поворачивает меня лицом к себе, а потом неожиданно притягивает и обнимает, так нежно, словно я – самое дорогое, что есть в его жизни. – Ты куда под дождь-то, дурочка.

– Я не хочу тебя больше видеть, слышишь? – шепчу в его

промокшую насквозь толстовку, а сама не делаю даже шага.
– Пожалуйста, не надо больше...

– Не надо что?

– Ничего не надо. Просто забудь обо мне. Хотя... как можно забыть того, о ком и не помнишь.

– Неправда. Я думаю о тебе. Думаю часто и непозволительно много, – проводит рукой по моих ставшим сосульками волосам. Прикасается колючей щекой к коже. – Особенно по ночам.

– Ты пьян!

– В дрова, – легко соглашается он и прижимает к себе сильнее. – Замерзла, дрожишь вся.

Я должна уйти. Должна! Оттолкнуть его, накричать, обозвать самыми оскорбительными словами. Но я стою, принимая его неожиданную и такую непохожую на него ласку.

Это не он говорит сейчас, это алкоголь. А все равно не могу отпустить. И дождь мне сейчас – помощник. Если что, всегда можно списать на него мокрое от слез лицо...

– Давай уйдем отсюда? – шепчет мне на ухо. – Мы похожи на двух идиотов стоя здесь, серьезно.

– Ты правда думаешь, что я куда-то с тобой пойду? – отстраняюсь и смотрю на его залитое дождем лицо. – Вот так просто, словно ты не унижал меня? Не брал силой прямо на улице?

– Я бы никогда не стал брать тебя силой по-настоящему. Тебе же самой это нравилось, – и тон его не звучит как рос-

пись в собственной крутости или как вопрос. Просто как констатация факта. – Блядский дождь, – поднимает голову к абсолютно черному хмурому небу. – Я под ним трезвею. А трезветь я категорически не хочу.

– Езжай домой, – нахожу в себе силы отцепиться от его словно намагниченного тела. – Проспись.

– А ты? – засунув руки в карманы джинсов, смотрит на меня в упор. – Ты поедешь со мной?

– Нет. Нам не стоит больше видеться, Матвей. Никогда. Так будет лучше для нас обоих, – разворачиваюсь и, обняв руками плечи, словно это может спасти от дождя, бегу к стоянке, не давая себе даже шанс передумать.

– Да стой ты! – как и несколькими минутами ранее его ладонь ложится на мое плечо. Я пытаюсь ее скинуть, ускоряю шаг, но все это бесполезно – он в считанные секунды опережает меня, вырастая напротив железобетонной стеной. – Вот так просто возьмешь уйдешь?

– Да, вот так просто!

– Ты же не хочешь этого.

– Не хочу, но я должна.

– Должна кому?

– Каждое твое чертово появление причиняет мне боль, а я не враг самой себе. Я хочу освободиться, понимаешь? Просто освободиться!

– Освободиться от меня?

Я молчу, но ему и не нужно мое признание, он понимает

все сам.

Делает шаг и снова заключает меня в объятия. Обнимает так крепко, что кажется, будто задался целью сломать меня пополам.

– Если бы я мог выбирать, я бы ни за что тебя не выбрал, – горячо шепчет мне в висок, обдавая парами дорогого коньяка. – Ты же та самая маленькая потаскушка-сестра этого гондона.

– Я не потаскуха! И ты это знаешь!

– Знаю, и от этого еще дерьмовее. Лучше бы ты ею была. Лучше бы была...

Ни он ни я не замечаем дождя. Мы оба словно в каком-то ином измерении, в созданном только что мире исключительно для нас двоих. В нем нет места теплу, заботе и уважению, только лишь застарелой ненависти и абсолютно нездоровой физической тяге друг к другу. А я знаю, что его ко мне тянет, иначе он не стоял бы сейчас здесь.

– Отвези меня домой, ты же видишь, я в хлам.

– Ты сам ехал за рулем? В таком состоянии? – в шоке отстраняюсь от него. – С ума сошел?

– Ну, у меня в отличие от тебя нет личного водителя, – снимает с моей талии правую руку – от чего сразу же становится дико холодно, и достает из кармана ключ с узнаваемым логотипом. – Машина стоит за клиникой.

– Я только получила права. Не уверена, что справлюсь в такую погоду...

– Да и похер. Сейчас ты явно будешь ехать лучше, чем я, – опускает ключ в мой карман и, снова обняв, кладет подбородок на мое плечо. – Я доверяю тебе.

Я не знаю его таким – степенным. Он новый даже пугает меня, почти точно также как Матвей-агрессор. Но от того Матвея я хотя бы знаю чего ожидать.

Я не могу просто так взять и уйти. Оставить его. Несмотря на все то, что он мне сделал – не могу!

А если он сядет за руль сам и разобьется? Если пострадает кто-то еще? Эта вина до конца дней будет и на мне!

Я уговариваю себя, убеждаю, что исключительно гражданский и человеческий долг вынуждает меня довезти его до дома. Только он.

Как же легко мы врем самим себе.

– Матвей! Матвей, вставай, мы приехали, – тихонько трясу его за плечо, и он неохотно открывает глаза. Щурится, пытаюсь поймать фокус, сонно растирает ладонями лицо.

Он уснул сразу же, как только сел в машину, словно предохранитель вырубил. Еще никогда я не видела, чтобы человек был настолько сильно пьян, но при этом мог внятно разговаривать и даже идти более-менее ровно.

– Как ты только до больницы сам доехал. Ума не приложу.

– На автопилоте, – расстегивает ремень безопасности (о котором позаботилась я же), и пьяно трет подушечками пальцев веки. – Получается, ты мне жизнь спасла?

– Не тебе, не обольщайся. Ни в чем не повинным людям, которым ты мог бы навредить, сядь за руль сам.

– Поднимешься? – смотрит на меня в упор, а я, напряженно удерживая обеими руками руль, смотрю на него. И эта та самая битва, в которой я ни при каких условиях не смогу выйти победителем. Как бы того не хотела.

– Зачем?

– Не хочу отпускать тебя сегодня.

– Только сегодня?

Вместо ответа он протягивает руку и проводит костяшками согнутых пальцев по моей щеке.

– Пошли, – и, выдержав паузу, добавляет: – Пожалуйста.

Я слишком устала этим длинным вечером, чтобы спорить. И слишком скучала по нему, чтобы сказать "нет". Он причиняет мне только боль, но, странное дело, со временем ты учишься получать удовольствие даже от нее.

Он манипулирует мной, и я это знаю, но все-таки соглашусь сыграть еще одну партию, в которой заведомо проиграю.

Глава 28

– Тебе нужно согреться. Душ там, – опершись ладонью о стену, давит носком левого кроссовка на задник правого, силясь снять насквозь промокшую обувь.

– Я в курсе, где у тебя душ, – холодно смотрю на него, транслируя взглядом, что ничего не забыла.

Он тоже помнит тот день. Помнит, я вижу. Господи, что я здесь снова делаю. Зачем... Почему он оказывает на меня такое нездоровое гипнотическое влияние? Я как та самая безмозглая кобра, что легко ведется на звуки флейты заклинателя змей.

Это ненормально. Так быть не должно! Я все прекрасно понимаю, но следуя его примеру снимаю мокрые кеды.

В сумке звонит телефон, и я точно знаю, кто это. Наверное, Герман заподозрил, что меня долго нет, дошел до клиники. Может быть даже посмотрел камеры, а там мы...

Я точно знаю, что именно он мне сейчас скажет. Моя выходка – последняя капля, он будет взбешен. Впрочем, разве может быть наказание хуже, чем я наказываю саму себя?

Достаю телефон и, игнорируя капсом ОТЕЦ, отключаюсь.

Матвей подходит ко мне и, как и там, возле клиники, согнувшись в три погибели, обнимает меня, опустив подбородок на мое плечо.

– Можно с тобой? Мы никогда не принимали душ вместе.

– Мы много чего не делали, – и чуть не добавляю "что делают вместе нормальные пары". Но молчу, потому что мы не пара. И уж тем более нам точно не подходит слово *нормальность*.

– Пошли, заболеешь еще, – берет меня за руку и, встречая мягкое сопротивление, тянет за собой.

– Матвей, я не...

– Идем.

И я зачем-то иду, оставляя за спиной скинутую обувь, сумку и последние остатки разума.

Перешагнув порог душевой, до меня доходит абсурдность ситуации. Зачем я здесь? Допустим, довезла его нетрезвого до дома, хорошо, но к чему вот это все?

Заболею – да и черт с ним. Все равно! То, что происходит сейчас, очевидно не закончится ничем хорошим. Мы снова переспим, потом поссоримся, я уйду, проклиная всех и вся. Дома буду снова рыдать... Это как бег по кругу. Кто-то из нас должен уже остановиться. Должен!

– И куда это ты? – цепляется за мои ускользающие из его рук пальцы.

– Я домой поеду.

– Ты мокрая вся.

– Ты тоже.

– Брось, – подтягивает к себе, и я не могу найти в себе силы сопротивляться. – Останься. Не уходи.

Подцепив край худи, снимает с меня промокшую тряпку и швыряет ее тяжелым комом на пол. Следом тянется к короткому спортивному топу, но в какой-то момент словно оставляет эту затею.

Он смотрит на меня, даже любит, и не смотря ни на что, мне приятно видеть желание в его глазах. Не животное, как тогда в беседке на приеме, а здоровое восхищение мужчины при виде любимой женщины.

– Ты такая красивая... – гладит взглядом мою фигуру: торчащие под промокшей тканью топа соски, плоский живот и обтянутые тканью джинсов бедра. Я знаю, что выгляжу хорошо, но когда на тебя смотрят ТАК, любая, даже самая здоровая самооценка, мгновенно взлетает еще выше, буквально до небес.

– Очень красивая, – запускает руку под топ и сжимает ладонью многократно отзывавшуюся на ласку грудь.

Я ненавижу себя в этот момент, но когда он рядом, когда целует меня, касается, разум покидает мою голову, словно его вообще не было. Я так сильно нуждаюсь в нем, даже злом, агрессивном и грубом, что становится страшно. Наверное, так чувствуют себя жертвы абуза – и с ним невозможно, и без него никак.

Он играет со мной, я знаю. И эта игра нездоровая. Но все равно я здесь, с ним, позволяю трогать себя и хочу большего.

Мокрая джинсовая ткань слезает с влажной кожи нехотя, с большим трудом. А вот футболка наоборот, спешно поки-

дает мое тело, словно понимая, что здесь и сейчас она точно лишняя.

Я стою перед ним совершенно обнаженная и дрожу, то ли от холода, то ли от неутоленного голода. Мне не хватило его и я хочу еще.

Он – мой чертов гигантский магнит. Бездонная Марианская впадина. И понимая, что ждет меня там, внизу, по собственной воле в очередной раз делаю роковой шаг в пропасть.

Горячие струи воды вливаются в кожу плеч словно миллион жалящих игл. Я взвизгиваю и от чего-то начинаю смеяться. Громко, во всю силу натренированных вокалом голосовых связок. И он, шагнув ко мне под струи воды, улыбается тоже. Умильно, может быть чуть-чуть снисходительно: "ребенок еще, что с нее взять".

– Горячо?

– Нормально.

– Надеюсь, ты смеешься не надо мной?

– Надейся.

– Дразнишь, да? Тогда иди сюда, – льнет всем телом, припечатывая к моему бедру уверенный стояк. И это такое пьянящее чувство пусть временной, но все-таки власти над мужчиной.

Вода льется на нас, словно пеленая в горячий прозрачный кокон. Матвей целует меня, медленно, неторопливо, смакуя своими губами мои губы. Исследует руками податливое те-

ло. Именно исследует, не переходя к активным действиям, словно секс его сейчас совсем не интересует, исключительно прелюдия. И это так странно... Ново. Волнующе.

Он может быть нормальным. Не грубым ублюдком – просто парнем, для которого не чужды проявления нормальных человеческих чувств. Он именно сейчас такой, и мне наивно хочется верить, что вот этот Матвей настоящий, а тот, что унижал меня, назвал плохими словами и издевался морально – просто временная роль. Он отомстил и наигрался. Устал от этого всего не меньше меня. А я влюбилась. Влюбилась вопреки всему и сейчас счастлива как никогда, в этом пронзительно коротком и таком искреннем моменте.

– Почему ты так напился сегодня? – веду руками по его литым бицепсам и каждое прикосновение льется по венам концентрированным счастьем. – Был повод?

– Был.

– Надеюсь, радостный?

– Не надейся, – улыбается, и я не могу понять, шутит он или говорит правду. Впрочем, все равно, что побудило его надраться.

Так странно начавшийся вечер заимел неожиданно приятное продолжение. Хочется верить, что вот именно сейчас, в этот момент, между нами что-то изменится. Конечно, в лучшую сторону.

Может быть я даже попробую забыть обиды, что он мне причинил. У него был повод ненавидеть нашу семью. Не ме-

ня конкретно, да, но я была самой досягаемой целью.

Я оправдываю его, понимаю, но как же хочется верить...

– Останься со мной, – шепчет он в мои губы. – Ты нужна мне сегодня.

"Только сегодня?" – крутится на языке закономерный вопрос, но я молчу, так как боюсь все испортить.

Еще вчера я была твердо уверена в том, что у нас не может быть отношений, я ненавидела и проклинала его. Но стоило только его увидеть, стоило коснуться губ, как все мои "твердые решения" полетели к чертям.

Он – моя погибель. Моя самая сладкая боль и мое наказание.

Не дожидаясь ответа он берет меня на руки и прямо так, мокрую, несет в комнату. Там, в полной темноте, под шум бьющего под огромным окнам дождя, кладет на широкую кровать.

– Не холодно?

– Нет...

Нависнув сверху, проводит рукой по моим спутанным волосам, затем неторопливо опускается ниже и надавливает большим пальцем на впадинку между ключицами, заставляя испытывать страх и возбуждение одновременно.

– Хотел бы я, чтобы все было по-другому, – произносит он, аккуратно трогая губами мои губы. Мягко, абсолютно не настойчиво, но я сама подаюсь ему навстречу, толкаясь языком в его рот.

– Все ведь зависит от нас, – произношу в момент пере-
дышки.

Его внушительный вес буквально вминает мое тело в мат-
рас, но это такая приятная тяжесть.

– Чушь это. Ничего от нас уже не зависит, – перекатывает-
ся на спину, утягивая меня за собой, вынуждая сесть сверху.

Я ощущаю его возбуждение и не понимаю, почему он мед-
лит. А он медлит, будто бы намеренно оттягивает момент
удовольствия.

Гладит мою влажную кожу, касается груди, что отзывается
во всем теле острым спазмом наивысшего наслаждения.

Никто и никогда не будет трогать меня ТАК. Я знаю. Ни-
кто и никогда. Только он.

– Зачем ты все-таки приехал в клинику? – чуть раскачи-
ваясь на его бедрах, откидываю голову назад, наслаждаясь
прикосновениями.

– Я соскучился по тебе. Ты даже представить себе не мо-
жешь, что творится в моей башке.

Сбросив негу, возвращаю внимание Матвеем.

Ну же, откройся. Хватит уже прятаться в кокон отморо-
женного циника. Давай! У тебя получается.

– Я думаю о тебе каждый день, – продолжает он, лаская
ладонями мои бедра. От колен до ягодиц и обратно, и все
это сквозь ворох моих непрекращающихся мурашек. – Ма-
ленькая ведьма.

– Ты просто влюбился, мистер железный человек, – озву-

чиваю самую желанную из теорий. — Дело в этом. Влюбился, и боишься признаться. Даже самому себе.

— Я не знаю, что такое любовь, — и только я хочу сказать, что ожидала чего-то подобного, как он продолжает: — Но, возможно, ты права. Как еще иначе объяснить происходящую со мной поебень?

Только он мог признаться в чувствах подобным образом. Я счастливо улыбаюсь, он смеется тоже, а потом притягивает меня за талию к себе, заставив лечь сверху.

Я смотрю в его глаза и понимаю, что нельзя любить кого-то так сильно. Это ненормальная любовь. Нездоровая. Такая любовь приносит только одни проблемы. Она стирает тебя как личность, превращает в тень, которая живет от встречи до встречи и только тогда, когда этого захочет он. И как захочет он.

Я всегда кривилась, когда слышала подобные истории и не сочувствовала "бедным" женщинам — они сами виноваты. Возьми и уйди из этих токсичных отношений. Брось его. Забудь!... Пока сама не оказалась в роли "жертвы".

Как можно забыть, когда он и есть все твои мысли?

Даже понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет, ты все равно раз за разом совершаешь ту же ошибку и обещаешь себе, что вот это точно последняя. А потом новый круг...

— Не в моих правилах просить прощения, но... прости, что причинил тебе столько говна. Можешь обозвать меня

мудаком, это будет справедливо.

– Я называла тебя еще хуже. Мудак – это даже мягко, – пытаюсь улыбаться, но внутри зреет какая-то неясная тревога. Даже еще не она – пока еще фантом. – И назову неоднократно, – убираю с его лба прилипшие темные пряди. – Мы же не прощаемся.

– Как знать.

– Не поняла?

– Забудь, – обхватывает ладонями мои щеки. – Не выходи за этого гондона, слышишь? Бросай его. Он не сделает тебя счастливой.

– А кто сделает? Ты?

– Я тем более не сделаю.

– Да откуда ты знаешь? – начинаю взвиваться. – Ты даже не пробовал!

– Все попытки заведомо приведут к провалу. Я точно не тот, кто тебе нужен. Испорчу жизнь, вот и все.

– Я не понимаю, к чему этот разговор. Не понимаю! – настрой пропал: пытаюсь слезть с него, но он держит крепко. – Непохожее на тебя признание ошибок, просьба простить, непрошенные советы "напоследок"... Ты так говоришь, словно действительно прощаешься!

– И не надо сейчас ничего понимать, – проводит руками по моей спине, и теперь его прикосновения красноречиво говорят о предстоящих намерениях. – Давай не портить разборками хотя бы этот вечер. Иди сюда.

Сегодня все как-то по-другому, по-новому. Даже его поцелуи словно говорят больше. Он ведет себя так, как я того и хотела. О таком Матвее я мечтала! Он ласковый, нежный, и такой новый он дает мне повод снова начать мечтать о том, что все поправимо. Что у нас получится! Стоит только постараться, захотеть...

– Мне снова повернуться к тебе спиной? – тяжело дышу, когда наступает тот самым долгожданный момент. Момент сладкой близости. – Ты же делал это со мной раньше только так.

– Раньше я не хотел видеть твое лицо.

– А сегодня?

Тело пронзает тысяча искр, когда он наконец-то входит в меня.

– А сегодня я хочу смотреть на тебя.

Глава 29

В окно светит серый рассвет. Матвей спит, расслабленно распластавшись по постели, на которой мы совсем еще недавно так неистово занимались любовью. Не диким сексом, а именно любовью. Он был таким, каким я и мечтала: нежным, чутким, внимательным. Этой ночью его снова будто подменили, и я не хочу вникать, почему он стал таким.

Я как последняя дура хочу дать ему шанс. НАМ шанс.

Если мы оба постараемся, то у нас могут получиться нормальные отношения, а у отношений может быть нормальное будущее.

Бесшумно одеваюсь, разглядывая его лицо: нахмуренные даже во сне брови и чуть припухшие губы. Улыбаюсь, вспоминая, как и где именно они гуляли по моему телу... Едва сдерживаюсь, чтобы не подойти и не поцеловать его, но не хочется нарушать его такой безмятежный сон. Еще успеем.

Может быть сходить вечером куда-нибудь вместе? Если начинать с чистого листа, то со всеми обязательными пунктами нормальных свиданий: кино, рестораны, прогулки в обнимку по ночному парку и одно мороженое на двоих... У нас так много всего впереди! Так много... Сердце переполнено нежностью и любовью. Кажется, в малодушном порыве откровенности, разомлевшая от ласк, я даже призналась ему в

чувствах, и за это мне ни чуть не стыдно.

С чистого листа. Без обмана.

Уходить совсем нет желания. Хочется снова нырнуть к нему под бок, переплестись руками и ногами и спать до обеда, но... нет. Правильнее всего сейчас именно уйти. Хочу, чтобы он проснулся в одиночестве и подумал обо мне, чтобы спокойно проанализировал все, что произошло этим вечером и ночью. И мне тоже нужно хорошо обо всем подумать.

Выхожу в гостиную и отыскиваю на полу свою сумку, натягиваю еще не просохшие кроссовки. А потом замечаю на дверце шкафа накинутую вешалку-плечики с черным строгим костюмом и выглаженной белой рубашкой. Одежда скрыта под полупрозрачным чехлом, но рассмотреть, что там, не составляет труда.

Какой-то светский прием?

Вполне возможно, я же ничего не знаю о его жизни. Чем он занимается, какой у него круг общения, какие интересы... Каждая наша встреча была словно баттл, кто кого посильнее ударит словом и побольнее ужалит поступком. Конечно, это ненормально. Само собой с этим нужно что-то решать...

Но не сейчас.

#####

Будит меня назойливый телефонный звонок. Он внедряется в мой безмятежный сон, раздражает, заставляет вернуться из мира грез в мир, где все не так радужно... но уже и не настолько паршиво.

Впервые за последние недели мне хочется улыбаться, а все потому, что человек, которого я люблю впервые сделал шаг навстречу. Этой ночью он был другим. Я видела, как он смотрел на меня, в его взгляде больше не было презрения и ненависти.

Неужели у нас действительно появился шанс?

Возможно, это станет самой большой ошибкой в моей жизни, но я тоже готова сделать встречный шаг. Рискнуть, ведь я люблю его. Дикой, больной, совершенно ненормальной любовью. Но так сильно люблю. Так сильно...

Телефон снова звонит, и я почти уверена, что это либо отец – с запоздавшей взбучкой, либо...

А вдруг это Матвей?

Резко подскакиваю и хватаю с тумбочки телефон. Почти два часа дня! Я проспала до двух? Серьезно? Сон как рукой снимает.

– Алло!

– Лер, ты чего трубку не берешь? – психует на том конце Лика. – Все утро не могу до тебя достучаться ни в одном мессенджере.

– Извини, я только проснулась... – сладко зеваю, прикрыв рот рукой. Поставив на громкую, сворачиваю окно вызова и открываю сообщения. От Матвея ничего. Немного грустно, но не критично. Мы пока не в той стадии отношений, когда ежедневно желают доброго утра.

А что если написать ему первой? Что-нибудь ненавязчи-

вое, но милое. Смайлик-сердечко или чашку кофе...

– Лер! Ты чего молчишь?

– Только проснулась, говорю, – начинаю потихоньку раздражаться. – Ты чего хотела-то? Что-то случилось?

– Новость видела про этого твоего гондона?

– Какого еще гондона? – хмурюсь, опуская на пол босые ступни.

– Ну как какого, блин?! Матвея из клуба! Или у тебя их много?

– Ближе к сути, Лик!

– Ты знала, что у него девушка есть?

Зачатки эйфории мигом словно рукой снимает. Ну вот за чем она напомнила мне сейчас об этом?

Я догадывалась, что у него кто-то есть и, возможно, не одна: та блондинка с парковки, брюнетка из клуба... Но очевидно же, что там ничего серьезного. Думать об этом – только настроение портить.

– Нет у него никого! – резко обрываю ее дальнейшие расспросы. – Так, временные развлечения.

– Да? А я бы так не сказала.

– Говори, зачем звонишь, Лик! – теперь откровенно психую. – У меня еще дел полно!

– Он женился сегодня.

Произносит она, и я даже не сразу понимаю, о чем речь. Не понимаю разумом, но где-то в глубине груди место, где живет душа, начинает покрываться корочкой льда.

– Кто женился? – голос надтреснутый, какой-то сухой.

– Матвей. Пост увидела в городской ленте. Я скинула тебе там в телеге...

Не прощаясь сбрасываю вызов и дрожащими руками открываю приложение.

Она ошиблась. Это не Матвей. Исключено! Это не может быть он.

Мы провели эту ночь вместе! Я уехала от него всего несколько часов назад и он абсолютно точно не собирался жениться. Что за бред!

И уже открывая сообщение от Лики вспоминаю висящий в чехле новый костюм...

"Матвей Варшавский, сын Алексея Варшавского, генерального директора холдинга "Металлинвест" сегодня утром расписался с Яной Литвиновой, дочерью сталелитейного "короля" – Владлена Литвинова. Официальная церемония прошла в Центральном ЗАГСе, а потом кортеж из десятков автомобилей премиум класса направился за город, где в одном из элитных частных заведений, вероятно, и состоится дальнейшее торжество"

На украденном папарацци кадре Матвей, в том самом черном костюме, ведет за руку блондинку в обтягивающем свадебном платье... Ту самую, что я видела с ним у торгового центра несколько недель назад.

Мир расплывается перед глазами нечетким мутным пятном, в котором, словно в омуте зловонной трясины, утопают

мои надежды. Планы. Мечты.

А следом иду ко дну я сама.

#####

Конец первой части

ЧАСТЬ 2. Глава 30

«Мой любимый враг»

Часть 2 «Мой любимый враг»

Спустя два года

#

Какие же красивые у него руки... Сильные, загорелые, с крупными венами и мощными предплечьями. Настоящий мужчина. Кто он? Почему мы не встречались раньше?

Или...?

Я не вижу его лица – его закрывает слепящий солнечный свет, но есть что-то щемяще знакомое в очертаниях. Игра ли света и тени, либо просто мое разыгравшееся воображение, но теперь я уверена, что *помню* эти руки. Помню их тепло и тяжесть ладони на моем обнаженном бедре. А теперь они бессовестно ласкают меня, беспрепятственно проникая под кружево белья.

И я подаюсь навстречу этим прикосновениям, не то, что не прогоняя, наоборот – позволяя гораздо, гораздо больше...

Почему меня трогает чужой мужчина?

Или... все-таки не чужой?

#

Сегодня я хочу смотреть на тебя.

#

Резко открываю глаза и, стараясь привести дыхание в норму, смотрю в как в окно заглядывают робкие солнечные лучи. Знакомые занавески, знакомый бежевый ковер на полу.

И знакомая тяжесть ладони на моем обнаженном бедре.

– Спи, рано еще, – рука перемещается с бедра на живот и притягивает меня к себе еще ближе. – До будильника еще час.

Это был просто сон.

Прикрыв глаза, шумно выдыхаю через нос и честно пытаюсь снова заснуть, но все безуспешно.

– Эй, ты куда? – протестует. – А ну лежать!

– Мне пора, – дергаюсь, чтобы подняться, но в ход идет и вторая рука – теперь я в кольце. – Пусти, Егор, у меня лекция!

– Через два часа, я в курсе.

– Угу, через два. И прогуливать я не планирую.

– А я разрешаю. Хочешь, прикрою?

– Я сплю с тобой не потому, что ты мой препод.

– А почему? – поворачивает меня на себя, и я улыбаюсь, потому что на его лице отпечатался "подушечный шрам" от уголка губ до уха. – Почему спишь? Потому что я фантастический любовник?

– Потому что надеюсь, что ты станешь деканом, – шутливо кусаю его за плечо и, воспользовавшись секундной заминкой, ускользаю.

Я знаю, что он смотрит, как я ухожу, сверкая обнаженной

пятой точкой, но что он там не видел...

С Егором, или Егором Анатольевичем, моим преподавателем экономики, мы вместе уже год. Само собой, когда в нашем универе появился новый молодой аспирант, я даже не смотрела в его сторону, боже упаси! Но, как оказалось, он посмотрел в мою и сразу же начал активный и абсолютно не скрываемый от общественности штурм: цветы, ухаживания, компл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.